

ОСНОВЫ ИСТИННОЙ НАУКИ

Книга II-я

СОСТАВ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА; ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

И. А. Карышева

С. — ПЕТЕРБУРГ

Паровая Скоропечатня и Литография "Надежда". Литейный, 49

1895

Дозволено цензурою. С.-Петербург. 15-го июня 1895 г.

Глава I.

Отвлечённый элемент человека.

Чтобы иметь возможность жить и проявлять свою деятельность на земле, человек необходимо должен иметь материальное тело, состоящее из тех же самых элементов, из которых состоит сама земля, все минералы и все твари, на ней находящиеся.

Появившись на земле без памяти прошлого, мы так привыкаем к своему телу, оно делается такой насущной необходимостью нашего существа, что мы лишаемся возможности представлять себе самого себя без этого тела. С ним непосредственно, совершенно машинально, связываем мы всё своё земное существование, все ощущения и все решительно представления о своём «я». Мало того, это тело в наших представлениях о себе становится нами самими и нашим настоящим «я». Но, вместе с тем, всякий из нас очень хорошо знает, что это тело, когда наше «я» его оставит при смерти, превращается не более как в труп, т.е. в кусок обыкновенной, бездушной, органической материи, который, подчиняясь общим физическим законам, как всякое органическое вещество, разлагаясь на составные части, превращается в землю, тогда как наше «я» после смерти тела остаётся неприкосновенным, неразрушимым и свободным.

Есть люди, утверждающие, что не признают своё небытие за гробом. Они полагают, что будто бы наше «я» уничтожается с разрушением тела, и всё, что в нас чувствовало, сознавало и мыслило, уничтожается бесследно. Они говорят, что им легче представить себя уничтоженным за гробом, чем представить свою личность и своё «я» продолжающим дальнейшее своё существование до бесконечности; – но не заблуждение ли это?

По крайней мере, все философы, которые самым тщательным образом анализировали и изучали человеческое представление идеи о небытии за гробом, приходили к убеждению, что подобное представление совершенно немыслимо и что в самом корне его кроется великая нелогичность и полнейшее непонимание идеи о самом себе. И в самом деле, как может человек представить себе небытие своего «я», т.е. своего личного понимания и ощущения себя самого? Ибо, когда он думает, что представляет себя несуществующим, то что же в сущности он себе представляет, как не самого себя? И представляет он себя, конечно, таким точно, каким он в действительности есть, и иначе он себе «себя самого» представить не может, т.е. он непременно должен «себя» представить существующим и ни в каком случае не может себе представить «себя» несуществующим – ибо в таком случае ему пришлось бы представить что-нибудь другое, но никак не «себя» и не своё существующее «я». Что же именно другое должен он себе представить? Он и сам этого не знает. Это вопрос не разрешим ни умом, ни чувствами; сама природа наша противится такому представлению; разум восстаёт и опрокидывает всю мнимую идею небытия, делая весь дальнейший ход логического мышления в этом направлении невозможным.

Не гораздо ли проще не извращать естественного хода мышления и не представлять себе того, что логически нельзя допустить и через это не насиловать своего воображения вопреки здравому смыслу? Если человек не в состоянии ни через посредство своих чувств, ни через свой разум и логику допустить своё небытие за гробом, то, ясно, он волей и неволей принуждён себе представить «себя» существующим. Другого логического исхода нет. Что может быть естественнее и логичнее умозаключить, что если мы чему-нибудь не можем допустить конца, то должны признать это «нечто» бесконечно существующим?

Надо удивляться, но факты на лицо, что этот строгий и непогрешимый вывод здравого разума находит всегда себе подтверждение в нашем сознании лишь отчасти; у кого больше, у кого меньше, но у всех смутно и неопределённо.

Нельзя не заметить этой весьма типичной черты из жизни че-

ловека на земле, которая проявляется, за весьма редкими исключениями, почти у всех людей. Они никогда не дают себе правильного отчёта в ощущаемых и сознаваемых ими впечатлениях и положительно люди не в состоянии анализировать себя беспристрастно.

Это непонимание себя замечается не в одном вопросе о бытии или небытии за гробом, но и во всех вопросах, в которых сталкивается отвлечённый элемент человека с материальным.

Заметьте, например, что в большинстве случаев все люди, как те, которые веруют в загробное существование и бессмертие души, так и признающие небытие за гробом – всегда весьма смутно выясняют себе вопрос о том, к чему должны они относить сознание своего «я» – к душе или к телу?

Люди, признающие небытие, не допускающие никакого отвлечённого элемента ни в мире, ни в строении человеческого существа, следуя логическим путём мышления от неверно принятых ими исходных точек, должны неминуемо относить сознание своего «я» всецело к своему телу; но у них остаётся невыясненным: откуда берётся само сознание? Они считают, что чувства передаются нервами, – разум, и мысль есть отправление мозга, одним словом – всякое проявление человеческих способностей имеет в теле человека свой специальный орган, но сознание – имеет ли оно свой специальный орган в человеческом организме, через который оно могло бы свободно проявляться? При полном желании материалистов отыскать такой орган в теле человека, это им никогда не удавалось, а потому у них вопрос о том, что такое сознание, где его резиденция, как проявляется оно, остаётся постоянно открытым.

Люди, признающие в себе душу, должны бы были относить всецело к ней всё сознание своего «я». Они признают, что когда их «я» покинет тело, то тело превращается в труп, а их «я», не изменённое этой метаморфозой, в полном своём составе делается свободным. Анализируя это своё допущение, они должны бесспорно признать всё независимое положение жизни души от жизни тела и, наоборот, жизни тела от жизни души, ибо оба эти элемента имеют совершенно разную природу: душа есть отвлечённость, это дух, не имеющий ничего материального; тело же наше есть веще-

ство, не имеющее ничего духовного, и потому и отправление одного из этих элементов не может ни в каком случае быть смешиваемо с отправлениями другого. Материя может производить только материю, но ничего духовного; сознание же нашего «я» не имеет ничего материального, а потому оно не может быть жизненным продуктом вещества и, ясно, должно быть сопричислено к отправлениям нашей души. На этом логическом и верном выводе следовало бы остановиться и принять его за безошибочный исходный пункт логического мышления. Но слишком определённое ощущение тела во всех проявлениях нашей органической жизни и та первенствующая роль, которая выпадает на его долю во всех наших ощущениях, как бы протестуют против выводов разума и заставляют нас совершенно произвольно полагать, что отчасти, или по крайней мере в известных случаях, не может наше «я» не относиться к нашему телу.

Для людей же, которые предполагают, что их «я» иногда относится к душе, а иногда к телу, вопрос об отношениях тела к душе и о распределениях жизненных функций между ними чрезвычайно усложнён, и это обстоятельство не может не породить множества неясностей в представлениях их собственного внутреннего мира. Они невольно спрашивают себя: какие ощущения и жизненные проявления должно относить к телу, и какие – к душе? Где кончаются функции тела и где начинаются функции души, т.е. какая грань разделяет их? Что играет главную роль в жизни человека на земле – душа или тело? И, как следствие этих вопросов, касающихся прямо природы их существа или организации, являются другие, затрагивающие форму и образ их жизни на земле, и они опять в недоумении спрашивают себя: что же надо больше культивировать в себе – тело или душу? Подчинять ли душу требованиям тела, или, наоборот, тело требованиям души? Следовать ли некоторым аскетическим верованиям, требующим, путём изнурения своего тела, вызывать его подчинение душе, или, следуя древним философам, воспитывать и беречь тело, так как будто бы в здоровом теле должна быть здоровая душа?

Вообще говоря, ни одна наука не даётся человеку с таким трудом, как наука о самом себе и ничто не кажется ему так загадочным, как он сам.

Не следует, однако, удивляться, что человек, живя на земле в своём грубом и вещественном теле, не отдаёт себе ясного отчёта в природе своих ощущений и проявлений жизненной деятельности. Они действительно чрезвычайно сложны и разнохарактерны, а способности человека слишком ограничены и вполне недостаточны, чтобы помочь ему изучить самого себя; кроме того, человек сам не сознаёт с одинаковой отчётливостью всех впечатлений, ощущений, отправлений и потребностей своего существа. Сознание ощущений более сильных и интенсивных всегда затемняет, а иногда совсем ступшёвывает сознание ощущений более слабых. В большинстве случаев сознание своей органической жизни тела и деятельность разума, направленная к удовлетворению житейских потребностей и забот, проявляют наибольшую силу и давление на его существо, что всегда ослабляет, а иногда и совсем уничтожает всё сознание его внутренней духовной жизни. Чем сильнее проявляются и напрягаются человеком жизненные или органические силы, чем более он озабочен житейскими нуждами или материальным своим обеспечением, чем сильнее напрягает он свой разум для разрешения вопросов своего земного благосостояния и своего личного довольства, тем более затемняется в нём сознание отвлечённого духовного мира, как того, который находится в нём самом, так и того, который проникает всю вселенную и служит основой всего существующего в природе.

Это совершенно так же, как свет солнца днём скрывает от нашего взора свет луны и звёзд; но стоит солнцу вечером начать уменьшать силу своего света, и мало-помалу станут появляться на небе звёзды одна за другой, пока не загорится всё небо. Свет звёзд, на тёмном небосклоне, не похож на солнечный свет, он имеет совершенно другой вид и свойства, однако обратите внимание, как ярко они для нас горят в тёмную ночь; как отчётливо мы видим каждую порознь и каждую с самостоятельным цветом, а ведь днём они совершенно не были нам видны.

Человеку, желающему увидеть свой внутренний и духовный мир сияющим и блестящим и посредством этого убедиться, что, кроме видимых жизненных потребностей и органических отправлений, в нём есть нечто другое, невидимое, высшее, более чистое и святое – нельзя посоветовать производить исследования себя в

то время, когда органическая и жизненная деятельность находится в полном разгаре и напряжении или когда деятельность разума поглотила всё его существо житейскими или научными заботами.

Не время начинать в себе поиски своего духовного элемента за каким-нибудь лукулловским обедом при многочисленном обществе, разгоряченном вином и праздными речами, или во время учёных диспутов, или в разгаре бала, или медового месяца. На всё должен человек отводить особое время, и тем более это мудрое правило должно относиться к проявлению в человеке духовной стороны его существа, требующей известной подготовки и исполнения некоторых условий, касающихся обеих природ, заключающихся в человеке, как отвлечённой, так и материальной.

Для анализа духовного своего элемента лучшее время наступает тогда, когда деятельность наших умственных и органических сил несколько понижена; когда солнце нашей ежедневной жизни умеряет силу своих лучей, а это случается часто:

1) Всякий день вечером, когда жизненные силы истощены, разум устал от дневной работы, и человек чувствует потребность, отдохнуть сосредоточиться, свести итоги дня и набраться новых духовных и физических сил для дальнейшей работы.

2) Во время болезней наиболее ясные ощущения внутренней жизни получает всякий, как следствие сильных и продолжительных страданий.

3) Под старость, когда весь организм расшатан и отказывается служить, но душа бодрa, крепка и мысли свежи.

4) При сильных житейских неудачах и постигших человека несчастиях, когда, после чрезмерной напряжённости умственных сил, является безнадёжное состояние апатии, при котором разум ослабевает и начинает сознавать своё бессилие.

5) Лучше всего предъявляет наша внутренняя природа свои права у одра умирающего близкого нам человека, или при сознании своей собственной близкой смерти. В эти минуты, когда перед нашими глазами совершается страшное таинство смерти, мы всецело поглощаемся могущественным влиянием, производимым им, как на самого умирающего, так и на всех присутствующих, окружающих его лиц. Это впечатление ступшёвывает и затемняет все

остальные, как житейские, так и органические, и наш духовный элемент блестит перед нами, как яркая звёздочка на тёмном небосклоне, так светло и определённно, что исчезает всякое сомнение в том, что не последует наше «я» за тем бранным останком, который сделается скоро достоянием земли.

Но приобретаемая опытом жизни уверенность в духовную жизнь принимается разными лицами совершенно разнно, а именно:

1) Есть люди, которые прямо избегают анализа своего внутреннего духовного мира и вообще всех разговоров и напоминаний о смерти. На них нападает какой-то безотчётный панический страх и какой-то трепет, как перед чем-нибудь необъятным, сверхъестественным, противным при роде их существа. Одни сравнивают это чувство с чувством безотрадной и безысходной пустоты; другие с ощущением, когда человек теряет почву под ногами; третьи говорят, что это чувство похоже на головокружение или обморок, при котором человек не теряет полного сознания, но все ощущения переходят в тяжёлый и удручающий кошмар, при котором человек представляет себя летящим вниз в беспредельную бездну. Все эти ощущения, конечно, нестерпимы уже сами по себе, но, кроме того, они доводят человека до такого состояния или настроения, при котором он не может заниматься житейскими делами. Поэтому люди эти всеми силами отгоняют от себя всякое воспоминание о смерти, стараются развлекаться или ещё с большею ревностью погрузиться в водоворот обыденной жизненной деятельности. Но благо-разумно ли они поступают? Если одно воспоминание о смерти уже леденит человека до мозга костей, то какова же будет действительность; ведь смерти они избегнуть не могут, что же будет тогда? Какую будущность они сами себе готовят? Всякий мало-мальски практически развитой ум, сопоставляя условия своих личных выгод и невыгод настоящих в связи с будущими, поймёт, что сойти за гроб человеку, к тому не подготовленному, не может составить его расчёта, ибо жертвовать бесконечной жизнью для временной безрассудно. Убийственнее всего, когда эта особенность характера встречается между верующими людьми и исповедующими свою религию. Эти люди должны считать себя в высшей степени несчастными.

2) Бесспорно, что значительное большинство верит в Бога и в

загробную жизнь. Исповедуя свою религию, люди научаются ощущать в себе свой духовный элемент. Многие из них доходят до возможности вызывать совершенно определённые сознания или ощущения своей души и тогда они начинают чувствовать не только потребность, но и высшее, ни с чем земным несравнимое, удовольствие в молитвенной сосредоточенности, т.е. они приобретают способность временно понижать требования своей организации и уходить своими ощущениями вглубь своей собственной души; через это они приближаются, а некоторые даже сливаются с Душой Мира, Богом. В эти минуты они переживают разные сверхчувственные ощущения, входят до некоторой степени в состояние экстаза и, вообще говоря, переживают то, что для людей, не обладающих столь сильной способностью молиться, остаётся совершенно непостижимо, непонятно и даже невероятно.

В эти минуты душевной сосредоточенности материальное тело, конечно, всецело подчиняется требованиям духовного элемента человеческого тела, так как сознание души сильнее, чем сознание органической жизни тела, которое в большинстве случаев у лиц, достигших столь высокого духовного развития, не избаловано и привыкло подчиняться требованиям их воли.

Вообще, надо заметить, что тот, кто способен хотя в малой степени ощущать в себе высший элемент своего существа, тот, кто способен верить свидетельству своих внутренних чувств больше, чем выводам разума, тот приобретает известное равновесие внутренних душевных чувств с чувствами своего материального тела, при котором первые имеют всегда господствующее значение, отчего заботы о душе отодвигают далеко на второй план все заботы о теле. Следствием такого отношения к жизни является то, что человек делается более устойчив для переживания всех жизненных трудностей, превратностей и разных невзгод, через что упрощает и облегчает сам себе своё существование на земле. Поэт сказал о таких людях: «Блажен кто верует, тепло тому на свете жить», и действительно, кто проникся идеей, что истинная жизнь его есть загробная, бесконечная, блаженная, что земная есть только подготовительная, временная школа для этой бесконечной жизни, что переживает он эту трудную и временную подготовку – для бесконечного блаженства, – того и печали земные не могут печалить, а

радовать могут только те радости, которые имеют бесконечное значение.

3) Третью категорию людей создал наш век господства классического ума и практического расчёта. В предыдущем веке вся эта категория людей просто объявила бы себя атеистами, но в нынешнем веке средний уровень нравственного развития общества, и каждого из них, заставляет их чувствовать и отчётливо сознавать, что есть «нечто» духовное, как в мире, так и в них самих, но чего они никак уловить не могут. Это «нечто» ускользает от их понимания сущности фактов и явлений природы. Они никак не могут допустить, что препятствие к ясному сознанию этого «нечто» заключается в их собственном мировоззрении и в их собственном существе, а не в природе этого самого «нечто», которое понимается другими весьма легко. Всё дело в том, что деятельность их органической жизни, ума, или практического расчёта находится всегда в усиленно напряжённом состоянии, как крепко натянутые струны, и ослабить эту деятельность они не считают для себя возможным, не производя неприятной для них перемены в привычном образе жизни и мысли. Они, так сказать, охвачены жизненным вихрем и несутся в одном направлении без оглядки и решительно не стараясь предугадывать настоящей сущности своей жизни, они вполне довольны своим образом жизни и временными, избранными ими близкими целями их жизни. Одни не находят достаточной причины идти против требований их избалованной и извращенной организации, а потому потакают всем прихотям своего тела и исключительно заняты удовлетворением своих страстей, капризов и т.д.; другие находят, что любовь, милосердие, уступчивость, доброта могут только расстроить их благосостояние и накопленное богатство, а потому усиленно и с полной ревностью направляют деятельность своего рассудка исключительно на имения, банковские дела, игру на бирже, на свою службу, интриги, карьеру и т.д. Третьи, получив смолоду классическое образование, развивали исключительно свою память и ум в ущерб своих духовных пониманий природы и приобрели позитивную мысль, от которой не могут отделаться до самой старости; они решительно не находят нужным изменять своего привычного взгляда на природу и её явления. Они остаются удовлетворёнными привычным для

них позитивным способом изучения материального мира и, не зная другого, желают тот же способ применить для изучения отвлечённых и духовных областей вселенной, что, конечно, им не удаётся, ибо природа духа не имеет ничего общего с природой вещества и материи. Они решительно недоумевают, как согласить свои привычные взгляды на мир с тем сознанием отвлечённого и духовного, которое, хотя весьма слабо, но всё-таки чувствуют в себе изредка.

Изучение существа человека вообще чрезвычайно трудно. Из всех организмов, существующих на земле, самый совершенный, а вместе с тем и самый сложный, есть организм человека. Он единственный, который включает в себе отвлечённое начало, проявляющееся с такой силой и определённой в каждом отправлении его материальной организации; несмотря на это, однако, на изучение здорового организма человека потрачено учёными менее труда, чем на изучение остальных менее сложных организмов, и многое, что мы знаем о человеке, выведено по аналогии, переходя от тела животных, на которых изучались эти факты или явления. Многие явления и факты из жизни человеческой организации, которых у животных нет, или те, которые находятся у них в зачаточном состоянии, а потому наукой неуловимы, – совсем на человеке не изучались.

Стоит только человеку задуматься над своим существом и захотеть *разумно выяснить себе «себя самого»* хотя бы примерно, хотя бы в общих чертах, чтобы сразу попасть в дремучий лес не разведанной ещё наукой области догадок, ни на чём ровно не основанных представлений, не доведённых до конца теорий, решительно не отвечающих ни на один интересующий человека вопрос, касающийся его сущности. Вообще, можно сказать, что наука о человеке находится ещё в самой примитивной фазе, и приходится только удивляться, отчего до сих пор среди наук нет специального места этой самой главной науке – науке о самом человеке. Никто не может отрицать, что эта наука была бы самая полезная и самая существенная из всех остальных наук, ибо она прямо создала бы разумные и логичные отношения человека к своему внутреннему, духовному существу, а следовательно, больше всего способствовала бы нравственному пониманию природы и её явлений. Этой

науке открылось бы обширнейшее поле действий в совершенно девственной области знаний, ещё не затронутой нашим позитивизмом, эта новая наука весьма скоро показала бы человеку его душу, разъяснила бы ему весь состав его существа и все условия его жизни на земле. Кроме физических и органических проявлений животного организма, она подробно изучила бы все сверхчувственные проявления души, как в организме, живущем полной силой своей органической деятельности, так и в умирающем и уже умершем.

При этой науке человеку, мало духовно развитому, не пришлось бы заниматься самому сизифовой работой отыскивания в себе изредка и весьма слабо проявляющихся микроскопических проблесков души, ибо эта наука собрала бы и расследовала множество фактов, сверхчувственных состояний и ощущений у людей в тех случаях, когда они проявлялись с известной силой.

Подобных фактов несметное количество, и все они пропадают в настоящее время, не принося пользы всему человечеству, а только отдельным личностям, которым они известны, так как двери науки для них заперты, не взирая на то существенное значение и на те неизгладимые следы, которые они оставляют в жизни каждого, видевшего или переиспытавшего их человека. Насколько многочисленны проявления сверхчувственных состояний между людьми, явления призраков из загробной жизни и всех подобного рода фактов, можно судить из следующего: Лондонское психическое общество сделало вызов через журналы и газеты, приглашая желающих сообщить ему более или менее доказательные факты явлений живым людям призраков людей умерших в момент их смерти. Несмотря на то, что менее одной десятой всех существующих газет и журналов поместили этот вызов и что сообщался только один вид из всех явлений подобного рода, однако Лондонское психическое общество было положительно завалено подобного рода сообщениями. Оно получило их более ста тысяч штук из всех положительно стран света. По поручению Психического общества наиболее доказательные из этих сообщений, подтверждённые несколькими свидетельскими показаниями, были изданы профессорами Э. Гернеем и Ф. Мейерсом в книге, в которой 1417 страниц очень убористого шрифта, под заглавием «Фантазмы живых».

Этот труд далеко не единственный в своём роде; напротив, в настоящее время литература изобилует подобными произведениями. Книги спиритического, теософского и вообще мистического содержания появляются сотнями и, наконец, до двухсот журналов и газет обогащают ежедневно подобного рода литературу огромным количеством новых фактов чудесного и загадочного характера.

Если бы мы предположили даже, что известное количество из них могло бы быть причислено к области выдумок или игре праздной фантазии, или, наконец, к области аффекта и болезненно расстроенного воображения, то всё же мы ни в каком случае не имели бы права сказать того же о всех подобного рода сообщениях, ибо хотя в некоторых из них должна же быть доля правды; а если есть хотя малейшая доля правды во всех подобного рода сообщениях, то прямая обязанность науки состоит в том, чтобы расследовать и изучить их, ибо во всех этих явлениях таится главная суть нашей внутренней, душевной жизни, проявляющаяся с известной отчётливостью, в которой мы и должны искать всю разгадку нашего бытия.

Что не вся литература сверхчувственных явлений и фактов составляет бред, химеру или выдумку, свидетельствует лучше всего то обстоятельство, что многие позитивисты и материалисты, т.е. люди, принадлежащие к лагерю самой крайней оппозиции, высказывались во многих случаях в пользу достоверности некоторых из них. Для примера укажем на Вильямса Карпентера, А. Досье, Эдуарда Гартмана и на Вильгельма Вундта. Все они признали неоспоримое существование непонятных и загадочных фактов в природе и в человеке; но рамки их позитивных мировоззрений и знаний не допускали их доводить изучения этих явлений до причины и сущности. Не додумываясь же до конца, останавливая свою мысль на полпути исследований, и объяснения их получались недостаточно глубоки и неудовлетворительны. Так, одни из них причисляют эти явления к рубрике галлюцинаций, т.е. к области болезненно-расстроенного воображения; другие объясняют их действием нервных жидкостей, третьи называют их следствиями психических сил, заключающихся в человеке. До некоторой степени они, ко-

нечно, все правы, ибо при виде всех этих явления у каждого человека до некоторой степени и воображение ненормально, и нервы напряжены, и психические силы работают более усиленно, чем в обыкновенное время. Но нельзя не заметить опять всё те же недостатки, всё то же недомыслие, которые мы всегда встречаем, но всех позитивных и материалистических объяснениях фактов и явлений.

Все эти объяснения слишком поверхностны и недостаточны для умов, желающих изучать природу более определённо и отчётливо. Ни позитивисты, ни материалисты решительно не объясняют, по существу, что такое именно эта их галлюцинация? Отчего она является? Какая природа этой болезни? И чем доказывается, что это – болезнь? Может быть это и есть самое нормальное состояние человека, когда он делается способен видеть вещь в «самой себе»? Ведь подобное доказательство было бы крайне необходимо. Может быть это – лишняя и новая способность в человеке видеть загробный мир; может быть это проявление нового, шестого чувства, которым владеют не все люди. Нам эти объяснения кажутся логичнее, чем объяснения галлюцинаций болезнью. Рассудить, кто прав, должна была бы наука, изучив этот вопрос.

То же самое, говоря о нервных жидкостях и о психизме, разве позитивизм объясняет природу этих вещей? Разве мы можем составить себе понятие, по их объяснениям, как они действуют? Как, например, нервные жидкости выходят из человека, собираются где-нибудь в уголке комнаты и образуют там другого человека? Положим, что такое загадочное, невероятное явление и происходит в действительности, то ведь надо же объяснить, как это всё происходит, вследствие каких причин и, наконец, доказать, что это действительно всё так, а не иначе.

Всякий, видевший или переиспытывавший какое-либо сверхчувственное настроение или состояние, или видевший видения из загробной жизни, будет вполне не согласен с позитивными объяснениями этих состояний и никогда не признаёт себя больным. Все эти лица в большинстве случаев были совершенно здоровы и в здравом уме, как до видения, во время его, так и после. Видения эти нисколько не отразились ни на их организме, ни на их здоровье, но зато нет ни одного из них, которое не принесло бы человеку

великой нравственной и духовной пользы и не оставило бы глубоких следов в его последующей духовной жизни. Таким образом, если причислить эти, так называемые, галлюцинации к числу болезней, то никак нельзя причислить их к числу болезней организма, скорее к числу болезней нравственных и весьма полезных. Разве мы знаем среди всех болезней организма хотя одну, которая, не причиняя вреда организму, приносила бы всегда громадную и самую существенную, нравственную пользу человеку и действовала бы в высшей степени благотворно на внутреннюю жизнь человека, всегда улучшая его душу. Наконец, нельзя не заметить, что причина этой болезни всегда разумная и нравственная, но не случайная и не органическая, ибо никакая логика не может допустить, чтобы разумному действию могла бы быть неразумная причина.

Вся ошибка позитивистов и материалистов заключается в том, что все объяснения их природы и сущности этих состояний слишком коротки, авторитетны, но мало научны, а без этого всё их изучение данного предмета не может удовлетворить любознательности развитого человека. Может ли себе, в самом деле, позволить серьёзная наука, для объяснения целой области явлений и фактов самого загадочного и чудесного содержания, кинуть, как бы из милости, несколько ничего незначащих слов и латинских номенклатур, не потрудившись даже дать этим словам какие-нибудь научные разъяснения?

Послушаем, как относились к сверхчувственным ощущениям или настроениям некоторые великие умы, например:

1) Ф.М. Достоевский. В «Вестнике Европы», известная г-жа Ковалевская, в воспоминаниях о своём детстве, рассказывает, между прочим, о том, как у Ф.М. Достоевского появилась падучая болезнь.

Болезнь эта началась у него, — рассказывает она, — когда он был уже не на каторге, а на поселении. Он ужасно томился тогда одиночеством и целыми месяцами не видал живой души, с которой мог бы перекинуться разумным словом. Вдруг, совсем неожиданно, приехал к нему один его старый товарищ. Это было, именно, в ночь перед Светлым Христовым Воскресеньем. Но на радостях свидания они и забыли, какая это ночь, и просидели её

всю напролёт дома, разговаривая, не замечая ни времени, ни усталости и пьянея от собственных слов.

Говорили они о том, что обоим всего было дороже – о литературе, об искусстве и философии, коснулись, наконец, религии.

Товарищ был атеист, Достоевский – верующий, оба горячо убеждённые, каждый в своём.

– Есть Бог, есть! – закричал, наконец, Достоевский, вне себя от возбуждения. В эту самую минуту ударили колокола соседней церкви к Светло-Христовой заутрени. Воздух весь загудел и заколыхался. «И я почувствовал, – рассказывал Федор Михайлович, – что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг Бога и проникся Им. Да, есть Бог! – закричал я, – я больше ничего не помню».

– Вы все, здоровые люди, – продолжал он, – и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываем мы, эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверяет в своём Коране, что видел рай и был в нём. Все умные дураки убеждены, что он просто лгун и обманщик. Ан нет! Он не лжёт! Он действительно был в раю в припадке падучей, которою страдал, как и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или месяцы, но верьте слову, все радости, которые может дать жизнь, не взял бы я за него!»

2) Знаменитый натуралист Линней признавал двойников человека, и однажды сам рассказывал случай, где он сам являлся в виде двойника своего. «Мои комнаты, – говорил он, – были расположены по одну сторону общей залы, а комнаты жены по другую. Однажды она, вместе с несколькими другими липами, слышала, как я прошёл через залу, отпер мой кабинет, вошёл в него, и выйдя оттуда запер дверь; она думала, что я оставил там свою шляпу и палку и тотчас же войду к ней; однако, никто не являлся. Тогда моя жена сказала: «Вы увидите, что сейчас придёт муж!» Что через некоторое время и случилось. Ей не раз случалось перед моим возвращением домой слышать то же самое, даже перед моим возвращением из Стокгольма» (Nemesipdivina).

3) Гёте говорит: «Между любящими эта магнетическая сила нередко действует на большое расстояние: в юности мне случа-

лось во время уединённых прогулок испытать сильнейшее желание увидеть любимую особу, и я так долго и напряжённо думал о ней, что, наконец, она приходила ко мне на встречу, говоря: «Мне стало невыносимо тоскливо сидеть дома! Я ничем не могла развлечься и пришла сюда». Один из таких случаев описан им очень подробно и заслуживает серьёзного внимания. (Экерман – разговоры с Гёте, III, 137–139).

4) Философ Эммануил Кант. Приведём его слова по цитате Цёльнера, переведённой по-английски Массейем, предупреждая читателя, что когда он употребляет слово «невещественный», он не подразумевает в нём отсутствие всякой сущности, так как известно, что он признавал неудовлетворительным картезианское гипотетическое понятие о духе.

«Не скрываю, что я очень склонен признать существование невещественных существ в этом мире и причислить и мою душу к категории таких существ.

Мы можем представить себе существование невещественных существ без страха быть опровергнутыми, но вместе с тем и без надежды доказать его по разуму. Существование таких духовных существ в пространстве не мешает обитанию этого пространства существами материальными, ибо присутствие в нём первых, как активных сил, не занимает в нём места, в смысле вещественном, т.е. не представляет сопротивления присущего твёрдым телам.

Нетрудно было бы доказать это, вникнув в вопрос поглубже, а не то скажем ещё лучше: это будет доказано в будущем, – где и когда, я не знаю – что и в земной жизни человеческая душа состоит в неразрывном общении с невещественными существами духовного мира, производит на них своё воздействие, а взамен получает от них впечатления, хотя и бессознательно для себя, пока всё в ней обстоит нормально.

Для человечества было бы истинным благодеянием, если б подобный систематический строй духовного мира, как мы его понимаем, предполагался бы не на основании только слишком гипотетического понятия о духовной природе вообще, а основывался бы или, по крайней мере, считался бы вероятным посредством какого-либо реального и всеми признаваемого наблюдения».

Эти слова замечательны и вполне заслуживают глубокое внимание читателей. Кант между философами стоит на одном уровне с Платоном, Аристотелем и Лейбницем. Он говорит нам положительно, – и это более ста лет тому назад – что факт общения человеческой души и в этой жизни с существами духовного мира будет доказан со временем. Не настало ли уже это время теперь? Спиритические факты, по крайней мере, вполне оправдывают его предсказание.

Кант идёт ещё далее. Неудовлетворённый «слишком гипотетическим понятием о духовной природе человека» (картезианское понятие было в его время господствующим) – он заявляет, что было бы истинным благодеянием для человечества, если б факт взаимодействия и общения обоих миров, им предчувствуемый, мог бы быть признан существующим, или, по крайней мере, вероятным, на основании реального и всеми допускаемого наблюдения. (Творения Канта, т. VII, стр. 32) и (Ребус 1886 г., стр. 490).

5) Философ-пессимист Артур Шопенгауэр в своём сочинении «О духовидении», говорит следующее: «Явления духов, которые в прошлом через-чур умном столетии, казалось, были совершенно изгнаны, или, по крайней мере, осуждены всеми, теперь снова получили права гражданства. Нетрудно объяснить себе такую перемену. Ибо доводы против возможности таких явлений были отчасти метафизические, которые, как таковые, не имели под собой прочного основания, отчасти эмпирические, которыми доказывалось лишь то, что во всех случаях, когда не было ни случайного, ни явного обмана, не было и ничего такого, что могло бы повлиять путём отражения световых лучей на сетчатую оболочку глаза или путём колебания воздуха на барабанную перепонку уха. Но эти доводы говорили лишь против присутствия телесных предметов, чего никто, впрочем, и не утверждал, потому что самое понятие духа предполагает совершенно иной способ явления, отличный от способа явления тела.

«Отрицание à priori всякой возможности этого рода явлений и осмеивание тех, кто признаёт их, ни на чём ином не основано, как только на убеждении, будто смерть есть абсолютное уничтожение. Но коль скоро такое убеждение несостоятельно и даже невоз-

можно, то нельзя понять, почему существо, где-нибудь ещё пребывающее, нигде не должно обнаруживаться и оказывать влияние на другое существо, которое находится в ином состоянии». (Реб. 1889 г., стр. 161–237).

6) Н.И. Лобачевский имел при жизни своей также два таинственных факта, которые его сын передаёт следующими словами: «В жизни моего отца были два весьма странных случая. Незадолго до назначения попечителем В.П. Молоствова, отец мой в своей крошечной спальне был разбужен как бы отворившейся дверью. Открыв глаза, он увидел, что перед ним стояла какая-то женщина в белом покрывале, с белою косою и цепью на руках. Предположив, что к ресницам пристал пух от подушки, он протёр глаза, но видение не исчезло. Женщина, показав рукою в сторону нашего дома, вышла в окно с двойною рамою. Утром помощник инспектора Зоммер, придя с рапортом (Лобачевский был в то время ректором), что-то замялся, проговорив, однако, слово «ещё»; отец попросил Зоммера не стесняться и доложить в чём дело. Оказалось, что ночной часовой доложил эзекутору, что из окна его превосходительства вышла какая-то белая женщина, прошла через двор, крышу каретника и исчезла. Эзекутор обругал часового, заподозрив, что он был пьян, и посадил его под арест. Позвав эзекутора и приказав немедленно освободить часового, отец подтвердил его рассказ.

Второй случай тоже не лишён интереса. Когда мы укладывались и переезжали в свой дом, вся прислуга слышала какой-то стон, выходящий как бы из-под пола, а затем мы все слышали (мне было тогда лет 15), как перебирались клавиши на запертых фортепьянах, издавая унылый звук». (Воспоминания о Лобачевском, «Исторический Вестник», январь 1895 года, стр. 159 и 160).

7) Н.П. Гиляров-Платонов. В «Русском Деле» № 17, за 1887 год, помещена, заимствованная из «Современных Известий» 1884 года, горячая полемика по поводу спиритизма, в которой принимал участие и покойный их издатель Гиляров-Платонов. Приведём только конец частного письма всей Москве слишком хорошо известного Никиты Петровича к одному из полемистов, помещённого в том же номере «Русского Дела».

«Сущность спиритизма заключается в положении, что между

тем миром и здешним возможно и бывает сообщение. Это есть основание, а далее идёт разноголосица и толкования. Аллан Кардек, Оуэн, Вагнер, каждый придумывает свою теорию. Я, положим, имею свою догадку, хотя в ней не уверен, а тем менее согласен с Кардеком. Вопрос в том, есть ли, бывают ли сообщения? Несомненные факты спиритизма, которых бесчисленное множество, означают ли реальное выступление умерших, или собственное наше, потенцированное видение? Я себе ставлю так вопрос и, признаюсь, не берусь решать его. Покойный В.И. Даль получил «откровение» (назыв. так) от умершего Вышеславцева (в первый раз слышанная им фамилия), с просьбой написать известного рода утешение здравствующему сыну такого-то, в таком-то селе (ни то, ни другое не было Далю известно); Даль написал письмо к лицу, в существовании которого не был уверен, и в село не знамо, действительное, или мнимое. Написал и получил ответ. Вот вам факт *из ряда бесчисленных*, мне лично известных. Факт фактом, а объяснение стройте какое угодно».

8) А.Р. Уоллес, учёные заслуги которого ставят его несомненно на ряду с Дарвином, в своей статье, озаглавленной: «Защита современного спиритизма» (стр. 63–65), говорит:

«Большинство официальных учёных отказывается исследовать эти явления, когда их приглашают к тому. Общество, членом которого состоит учёный этот, отказывается даже занести его исследования в протокол, а пресса начинает кричать, что нужен лучший свидетель, чем г. Крукс, и что подобные факты требуют новых подтверждений, прежде чем им можно будет поверить. Но зачем больше подтверждений? После того, как целый ряд этих явлений был исследован в продолжение десяти лет и в реальности их убедились тысячи скептиков, здравомыслящих и остроумных американцев всех классов общества, – они были подтверждены первым химиком Америки – профессором Робертом Гером. Два года спустя они были подтверждены тщательными и настойчивыми исследованиями одного из первых американских юристов – судьи Эдмондса; потом другим известным химиком, профессором Д. Мепсом. Во Франции действительность физических явлений была подтверждена графом А. де-Гаспареном в 1854 году, а несколько

позже, астрономом Каниллом Фламарионом, несколькими математиками и химиками, занимающими не последнее место в ученом мире. Профессор Женевского университета Тюри подтвердил их также в 1855 году. У нас, в Англии, такие люди, как профессор математики де-Морган, доктор медицины Локгарт Робертсон, писатель А. Троллоп, доктор прав Кокс, физик, заведующий электрическими аппаратами трансатлантического телеграфа С.Ф. Варлей и целый комитет Диалектического общества подтвердили, каждый с своей стороны, реальность этих явлений; наконец, известный химик Уильям Крукс, член Королевского общества, производит свои опыты и исследования в продолжение четырёх лет с двумя сильнейшими и замечательнейшими медиумами нашего времени и, в свою очередь, убеждается в действительности спиритических явлений, о чём печатно свидетельствует. Но и это ещё не всё. Целый ряд самых компетентных исследователей получает подтверждение спиритуалистических фактов с помощью фотографии, которая не может быть обманута, не может иметь никакого предвзятого мнения, которую субъективные впечатления не могли ввести в ошибку, которая отмечает только то, что действительно случается. И что противопоставляют наши противники этому ряду беспристрастных и неподкупных свидетельств? Они высказывают нелепые и неуместные подозрения и не приводят ни одного действительного факта, который мог бы служить подтверждением их мнения.

Прежде, чем отвергать эту теорию, нужно доказать, что подобных фактов не было; а простое отрицание или неверие не уничтожает фактов, которые подтверждаются тремя свидетелями, наблюдавшими их в продолжение пяти лет, — людьми здравомыслящими, просвещёнными, которые всё это время вели себя и дела свои так, что заслужили уважение и доверие всех своих сограждан.

Вследствие всего этого я утверждаю, что явления спиритуализма в своей совокупности не требуют никаких дальнейших подтверждений. Они так же хорошо доказаны, как всякие другие факты в науке, и никакое отрицание не в состоянии опровергнуть их. Если бы противники спиритизма могли представить описание своих исследований столь же продолжительных и полных, как исследования его защитников; если бы они могли открыть и объяснить

подробно или как происходят эти явления, или каким образом все указанные нами в высшей степени рассудительные и способные люди были приведены с помощью обмана к твёрдому убеждению, что они были свидетелями действительных явлений, и если бы при этом они могли доказать справедливость своей теории, – тогда только, но не раньше, спиритам необходимо было бы представить новые подтверждения фактов, достаточно реальных и неоспоримых, чтоб убедить каждого честного и терпеливого исследователя.

Принимая во внимание все эти свидетельства и доводы, мы считаем себя в праве сказать, что спиритуалистические факты, а вместе с ними и спиритуалистическая теория – как единственная, вполне удовлетворительно объясняющая их – имеют в настоящее время совершенно прочное основание».

9) Виктор Гюго: “Reviews of Reviews” за ноябрь 1893 г. поместил статью Октава Узана, озаглавленную: *«Разговоры и мнения Виктора Гюго»*. Содержание этой статьи почерпнуто из дневника сына Виктора Гюго, Франца, который он вёл во время изгнания своего отца. Из этой статьи мы видим, что во дни изгнания Виктора Гюго призрак, называемый «Белой женщиной», часто посещал морской берег и вообще всю местность, прилегающую к Марин-террасе; почти каждую ночь странствовал он по самой террасе, вследствие чего на стене, отделявшей её от моря, поместили большой чёрный крест. Автор дневника говорит:

«Легковерные люди слепо верят во всё таинственное, скептики, напротив, вполне отрицают его, великие же умы относятся серьёзно к необъяснимому, к неведомому; они не говорят ни да, как легковерные, ни нет, как скептики; они ждут и присматриваются».

Много странного пришлось видеть и слышать Виктору Гюго. В его комнатах раздавались непонятные звуки, слышались стуки в стене. Иногда, без малейшего ветра, бумаги сами собою передвигались по столу. Карл и Франц Гюго слышали те же звуки из соседней комнаты. Раз ночью г-жа Гюго проснулась в темноте, хотя она отлично помнила, что, ложась спать, она не погасила свечи, – спрашивается, кто же потушил её? 22 февраля Виктор Гюго случайно вошёл поздно вечером в залу, два окна которой выходили на

улицу. Камин был погашен, ламп и свечей на столе не было, прислуга вся спала; затем он прошёл в свою комнату, лёг и заснул. В ту же ночь в два часа вернулись домой.

Карл и Франц Гюго, и с удивлением увидели, что зала освещена и не только топившимся камином, а на столько ярко, что казалось, как будто зажжены ещё и канделябры. Крайне пораженные, они хотели отворить дверь, ведущую в залу, но она оказалась запертою.

При этом случае в *Journal de l'Exil* (дневник изгнания) впервые упоминается о столоверчении. Карл Гюго, удивлённый столь необычайным явлением, попробовал вопрошать стол. Дух, проявившийся на первом сеансе, назвалса «Белой женщиной» и объявил, что о дальнейшем он сообщит не иначе, как только на улице в три часа утра. Виктор Гюго, кому это было сказано, не отличаясь храбростью, нашёл, что время и место свидания крайне неудачно выбраны, и остался дома; остальные члены семьи последовали его примеру. Ночью, когда Виктор Гюго ещё сидел, по своему обыкновению, за своим письменным столом, вдруг раздался сильный звонок; мгновенно он вспомнил о «Белой женщине» и, посмотрев на часы, убедился, что было ровно три часа утра. «Привидения очень пунктуальны!» воскликнул он и с этих пор стал ощущать некоторое волнение, ему сделалось как-то не по себе. Приводим следующий отрывок из его разговора с близкими.

Виктор Гюго. Прежде я мог спокойно спать, теперь же при наступлении темноты я чувствую некоторый страх; просыпаюсь ночью не иначе, как с очень неприятной дрожью во всём теле. В спальне не редко слышу стучащих духов, а иногда и такие громкие звуки (он сильно стукнул по столу). Два месяца тому назад, когда «Белая женщина» ещё не бросала нам своего портрета, я не испытывал ничего подобного, теперь же, признаюсь, познакомился с чувством ужаса.

Г-жа Виктор Гюго. Ты всегда был таким. Когда умер Саксен-Кобург и к тебе вошла его огорченная мать с отчаянными рыданиями, ты так испугался её, что в продолжение двух недель не мог оставаться один при наступлении ночи; точно также преследовало тебя твое видение, когда ты писал «Последний день осуждённого»: ты долго не мог избавиться от образа старой женщины,

явившейся, по твоему представлению, во сне осуждённому.

Огюст Ванери. Всё это превышает мое понимание, я думал, что мы вступили в эпоху зрелости ума, а оказывается, что мы ещё немного отошли от средневековых фантазий?

Виктор Гюго. Конечно, мир находится ещё в младенчестве; человечество не может довольствоваться одной философией, не может обходиться без откровений. Истины, добытые человеком, должны быть подтверждены Богом. Прошло пятнадцать лет с тех пор, как я познакомился с явлениями столоверчения и написал о них книгу, которую наша дочь так настоятельно просит меня издать, с изложением подтверждающих её явлений. Почти все великие люди имели откровения. У Сократа был свой гений-хранитель. Зороастр, – говорить он сам, – имел особенную способность наглядно различать добро от зла. Шекспир видел призраков. Через сто лет может быть скажут, что моя книга о столоверчении внушена мне призраком, являвшимся на Марин-террасе.

10) Философ Шеллинг говорит, что умственное прозрение дано не всем людям, но лишь немногим избранным; это специальная способность философствования. Шеллинг презрительно отзывается о «болтунах», не понимающих высших истин философии. «По истине непонятно, – восклицает он, – какое дело может быть у философии с неспособностью. Гораздо лучше изолировать философию от всех, могущих приходить к ней обычным путём; её следует отделить от обыкновенного знания. Философия начинается там, где оканчивается обыкновенное знание. Высшие истины науки не могут быть доказаны, их можно только прозреть; кто не способен к этому, для того доказательства бесполезны и к нему можно чувствовать только сожаление». (*Neue Zeitschrift für speculative Physik*, II, 34).

11) А.М. Бутлеров, профессор Казанского университета («Спиритический метод в области психофизиологии», СПб. 1885 г.), говорит: «Я веду речь о внетелесном, продолжающемся существовании человека, – о человеке, как звене духовного мира, вера в существование которого была почти потеряна интеллигентным большинством, а теперь начинает возвращаться к нам снова, твёрдо опираясь на реальное знание (стр. 34). С моей точки зрения, людям верующим и людям науки и знания, горячо принимающим

к сердцу нравственное развитие и совершенствование людей не на одних словах, а на самом деле, нет причины и повода враждовать между собою. Но, к сожалению, запросы, требования, системы и теории перемешались и перепутались до того, что невозможно различить лагерей, и в общей свалке борющиеся зачастую бьют своих, принимая их за врагов.

Действительно, мы часто видим, как сберегатели общественных, умственных и нравственных интересов оказываются не распознавшими своего возникающего пособника (т.е. спиритизма) и, преследуя его, сами наносят, к сожалению, удары тому делу, которое мнят защищать. Вред подобной слепой борьбы, идущей на руку противникам, очевиден; но борьба эта и тщетна, потому что является в сущности преследованием фактов. (Буткевич, стр. 104, 105).

12) Д.И. Менделеев говорит: «Тот мост между явлениями физическими и психическими, который видят спириты в медиумических явлениях, составляет действительно мост желанный, и такой мост наука рано или поздно построит. На постройку пойдёт материал физиологии и психологии, терапии и психиатрии, захватит, быть может, и факты спиритизма; мост этот соединит учёных, не встанет поперёк дороги. Медики уже начали исследовать гипнотизм, транс и другие нервные состояния, в которых выражаются с известным оттенком особенности нервной деятельности. Учёные не боятся этих вопросов, их напрасно боятся и многие другие липа, не достаточно подготовленные к пониманию общего движения науки».

13) Вильгельм Вундт, знаменитый физиолог и один из самых ярких защитников материалистического мировоззрения, в своём научном труде: «Essais» стр. 359, сказал:

«Нет такого времени, которое было бы отмечено отсутствием явлений, более или менее сходных с спиритическими. В этом отношении имеются многочисленные показания даже членов суда, которым, конечно, нельзя беспричинно отказать в доверии. Явления, считавшиеся до сих пор выражением вредного суеверия, превращаются с свидетельства особенно успешного распространения трансцендентных тайн».

14) Эдуард фон-Гартман, пользующийся всемирное известностью и автор знаменитой философии «Бессознательного», занимался также исследованием сверхчувственных явлений и издал даже довольно обширный труд, под заглавием «Спиритизм».

Из этого труда надо заключить, что Гартман сам никогда не занимался лично экспериментальной частью спиритизма, но должен был признать всю подлинность его, в виду уже одной многочисленности данных, скопившихся в спиритической литературе, и в виду очевидности и убедительности всех доводов, приводимым спиритами. Как строгий поборник положительных знаний, не допускающий ни свободной воли, ни души, ни загробной жизни, он не мог признать системы спиритов, а составил свою собственную, в которой, не затрагивая вопросов сущности, объясняет все эти явления действиями нервной жидкости или нервными токами, излучающимися, будто бы, из человека, и скрытой в человеке способностью к произвольной галлюцинации, которая может, будто бы, доходить до такой интенсивности, что человек начинает галлюцинировать всеми своими пятью чувствами.

Вся его система не выдержала критики, ибо, с одной стороны, действие нервных токов вне пределов человеческого организма, т.е. там, где их нет, останется навсегда совершенно непонятной загадкой. Система же галлюцинаций была опровергнута фотографическими снимками и алебастровыми слепками, снятыми с духов, что вполне опровергло всю его систему, ибо ни фотография, ни алебастр галлюцинировать не могут, а передают внешние формы вполне реально и безошибочно. Советуем каждому, желающему ознакомиться с заблуждениями Эдуарда фон-Гартмана прочесть прекраснейший труд профессора А. Аксакова «Критика гипотез «галлюцинаций» и «бессознательного», как решающих проблему медиумических явлений», помещенную в журнале «Ребус» за 1890 г. №№ от 1 до 20, – это труд, достойный большего внимания; он положительно уничтожает всю систему Гартмана и способен заставить задуматься самого упорного из скептиков.

Впрочем, здесь нас должна главным образом интересовать не история заблуждений Гартмана, по самый факт признания медиумических явлений человеком выдающегося ума и настроенного

очень враждебно против всего сверхчувственного и чудесного; несмотря на всё это, однако, он стоит за всю целесообразность дальнейших изучений всех этих загадочных фактов. Приведём подлинные слова Гартмана из его книги «Спиритизм».

«Очевидно, совершенно непростительно натуралисту отказываться от исследования этих явлений в силу того, что они связаны с условиями, установление которых в каждое время не лежит во власти исследователя. Когда хотят исследовать паразита кротов или глисту, водящуюся в кузнечиках, то, само собою разумеется, необходимо прежде всего изловить крота или кузнечика, чтобы отыскать в них этих животных. Если исследованию подлежит известная форма сумасшествия, то надобно идти в дом умалишённых, где есть такие больные. Если хотят исследовать электрического ската или угря, то надобно велеть прислать их себе оттуда, где они водятся. Точно также, при желании изучать аномальные явления человеческой природы, надобно отыскивать личностей, одарённых аномальным организмом, или вызвать таковых к себе. Нередко и лабораторные опыты зависят от таких сложных условий, что исследователь не может ручаться за их успех в каждом данном случае; но это не уменьшает доказательности удачных опытов. Если электрическая рыба больна или истощена вследствие путешествия, то опыты над нею будут также неудовлетворительны, как и опыты с медиумом, который болен. Когда влажность атмосферы переходит за известные границы, то опыты с электрической машиной так же не удаются, как иногда и опыты с медиумами. Но всё это не должно препятствовать изучению аномальных явлений».

Или далее: «Тот, кто при всяких своих предосторожностях считает свои пять чувств недостаточными для того, чтобы отличить фокусничество от произвольных явлений, тот этим самым считает органы человеческих чувств вообще недостаточными для установления фактов, и должен точно так же отказать в значении всякому судебному свидетельству и всякому научному исследованию. Если к каждому заседанию можно привлечь искусного фокусника, в качестве четвёртого присутствующего, то это, конечно, следует рекомендовать, — фокусник, очевидно, будет заинтересован в том, чтобы открыть фокусничество и не допустить медиумов

затмевать славу фокусников. Два первые фокусника Германии и Франции, Беллавини и Гуден, свидетельствовали, как известно, в пользу медиумов, которых они наблюдали; другие фокусники (напр. Герман) утверждали, что они могут посредством своего искусства произвести те же явления, как и медиумы.

Если поближе рассмотреть эти последние утверждения и познакомиться с безыменной книгой „Исповедь медиума“ или „Посетителями с того света“ Кумберлэнда и т.п. обличениями, то можно тотчас же заметить, что фокусничество требует таких условий и связано с такими предположениями, которые не относятся к медиуму. Так, напр., при письме на расстоянии достаточно заботиться о том, чтобы медиум или вовсе не дотрагивался до доски; или имел бы её в руках лишь на мгновение, при конце опыта: таким образом, возможность подготовки будет устранена; чтобы сделать невозможным для медиума прямое писание собственными пальцами, достаточно наблюдать положение его рук и заботиться о том, чтобы доска была надёжно закрыта. Так как существуют бесчисленные известия о слышном для уха писании, происходящем в хорошо закрытом пространстве между грифельными досками, когда они находятся в руках третьего лица или свободно лежат на столе; так как некоторые наблюдатели видели при письме движение кусочка грифеля по доске, часть которой была выдвинута из-под стола, а некоторые наблюдали даже писание по бумаге карандашом, который сам собою стоял прямо; так как писание останавливается, когда присутствующие разрывают цепь и, как говорят, начинается снова при соединении рук; так как, при закрытых досках, нередко пишутся те слова или предложения, которые диктуются медиуму одним из присутствующих, после того, как доска закрыта, или когда уже писание началось; так как этим способом, при закрытых досках, даются вполне осмысленные ответы на написанные известные медиуму вопросы, и подобные явления наблюдались сотнями свидетелей не только при Слэде, Монке и Эглингтоне, но также и при частных медиумах, – то, если и можно сомневаться в достоверности этих свидетельств, так это, во всяком случае, не потому, что посредством фокусничества можно произвести подобные же явления при существенно других условиях.

Или: «Сам я не могу по личному опыту судить о реальности

необыкновенных явлений, но имеющиеся на лицо свидетельства истории и современников во всей их связи считаю достаточными для допущения, что в человеческом организме существует более сил и способностей, чем сколько открыло и исследовало их нынешнее точное знание, и что обстоятельство это может служить достаточным вызовом науке для того, чтобы приняться за точное исследование этой области явлений». (Ребус 1886 г., стр. 2, 19 и 42).

16) Профессор Вильям Карпентер в Лондоне и позитивист А. Дассье в Париже занимались также изучением медиумических явлений; они также должны были скоро признать всю реальность их и так же, как и Эдуард фон-Гартман, не нашли возможным для объяснения их пожертвовать своими принципами позитивизма, но старались дать каждый свои особые объяснения, которым, впрочем, не суждено было приобрести популярности, не смотря на их громкую и научную авторитетность.

До сих пор, как читатель, вероятно, уже заметил, мы не привели ни одного свидетельства лиц, принадлежащих к лагерю спиритов, ни к лагерям теософов и оккультистов. Но, говоря о сверхчувственных ощущениях и состояниях человека, нет положительно возможности не упомянуть и о них; ибо число приверженцев всех трансцендентальных знаний растёт не по дням, а по часам и в особенности увеличивается лагерь спиритов. Между ними мы видим множество имён самых выдающихся учёных нашего века, которые все, пройдя через долгий ряд сомнений, колебаний, опытов, почувствовали себя покорёнными строгой доказательностью реальности медиумических явлений, производящихся в настоящее время положительно во всех странах образованного мира. Реальность же медиумических явлений не может не заставить всякого здраво смотрящего на дело своего знания природы, задуматься и воскликнуть: «Ведь мир в самом деле совершенно не такой, как учат нас позитивисты».

Спиритизм необыкновенно заманчив. Не все, конечно, убедившись в реальности медиумических явлений, начинают правильно изучать их; но те, которые вникали в спиритизм без предвзятых идей, с чистым желанием добиться истины, скоро станови-

лись в ряды спиритов; ибо вся система их чрезвычайно убедительна, вся их теория донельзя проста, понятна и логична; все объяснения явлений и фактов проявления загробного мира в нашей материальной среде чрезвычайно определённы, своеобразны и доказательны, их влияние на убеждения каждого, желающего вникнуть в них, положительно неотразимо.

Нет ни одного человека, к какому бы он обществу ни принадлежал, какое бы ни было его развитие – интеллигентное или нравственное, – который, захотев заняться спиритизмом и вникнуть в него без предвзятых мыслей, не убеждался бы как в абсолютной реальности медиумических явлений, так и в правоте самого учения, а следовательно, и не перешёл бы на сторону спиритического миросозерцания.

Факт, достойный большего внимания, – что все естествоиспытатели, которые добросовестно брались за проверку спиритизма, как бы они и не были сначала предубеждены против него, в конце концов, после известного периода сомнений и недоверия, всегда оказывались на стороне его; только те, которые не захотели заниматься спиритизмом и вникнуть в него, оказывались в рядах его противников и отрицателей.

Можно биться об заклад, что каждый отрицатель спиритизма всегда с охотой признается, что он никогда не занимался им, не изучал его и впредь изучать его не станет, ибо спиритизм противоречит его научным убеждениям. Он будет ратовать за то, что если бы и было всё так, как доказывает спиритизм, то всё же человеку научному не следует касаться его, а, напротив, обязанность каждого адепта науки отказаться, а в крайнем случае – прямо отвергать его. Он ни за что не захочет понять, что в этом случае в нём говорит не разум, но вполне человеческие страсти, его умственная лень, что в нём говорит односторонность его ума в связи с недостатком нравственного развития.

Как бы ни был образован человек, тайны природы останутся всегда за пределами его знания; в каких бы чудесных и загадочных образах они не проявлялись, обязанность каждого образованного человека не отказываться от них, но исследовать и изучать до последней крайности; если же они не поддаются его изучению, то следует оставить вопрос открытым, предоставив исследования

этого факта будущему. Ни в каком случае человек науки не может окружать свою науку китайской стеной рутины, ибо это показало бы вполне тщеславные и эгоистические отношения к своим, весьма ограниченным, знаниям. Одним словом, спиритизм противоречит не самой науке, ибо наука должна идти вперёд, не ограничиваясь никакими препятствиями, но он противен самим людям, их привычкам и принципам, вследствие их небрежного отношения к делу.

Однако, давая такой радушный отзыв о спиритизме, мы должны оговориться и сказать, что не считаем его ещё за науку. Он впал в ту же ошибку, в которую впал и позитивизм. Мы обязаны чистосердечно сделать ему этот упрёк. Вся деятельность спиритов направлена исключительно к доказательству реальности медиумических явлений и собранию фактов проявления загробной жизни между живущими. У спиритов, так же как у позитивистов, вся деятельность направлена на обогащение экспериментальной части, а другая умозрительная часть знаний положительно отсутствует.

Нам кажется, что как химии предшествовала алхимия, как астрономии предшествовала астрология, так и спиритизм есть начало будущей великой, истинной, мировой науки. Несмотря на всю молодость спиритизма, в нём накоплено в настоящее время такое невероятное количество всевозможных сверхчувственных явлений, состояний, настроений, фактов и всевозможных данных самого непонятного и чудесного характера, которые ждут только гениального обобщителя, который привёл бы их в стройный и цельный вид и представил бы их все в одной связной системе, которая и послужила бы канвой для переделки всех позитивных знаний на новый деистический лад.

Учёные не должны забывать, что слово «чудо», или название какого-либо явления природы чудесным или сверхъестественным не имеет абсолютного значения. Значение этого понятия сокращается по мере развития образования в человеке, и многое, что считается чудом у дикарей и чего боится невежество, совсем не кажется чудом для образованного человека. Образование и развитие человека, завоёвывая познаниями своими вселенную, мало-помалу уничтожает это понятие. Чем образованнее человек, тем

меньше для него чудес. Наука не должна бояться их, ибо всякий раз как учёные брались за изучение чудес, так немедленно перед ними расширялся горизонт, просветлялись картины мира, и всё непознаваемое, всё чудесное и таинственное превращалось в естественное и понятное, и прежние чудеса перед ними исчезали, но, конечно, восставали новые, о которых они прежде ничего не знали. Всё дело совсем не в невозможности изучения этих отвлечённых областей мироздания, но в неразвитости людей, в упорном традиционном убеждении, полученном ими ещё с молоком матери и закреплённом внушениями наших школ, что дальше позитивных пределов идти нельзя. Спросите: «отчего же нельзя»? Вам всегда ответят: «так принято».

Задавал ли себе читатель вопрос, – что такое общество со всеми его модами, модными принципами, обычаями и приличиями? Вдумывался ли он, в каких ежовых рукавицах и неумолимых тисках держат они каждого человека, желающего посетить это общество, его салоны и считаться его сочленом?

Попробуйте прийти в это общество в чёрном галстуке в то время, когда все в белых, или прийти на бал или взойти в ложу бельэтажа в сюртуке; или разрежьте за обедом рыбу ножом, и ваша репутация будет навсегда потеряна; после этого можете себя считать выбывшим из него, и вас уже более приглашать никто не будет, так как вы не отвечаете его требованиям. Общество охотно прощает сочленам своим целые преступления, пороки, слабости, страсти, но отступление от коренных, самых мелочных принципов, обычаев и приличия наказываются жестоко, а потому все стремятся ему понравиться, и угодить, чтобы не получить какого-либо возмездия за свою строптивость. Девиз общества есть: «*Canaille tant que vous voulez, mais mauvais genre jamais*». – Научных вопросов в обществе не принято затевать, но всякий должен представляться человеком, знающим науку или, по крайней мере, её принципы и быть в курсе новейших модных открытий, принятых наукой, и, главное, интересно знать все памфлеты, направленные на еретиков науки.

Наш современный позитивизм не допускает в своих стенах исследования ничего сверхъестественного. Но ведь такая неестественность и может существовать только при позитивных, сухих,

практических, модных взглядах общества на сущность земной жизни. Модный взгляд на жизнь обязателен для всех. Стремясь иметь как можно больше подписчиков, модная пресса обязана потакать модным вкусам и взглядам и отвечать требованиям дня; и это одно условие может только и составит репутацию серьёзной модной газеты или журнала. Они, как церберы, следят за появлением в других немодных и вольнодумных газетах и журналах сообщений о каком-нибудь чудесном факте, который можно было бы поднять на смех и тем угодить обществу, науке и наполнить столбцы своего издания пикантной насмешкой, дающей лишнюю тему для весёлых разговоров и острот.

Случалось ли вам, читатель, наблюдать, как, если какой-нибудь смельчак решится рассказать в обществе слышанный им от других или бывший с ним самим какой-нибудь факт из сверхчувственной области, то, наверное, вы заметили, что никто не пропустит этого удобного случая весело провести время и, конечно, и сам рассказчик, и весь загробный мир подвергались осмеянию таким неприличным образом, что, глядя со стороны, можно было бы поручиться, что никому из них не придётся никогда умирать и быть именно в том положении, которое с таким истерическим остервенением осмеивается ими.

Сколько раз в интимной беседе, происходящей глаз на глаз, случалось мне слышать рассказ одного из этих ярых насмешников загробного мира в обществе о каком-нибудь происшествии из сверхчувственной области, которое случилось или с ним самим, или в его семействе. С дрожью в теле и со слезами на глазах он рассказывал мне, как сам лично наяву видел своих умерших родителей, которые говорили ему и сообщили и т.д. «Какое же право имели вы, – спросишь его, – с такой яростью осмеивать тогда-то в таком-то обществе совершенно аналогичный рассказ?» – «Да разве в обществе можно поднимать такие вопросы? – отвечал он мне. – Это крайне неприлично, это всё равно, что в общество явиться голым. В обществе мы обязаны соблюдать приличие, как в одежде своего тела, так точно и в маскировании своих чувств; но, кроме того, эти темы священны для нас, и мы не имеем права касаться их открыто всенародно и публично, это значило бы осквернять их и вместе с тем быть неприличным в обществе, которое требует свою

известную внешнюю личину во всём решительно, не заботясь о внутреннем человеке. Я, правда, погорячился несколько, наговорил много лишнего и за то я не спал несколько ночей, меня укоряла моя совесть: но виноват ли я в том? Виноват тот, кто осмеливается поднимать такие разговоры в обществе».

Как трудно пробиться истине через заколдованный круг модных толков и запутанностей земной практической жизни; тем не менее истина для угождения им не станет другой. Послушаем по этому поводу слова трёх великих учёных, а именно:

1) Артур Шопенгауэр сказал:

«Чтобы позволить себе насмеяться над тайными симпатиями или над магическими влияниями, надо признать мир вполне понятным. А это возможно лишь для того, кто смотрит на мир совершенно поверхностным взглядом».

2) Кант, в предисловии к своему сочинению «Сны духовидца», говорит: «Не верить ничему из того, что рассказывают с некоторой степенью достоверности, такой же глупый предрассудок, как верить без критики всему, что говорит общая молва».

3) Дарвин, знаменитый автор «Происхождения видов», писал одному йенскому студенту: «Привычка к анализу и к научным исследованиям заводит человека слишком далеко, пока не заставит его относиться окончательно недоверчиво к одному опытному знанию.... Во всех же вопросах будущей жизни всякий должен искать истину между сомнительными вероятностями и их опровержениями», а следовательно, и возводит их на степень своих положительных знаний.

Тот, кому не случалось видеть видений и не случалось даже проверять или разбирать виденное кем-либо, которому он верит безусловно, сделает вполне правильно, если воздержится от всякого суждения о них; ибо никакая наука, никакая научная логика, или человеческая учёность не в состоянии себе представить то, что может в действительности познать человек и временами совершенно ясно ощущать своими внутренними чувствами, которые до поры до времени таились в самой глубине человеческого существа.

«Одно из условий мудрости, – сказал Сократ (§ XXI), – состоит в том, чтобы не думать, что ты знаешь то, чего ты в действительности не знаешь».

Глава II.

Явления из загробного мира.

Всякое явление из загробного мира всегда глубоко поражает людей, видевших их и переживших эти ужасные минуты, в течение которых появлялись и исчезали призраки. Они никогда не проходили, не оставив глубоких следов в жизни человека и не принеся ему радикальной духовной и нравственной пользы. Они всегда открывали людям новые чувства и впечатления, а следовательно – новые области природы, познание которых делается положительной потребностью человека.

Самые ярые скептики, которым удавалось видеть видения из загробной жизни, бросали свои материалистические и атеистические убеждения, ибо то, что им приходилось перечувствовать и переживать в течение какой-нибудь одной минуты, было достаточно для того, чтобы увидеть, насколько ничтожно и бесцветно их знание и их, так называемые, разумные отношения к природе, в сравнении с истинною сутью жизни – в сравнении с миром чувств.

Человек, вследствие своей природной неразвитости в связи с порочным чувством упорного, научного тщеславия, может, опираясь на свои микроскопические и во всех отношениях шаткие знания, храбриться и оспаривать то, о чём он не имеет никакого понятия, но если глаза его откроются для уразумления этих запрещённых позитивизмом тем, то для него делается очевидным весь его прошлый абсурд, вся его дерзость, и он принуждён покинуть свои фальшивые принципы, в виду подавляющего величия истинной сути жизни.

Выше мы сказали, что многие видения из загробной жизни были удостоверены официальными документами, не допускающими ни малейшего сомнения в их правдивости; здесь мы приведём некоторые из них.

Видение Митрополиту Платону.

В «Московских Епархиальных Ведомостях» помещён следующий случай из жизни митрополита Платона, рассказанный самим владыкою:

«В моей жизни есть один случай, при котором я видел тень другого человека, да притом так живо и отчётливо, вот как вас вижу теперь. Это было в 80-х годах, я был инспектором С.-Петербургской духовной академии, я был молод и деятелен. У нас был в числе студентов Иван Крылов – вот как теперь его вижу! Учился он недурно, был хорошего поведения и благообразного вида. Он приходит ко мне и просит меня, чтобы я позволил ему отправиться в больницу. Я думал себе: верно он истощал, пусть там его покормят курочкою, дадут белого хлебца, и он поправится. Проходит несколько времени; я об нём ничего не слышу; доктор ничего не говорит. Раз я лежу на диване, на левом боку, и читаю книгу, передо мной стоит ломберный небольшой стол. Я отвёл глаза от книги и вижу: за столом стоит Крылов и смотрит на меня так пристально. Лицо его я вижу ясно, – вот как вас, – но тело его было как бы в тумане или облаке. Я опять взглянул на него... Он!.. Меня передёрнуло. Призрак точно понёсся от стола к окну и в окне скрылся. Я ещё недоумевал, что бы это значило?.. Вдруг слышу стук в мою дверь; я надел рясу и вижу, входит больничный сторож и говорит мне: «студент Крылов Богу душу отдал».

– Давно ли? – спросил я в изумлении.

– Да вот минут пять, я только собрался к вам.

– Вот, извольте разгадать эту тайну, – сказал архипастырь, обращаясь ко всем присутствовавшим при рассказе. Все молчали.

– Всё это, – заключил владыка, – несомненно доказывает нам какую-то таинственную связь между нами и душами умерших».

Видение Императора Павла.

В начале января 1798 года, когда Императрица Мария Фёдоровна готовилась быть матерью десятого младенца, Императору Павлу I представлялась в Зимнем дворце депутация петербургских старообрядцев для выражения ему чувств признательности за оказываемое им покровительство. Купец Малов поднёс Императору древнюю икону Михаила Архангела в драгоценной, златокованой ризе. Государь очень милостиво принял депутацию; икона была поставлена в кабинете Государя, и перед нею затеплена лампадка.

В сумерки этого дня Павел I, возвратясь в свой кабинет с половины своей супруги, состояние здоровья которой внушало ему серьёзные опасения, в глубокой задумчивости сел в кресло у стола и устремил свои прекрасные голубые глаза на икону, поднесённую ему старообрядцами. Тихий шорох пробудил его от задумчивости; он оглянулся: у дверей стоял старик в монашеской рясе, с красивым лицом, изборождённым морщинами, с длинною седою бородою, с кротким, приветливым взглядом. Как он попал в кабинет Государя? Об этом Павел Петрович никогда никого не спрашивал.

– Что скажешь, сударь? – обратился он к незнакомцу.

– Супруга твоя – отвечал тот – подарит тебя сыном Михаилом. Этим же именем святого архангела ты наречёшь дворец, который строишь на месте своего рождения. Помни слова мои: «Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней».

И таинственный гость исчез за дверью, как показалось Государю. 28 января Императрица разрешилась от бремени сыном, и, по желанию Павла I, ему, при молитве, дано было имя Михаил.

В то самое время, когда грохот пушек с бастионов Петропавловской крепости возвестил жителям столицы о приращении царской семьи, любимец Государя, граф Кутайсов, доложил ему, что дежурный по внутреннему дворцовому караулу офицер желает сообщить Государю, по секрету, нечто важное.

В первую минуту Император встревожился, – подобно всем нервным людям, при всяком внезапном известии, он ощущал неприятное болезненное чувство.

– Пошли его сюда! – сказал он, несколько приободрившись.

– Честь имею донести Вашему Императорскому Величеству –

отрапортовал офицер, – что на посту, занимаемом часовым наменбургского полка, произошёл необыкновенный казус...

– Какой такой, сударь?

– Часовой, вероятно, в припадке горячки, доложил мне о каком-то бывшем ему видении... Какой-то старец, в монашеской рясе, в самый момент разрешения от бремени Её Императорского Величества, подойдя к часовому, сказал: «Напомните, Государю, чтобы новорожденный назван был Михаилом, а вновь строящийся дворец – Михайловским».

– Прислать сюда часового! – крикнул Государь.

Часовой, дрожа от страха, из слова в слово повторил то, что дежурный по караулу передал Императору. К удивлению солдата и офицера, Государь сказал:

– Знаю, знаю... Это уже исполнено!

Часовому Государь приказал выдать щедрую награду, а офицеру пожаловал орден Св. Анны.

На другой день он потребовал к себе архитектора Бревно.

– На главном фронтоне, обращённом к Итальянской улице – приказал ему Государь – сделайте надпись эту самую – он подал ему лоскуток бумаги, на которой собственной рукою Государя было начертано:

«Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней».

Историк, сообщающий об этом событии, отвечает, что число букв (47) вышеприведённой надписи, и донныне сохранившейся на фронтоне Михайловского замка, равняется числу лет, прожитых Императором Павлом (1754+1801). (Ребус 1887 г., стр. 386).

Видение Императрицы Анны Иоанновны.

– Один из родственников деда моего, князя Андрея Николаевича Щербатова, – сообщает графиня А.А. Блудова в «Русском Архиве» 1889 г., книжка 1, – рассказывал, как очевидец, об известном, неразгаданном явлении перед смертью Анны Иоанновны.

Его товарищ был дежурный со взводом солдат в карауле, вечером, за несколько дней до смерти Анны Иоанновны. Это было

во дворце, на Фонтанке, у Аничкова моста, в том самом доме, где теперь Троицкое подворье, в покоях митрополита Московского. Караул стоял в комнате подле тронной залы; часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои. Всё стихло. Было уже за полночь, и офицер уселся чтобы вздремнуть. Вдруг часовой зовёт на караул, солдаты вскочили на ноги, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Он видит, что Императрица Анна Иоанновна ходит по тронной зале взад и вперёд, склоня задумчиво голову, закинув назад руки, не обращая внимания ни на кого. Часовой стоит, как вкопанный, рука на прикладе, весь взвод стоит в ожидании; но что-то необычайное в лице Императрицы, и эта странность ночной прогулки по тронной зале начинает их всех смущать. Офицер, видя, что она решительно не собирается идти дальше залы и не смея слишком приблизиться к дверям, дерзает наконец пройти другим ходом в дежурную женскую и спросить, не знают ли намерения Императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему, что случилось.

– Не может быть, – говорит герцог, – я сейчас от Императрицы, она ушла в спальню ложиться.

– Взгляните сами, она в тронной зале.

Бирон идёт и тоже видит её. «Это какая-нибудь интрига, обман, какой-нибудь заговор, чтобы подействовать на солдат!» вскричал он, кинулся к Императрице и уговорил её выйти, чтобы в глазах караула изобличить какую-то самозванку, какую-то женщину, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей, вероятно, с дурным намерением. Императрица решилась выйти, как была, в пудермантеле. Бирон пошёл с нею. Они увидели женщину, поразительно похожую на неё, которая, нимало не смутилась. «Дерзкая!» – вскричал Бирон, и вызвал весь караул. Офицер своими глазами увидел две Анны Иоанновны, из которых настоящую, живую можно было отличить от другой, только по наряду, и потому, что она вошла с Бироном из другой двери. Императрица, постояв минуту в удивлении, выступила вперёд, пошла к этой женщине и спросила: «Кто ты, зачем ты пришла?» Не отвечая ни слова, та стала пятиться, не сводя глаз с Императрицы, отступая в направлении к трону и, наконец, всё-таки лицом к Импе-

ратрице, стала подниматься, пятившись, на ступеньки под балдахин». «Это дерзкая обманщица! Вот Императрица! Она призывает вас, стреляйте в эту женщину», – сказал Бирон взводу. Изумлённый растерявшийся, офицер скомандовал, солдаты прицелились. Женщина, стоявшая на ступенях у самого трона, обратила глаза ещё раз на Императрицу и исчезла. Анна Иоанновна, повернувшись к Бирону, сказала: «Это моя смерть!», – поклонилась остолбеневшим солдатам и ушла к себе.

Графиня Штейнбок у гроба королевы Ульрики.

Когда шведская королева Ульрика скончалась в своём дворцовом замке в окрестностях Стокгольма, то тело её по обычаю было выставлено в открытом гробу на парадном катафалке в траурной комнате. Отряд королевской лейб-гвардии, занимая почётный караул, находился в полном составе в соседнем покое. Около полудня, к крыльцу замка подъехала карета статс-дамы королевы и её искреннего друга – графини Штейнбок, приехавшей из Стокгольма отдать последний долг своей высокой покровительнице. Командовавший почётным караулом капитан вышел к ней навстречу, помог ей выйти из кареты и ввел её в траурную комнату, дверь которой графиня затворила за собою, показав тем, что желает остаться одна со своею скорбью; такое её очень понятное желание, офицеры, составлявшие почётную стражу у гроба, поспешили исполнить и удалились все из траурной комнаты, в которой водворилась глубочайшая тишина.

Прошло немало времени, а графиня не показывалась, тогда один из офицеров, опасаясь, что с статс-дамой сделалось дурно, решился отворить дверь и вдруг с ужасом отскочил назад. Все находившиеся тут офицеры подбежали к отворённой двери и ясно увидели, как покойная королева, стоя во весь рост в гробу, крепко и нежно обнимала графиню Штейнбок. Явление представилось им как бы в колебательном состоянии и, вскоре потом превратилось в густой дым или туман; когда же он постепенно рассеялся, то все увидели тело королевы покойно лежащим в своём парадном гробу в прежнем положении, а графиня Штейнбок куда-то исчезла. Тщетно искали её во всех соседних комнатах, потом сбежали вниз

посмотреть карету, но и кареты, с лошадьми, кучером, лакеем, нигде отыскать не могли. Тогда немедленно был послан в Стокгольм курьер с донесением о таком чрезвычайном происшествии, и там выяснилось, что графиня Штейнбок не выезжала из столицы, а умерла в ту самую минуту, когда её видели в объятиях королевы. О событии этом составлен был обстоятельный протокол и подписан всеми присутствовавшими при нём лицами. При протоколе находится ещё особое показание командовавшего почётным караулом относительно важной тайны, вверенной ему покойною статс-дамою при самом ещё входе её в траурную комнату. Протокол хранится в Стокгольмском государственном архиве.

Белая Дама.

Белая дама, как известно всем в Берлине, является постоянно в разных замках Германии, начиная с XVI столетия до наших времён; в последнее время её видели в 1850 и 1879 гг. Её видели сотни лиц, не всегда вечером, но и в самый полдень; утверждают даже, что она иногда говорит. Она является всегда в том же неизменном белом платье, имея на голове вдовье покрывало с большим бантом и ключами в руках; она высокого роста и с добрым выражением красивого лица.

Во второй половине XVI века жила в Германии молодая вдова-красавица, владетельная маркграфиня Бранденбург-Байрейтская, урожденная графиня Орламюнде, мать двух прелестных малюток. В неё влюбился маркграф Бранденбургский, и маркграфиня отвечала ему взаимностью. Любовь эта была платоническая, немецкая, подобная любви рыцаря Тогенбурга, который чуть ли не сорок лет пел серенады под окном своей жестокой возлюбленной. Однако же вздыхания и нежные песни маркграфа не удовлетворяли пылких желаний маркграфини. Однажды она сказала маркграфу: «почему бы ему на ней не жениться?» Этот весьма простой вопрос смутил маркграфа, (который, заметим, был уже женат и тайно исповедовал лютеранизм, а графиня была католичка). Он отвечал весьма загадочно, что браку их есть два непреодолимые препятствия, и как ни добивалась она, маркграф объявил ей, что сказать

этого ни под каким предлогом не может. Маркграфиня, ослеплённая страстью, поняла, что он намекает на её двух детей от первого брака – и, долго не думая, задушила своих малюток. При первом же его посещении она объявила ему, что препятствий к их браку более не существует и созналась в своём преступлении. Тогда маркграф, в ужасе отшатнувшись от неё, сказал в чём именно состояли оба препятствия. Маркграфиня, назвав его убийцею детей, покончила и с собою; но перед смертью, осыпая проклятием и маркграфа, и всё его потомство, дала обещание явиться ему и являться его потомкам перед их кончиною.

С тех пор привидение бывшей графини Орламюнде известное в Германии под именем «Белой Дамы», в течение трёх веков являлось очень часто потомкам маркграфа.

Великий курфюрст Фридрих-Вильгельм, основатель королевства прусского, прославившийся удачными битвами с поляками и со шведами, сын его Фридрих I и отец Фридриха Великого, король-фельдфебель Фридрих-Вильгельм I – видели каждый перед своею кончиною «Белую Даму». Все трое были люди со стальными нервами и уж никак не фантазёры, тем более, что каждый раз, кроме курфюрста и обоих королей, видели их семейства, дворцовая прислуга, часовые... Медленно, подобно клубу тумана, привидение проносилось по дворцовым покоем Кёнигсберга, Берлина и Потсдама; появлялось в опочивальнях умирающих, стоя в ногах, или в изголовье их постелей.

Вошёл на прусский престол Фридрих II – Великий, философ-материалист, который абсолютно ничему не верил. О фамильном предании про «Белую Даму» он много слышал ещё в детстве от очевидцев и, вместе с Вольтером, любил посмеяться над суевериями. Семилетняя война, раздел Польши, война с Австрией из-за наследства баварского престола, «вооружённый нейтралитет», дела по внутреннему благоустройству Пруссии – отвлекали материалиста-короля от заоблачных фантазий. Это был тип упорного вольнодумца, истого сына XVIII века. С июня 1786 года престарелый Фридрих стал прихварывать, старость заметно одолевала героя. Смеясь над медициной, он, уступая просьбам окружавшей его родни, отдал себя на попечение докторов, взяв вместо сиделки старого гусара, одного из своих сподвижников при Росбахе. Старик

ни на шаг не отходил от короля; как верный пёс смотрел ему в глаза, предупреждая малейшие желания. 3 августа 1786 года, часовой, стоявший во внутренних покоях дворца, с ужасом сообщил гусару, что он видел «Белую Даму». Гусар выругал часового нехорошими словами, однако же счёл своим долгом сообщить королю о явлении призрака.

– Вздор! – отвечал больной. – Часовому стоило бы засыпать ста два фухтелей... да чёрт с ним; а ты не повторяй пустяков. Это какая-нибудь камер-медхен шла на свидание с пажом или камер-лакеем, либо ему пригрезились спросонья.

Вечером следующего дня, 4 августа, король, сидя в креслах, дремал; гусар сидел около него и вдруг заметил у камина белую фигуру. Не смея тревожить короля, он уставил на неё глаза и очень явственно увидел белую женщину.

– Видишь? – спросил король хриплым голосом.

– Кого, государь?

– Белую женщину, около камина?

– Вижу, государь?

– Видно, камрад, бабьи сказки правду говорят, – продолжал король, спокойно всматриваясь. – Пусть же убирается к чёрту, откуда пришла!

– Говорят есть такие молитвы....

– Может быть, но я их не знаю! – усмехнулся король.

Он опять задремал. Видение мало-помалу исчезло, как дым. К ночи весть о явлении «Белой женщины» разнеслась по всему дворцу; оттуда и по всему городу. На следующий день, 5 августа 1786 г., Фридрих скончался.

Через три года после тильзитского примирения, в 1810 году, когда король с своим семейством собирался в Потсдам, «Белая Дама» дважды явилась королеве Луизе. Вот что рассказывает об этом графиня А.Д. Блудова с своих «Воспоминаниях» (Русский Архив, 1873 г., № 11, стран. 2088 – 2090).

«Королева уже собиралась переехать на лето в Потсдам, и время, по-видимому, шло незаметно в хлопотах по приготовлению к отъезду. Королева была с m-He Бишофсвёрден в большой комнате дворца, занятые обе каким-то делом, но мысль была далеко.

Вдруг королева вздрогнула и сказала, показывая на противоположную стену комнаты: «Видите ли?»

Фрейлина повернула голову. Вдоль стены шла, или, лучше сказать, двигалась медленно и плавно незнакомая женщина, вся в белом, с белыми волосами и бледным, как смерть, лицом. Дрожь пробежала по членам фрейлины. «Ещё грозит беда!» – сказала королева. Обе поняли, что это привидение, именно «Белая Дама». Через два, три дня королева собралась в Потсдам и Шарлоттенбург. Она сошла с лестницы садиться в карету. Фрейлина шла за ней; уже отворены были дверцы экипажа; кто-то из придворных чинов подал руку, чтобы посадить королеву, она уже подняла ногу, чтобы стать на подножки – и вдруг попятилась и остановилась в дверях. Фрейлина подумала, что она оступилась, порешила подойти и остолбенела. Между дверями сеней и дверцами кареты у самой подножки медленно и плавно, глядя прямо в глаза королеве, проходила та же белая, безжизненная фигура. Фрейлина видела её своими глазами. Через минуту королева поспешно села в карету и фрейлина с ней. «Слава Богу, – сказала Луиза: – это до меня касается: я не ворочусь живой!»

Видение Карла XI.

Протокол: «Я, Карл XI, король шведский, в ночь с 16 на 17 сентября 1676 года более обыкновенного страдал от своей болезни – меланхолии. Я проснулся в половине двенадцатого и, посмотрев случайно в окно, заметил большое освещение в зале государственных штатов. Я спросил канцлера Бьёлке, находившегося в моей комнате: „Что значит это освещение в зале государственных штатов? Не пожар ли?“ Но он мне ответил: „О нет, государь, это в окнах отражается блеск луны“. Я удовлетворился этим ответом и повернулся к стене, чтобы отдохнуть, но я чувствовал сильное беспокойство и снова повернулся к окну, и опять увидел освещённые окна. Тогда я сказал себе: «Не может быть, чтобы всё было благополучно; но мой возлюбленный канцлер сказал: „Нет, это только отражение луны“. В это время вошёл советник Бьёлке, чтобы узнать о моём здоровье. Я спросил этого прекрасного человека, не знает ли он, не случилось ли в зале совета несчастья или пожара?»

Он помолчал несколько и ответил: „Нет, слава Богу; луна отражается в окнах, и от этого кажется будто бы зала освещена“.

Я несколько успокоился, но, снова взглянув на залу, заметил, что в ней как будто видны люди. Я встал, надел халат и, отворив окно, увидел в зале штатов много огней. Тогда я сказал: „Господа, тут что-то не в порядке. Вы знаете, что кто боится Бога, – не должен бояться ничего другого на свете. Я хочу пойти туда и узнать, что это может быть“.

Я приказал присутствующим сходить к вогенмейстеру и сказать ему, чтобы он пришёл с ключами. Когда он явился, я направился к тайному проходу, находящемуся под моей комнатой, направо от спальни Густава Эриксона. Когда мы пришли туда, я велел вогенмейстеру отворить дверь, но он в страхе умолял пощадить его. Тогда я обратился с той же просьбой к канцлеру, но и он отказался. Я попросил тогда советника Оксенштиерна, никогда ничего не боявшегося, отворить дверь, но он мне ответил: „Я поклялся жертвовать для вашего величества телом и кровью своею, но не клялся отворить эту дверь“. Тогда я сам почувствовал, смущение, но оправившись, взял ключи и заметил, что в проходе всё, даже пол, было затянато чёрным. И я, и все присутствовавшие, дрожали. Мы направились к дверям залы штатов. Я снова приказал вогенмейстеру отворить дверь, он снова просил пощадить его. Я просил о том же других, сопровождавших меня, но они просили уволить их от исполнения моего приказания. Тогда я взял ключи и отворил дверь, но только что хотел войти, как отступил в большом смущении. Я поколебался одно мгновение, но потом сказал: „Господа, если вы последуете за мной, мы увидим, что здесь происходит; может быть Господу угодно дать нам какое-нибудь откровение“. Они все ответили дрожащим голосом „да“, и мы вошли.

Мы увидели длинный стол, вокруг которого сидело шестнадцать человек зрелого возраста и достойной наружности; перед каждым из них лежала книга, а посреди их сидел молодой король шестнадцати, семнадцати или восемнадцати лет, с короной на голове и скипетром в руках. Направо от него сидел высокий и красивый мужчина, лет сорока; лицо его дышало честностью, и возле него сидел мужчина лет семидесяти. Я заметил, что молодой ко-

роль несколько раз потрясал головой, а окружавшие его люди ударяли рукой по книгам, лежавшим перед ними. Я посмотрел в сторону и увидел тогда возле стола плахи, все плахи, и палачей, рубивших одну голову за другой, так что кровь потекла по полу. Бог мне свидетель, мне стало более чем страшно. Я посмотрел на свои туфли, не доходит ли кровь до них. Но этого не было. Казнь совершалась большей частью над молодыми дворянами. Я отвернул глаза и увидел трон почти опрокинутый, и рядом с ним стоял человек, который казался регентом. Ему было около сорока лет. Я весь дрожал и, отойдя к дверям воскликнул: „Что должен я выслушать от Господа? О, Боже, когда всё это должно случиться?“

Я не получил ответа, но юный король потрясал головой, а окружавшие его ещё сильнее ударяли по своим книгам. Тогда я ещё громче воскликнул: „О, Боже, когда же всё это будет происходить? Смилуйся, о Боже, над нами и просвети нас, что нам подлежит тогда делать!“ Тогда юный король ответил мне: „Всё это произойдёт не при тебе, но во время шестого государя после тебя; он будет, иметь мой возраст и мою внешность, а вот этот, — показывает, — каков будет его попечитель; несколько юных дворян почти успеют опрокинуть трон в последние годы его попечительства; но тогда попечитель, до тех пор преследовавший молодого короля, серьёзно возьмётся за свою обязанность. Он укрепит трон, и король сделается сильнее всех своих преемников, и шведский народ будет благоденствовать под его скипетром. Король этот достигнет необычного возраста, оставит королевство без долгов и с несколькими миллионами в казне. Но прежде, чем он укрепит, потекут такие ручьи крови, как не бывало доселе в Швеции и никогда не будет. Оставь же ему, как королю Швеции, хорошие указания“.

Когда он кончил — всё исчезло, и в зале остались только мы, с нашими светильниками. Мы вышли в глубочайшем изумлении, как всякий может себе легко представить, и когда мы проходили через комнату, обитую чёрным, то обивка вся исчезла, и всё было в обычном порядке. Мы вернулись в мою комнату, и я тотчас же сел, чтобы записать, как мог, это предостережение. И всё это истина. Я утверждаю это клятвой моей: так же истинно, как Господь мне да поможет. Карл XI, нынешний король Швеции.

Как свидетели, бывшие на месте, мы видели всё, как описано его величеством, и утверждаем рассказ его своей клятвой, так же истинно, как Господь нам да поможет. Карл Бьёлке, канцлер. Н.В. Бьёлке, советник. А. Оксенштиерна, советник. Пётр Грауэлен, вице-вогенмейстер».

Протокол этот заимствован газетой «Journal de Debats» от 2 марта 1888 года из Истории королей шведских Карлссона.

Ещё некоторые видения.

Кроме этих примеров можно было бы привести много случаев, где явления были также подтверждены вполне бесспорными доказательствами, а следовательно, должны быть приняты за реальные факты, наглядно доказывающие, что у человека, кроме видимого и грубого тела, есть действительно другое, которое переживает его, но что оно бывает видимо только при известных и исключительных обстоятельствах.

Из вышеприведённых примеров можем заключить, что эти тела бывают иногда даже совершенно не так эфирны; капитан, например, высадил графиню Штейнбок из кареты под руку, следовательно, он её чувствовал, трогал и не нашёл разницы между сложением обыкновенного живого тела и настоящим сложением тела графини; потом она говорила с ним и передавала секреты королевы, которые никогда и никто, кроме королевы и графини, не знал. Впрочем, факт материальности духов в известных исключительных случаях не подлежит более сомнению с тех пор, как удалось снять с духов фотографические снимки и гипсовые слепки.

В большинстве случаев видения являются человеку неожиданно, мимолетно и совершенно так же скоро исчезают и пропадают бесследно, а следовательно, иметь вполне неоспоримые данные, при описании подобных явлений, не всегда возможно. Вот главная причина, почему многие из подобных явлений остаются совершенно неузнанными и неохотно рассказываются теми, которые их видели, тем более, что вообще не только учёные, но и многие из публики часто признают эти видения за игру воображения.

Недоверие это имеет свои основания, ибо человек в минуты

появления призраков, в большинстве случаев, бывает не в нормальном состоянии, а под некоторым психическим аффектом, и может под влиянием его исказить факт. Тем не менее, бывают случаи, где человек и не подозревает, что видит призрак и только после всего виденного узнаёт, что это был дух, а не человек. В таком случае мы не можем даже и подозревать психического аффекта.

Приведу пять соответствующих примеров:

1) Доктор Вакуловский рассказывает следующее: «Моя служба заставляет меня дежурить в госпитале. Однажды, в минувшую зиму, я только что улёгся спать, как вдруг стучит кто-то. Отворяю дверь, вижу – фельдшер. „Ваше благородие, в палате № такой-то, больной очень плох“. „Хорошо, – сказал я, – сейчас иду“. Подымаюсь по лестнице и вижу, – стоит больной в халате, как живой, – „Зачем не спишь?“ – сказал я, и вдруг больного – как нет. Прихожу в палату, а фельдшер говорит: „Сейчас успокоился“. Прикладываю руку ко лбу – холодный; щупаю пульс – не бьётся; кладу руку на сердце – всё тихо... А больной – вылитое лицо того, что попался мне навстречу на лестнице. Я не передавал никому этого рассказа, только внёс его в свою записную книжку. Вернувшись в дежурную, я не мог тотчас же спать, а сел писать и написал статью по поводу рождения А.В. Жуковского, появившуюся потом в Русинской газете „Слово“. Очевидно, мозг мой не был вовсе настроен к чему-либо фантастическому, о чём не замедлили бы начать говорить иные, если бы я вздумал рассказать им этот факт. Значит, не галлюцинацией было то, что я увидел перед собою умершего больного»...

2) Г-н Т., старый холостяк, не верящий ни во что сверхъестественное, имел привычку каждый вечер перед сном гулять, иногда навещать любимого своего племянника и, если застанет его дома, то, просидевши у него до половины двенадцатого, никак не позже, возвращался домой, сопутствуемый, племянником.

В одну из таких возвратных прогулок дядя, подходя к своему дому (жил он в нижнем этаже, на улице), обратился к племяннику с замечанием: «Странно, что у меня в кабинете свет!» Племянник с удивлением заметил то же самое. Интересуясь этим, они заглянули в окно и что же увидели? – Сам дядя, в халате и ермолке, сидел за письменным столом, немного спустя встал, взял со стола

свечу и ушёл за драпировку, разделявшую спальню от кабинета, потом завернул занавес, и свеча потухла. Действительный дядя настолько испугался, что, несмотря на стремление племянника исследовать факт, заявил, что идёт ночевать к нему и так настоятельно, что племяннику пришлось согласиться.

На другой день, рано утром, когда все ещё спали, лакей дяди, старик Василий, прибежал, спрашивая испуганно и торопливо у прислуги племянника, тут ли его барин? После утвердительного ответа он умолял как можно скорее доложить о его приходе. Когда его ввели в спальню, где спал дядя, Василий, заикаясь и путаясь, сообщил, что потолок над кроватью барина провалился, и что Господь спас его от верной смерти. Все были поражены. Как это объяснить? (19 января 1884 г.).

3) Случай из жизни писателя и эмигранта Кельсиева, рассказанный им самим:

«Это было давно, когда я ещё учился в коммерческом училище. Я жил на квартире недалеко от училища, а отец мой с семейством жил на Васильевском острове. Он служил чиновником в таможене и занимал казённую квартиру около биржи. Занятый службою, он посещал меня редко. Однажды ночью, когда я ещё не ложился спать и читал какую-то книгу, бывши один в комнате, вижу: моя дверь отворилась и в комнату входит мой отец, бледный такой, печальный. Я несколько не удивился его приходу, объясняя оный естественною отцовскою заботливостью обо мне. Прямо подошёл ко мне и говорит: „Вася, я пришёл тебя благословить... живи хорошенько и не забывай Бога“. Сказав это, он благословил меня как следует и скрылся, т.е. вышел в эту же дверь. Это посещение не произвело на меня никакого впечатления, как вещь обыкновенная, – отец часто приходил ко мне и так же скоро уходил. Но каково же было моё удивление, когда немного спустя, после ухода моего отца, ко мне стучат в дверь (так как я заперся, чтобы ложиться спать). Отворив дверь, я увидел кучера, приехавшего за мною. Он мне сказал, что отец мой только что скончался. И действительно, как оказалось, он умер не более часа тому назад и именно почти в то самое время, когда я видел его у себя в комнате. Тут для меня стало всё ясно: благословлял меня отец, уже умерший».

4) Доктор, после многочисленных визитов, сидел вечером несколько усталый в своём приёмном кабинете; когда пробила половина девятого, он подумал, что пора ему закончить приём и отдохнуть, и встал с своего кресла, чтобы запереть дверь, но в эту минуту она отворилась и в комнату вошла девочка, худенькая и бледная, с большим платком на голове, и так обратилась к моему другу: «Доктор, пожалуйста, навестите мою мать, – она очень больна». Доктор спросил у девочки её имя, имя матери и их адрес, на что та ответила ему совершенно внятно, и он подошёл к своему письменному столу, стоявшему в глубине кабинета, чтобы записать её слова. Записывая, ему пришло в голову идти к больной тотчас же, вместе с девочкой, но когда он отвернулся, чтобы сказать ей это, её уже не было в комнате. Быстро отворив двери, он вышел на подъезд, посмотрел во все стороны, девочки нигде не было. Немало удивлённый её быстрым исчезновением, он наскоро взял свою шляпу и палку и последовал за нею. Без труда нашёл он дом по данному адресу и был введён к больной: «Я врач, – сказал он, – вы посылали за мной?» – «Нет, не посылала», – ответила больная. Думая, что он ошибся адресом, доктор, читая в своей записи, спросил: так ли её имя? и получил утвердительный ответ. «А есть ли у вас дочка такого-то имени?» На этот вопрос больная ответила не тотчас же; на глазах её блеснула слеза, прежде чем она выговорила с заметным волнением: «Нет, доктор, теперь нет. У меня была девочка, которую звали этим именем, но она умерла полтора часа тому назад» – «Умерла? где умерла?» – спросил доктор. – «Здесь», – отвечала мать. – «Где же лежит её тело?» – «В соседней комнате». Старшая дочь больной повела туда доктора, и он узнал в умершей ту девочку, которая приходила звать его к больной матери.

5) Случай этот сообщён самим сэром Эдмондом Горбни, главным судьёй высшего консульского суда в Китае и Японии, который сам о себе говорит как «о человеке закона, как по образованию, так и по семейным традициям, неспособном давать волю своему воображению и не верящем в чудесное».

Он рассказывает, что, живя в Шанхае, имел обыкновение принимать у себя по вечерам газетных репортёров, приходивших к нему для получения судебных приговоров, которые на другой день

должны были появиться на страницах газет. Репортёры довольно аккуратно посещали его с упомянутой целью; в особенности Г-н Х...., бывший издателем одной вечерней газеты. Это был странный, молчаливый человек, очень мало говоривший о себе и, очевидно, много испытавший горя в своей жизни. Я с ним не был знаком иначе, как с газетным репортёром и других отношений к нему не имел.

«В тот день, когда имел место необъяснимый случай, о котором хочу рассказать, в 1875 или в 1876 году, я ушёл в свой кабинет, час или два спустя после обеда и занялся перепиской судебных решений. В половину двенадцатого часа ночи я окончил свою работу, позвонил камердинера и передал ему пакет с переписанными приговорами для передачи репортёру, если бы он за ними пришёл. Не было ещё полуночи, когда я разделся и лёг в постель. Нужно заметить, что я сплю очень чутко, в противоположность жене моей, которая, напротив, спит очень крепко, так что бывает трудно разбудить её в первый период сна. Французская постель помещалась как раз напротив камина, на котором стояли часы. Газ вполне не потушался, но только уменьшался, так что во всякое время ночи, не вставая с постели, я имел возможность свободно различать время, когда просыпался и закуривал, по своему обыкновению, сигаретку.

Я уже успел заснуть, когда внезапно был разбужен стуком в дверях моего кабинета. Полагая, что стук произведён камердинером, который пришёл посмотреть, всё ли в порядке и уменьшен ли газ, я повернулся на другой бок с намерением снова уснуть. Но тут раздался снова стук, но уже в дверях моей спальни. Всё ещё полагая, что это камердинер, имеющий надобность передать что-нибудь мне, я сказал: „войдите“. Дверь отворилась, и к моему изумлению, вошёл г. Х., репортёр. Я приподнялся с постели и сказал: „Вы, вероятно, ошиблись дверью, решения переданы камердинеру, ступайте и получите их от него“. Но вместо того, чтобы выйти, он приблизился ко мне и стал в ногах постели. „Г-н Х., – сказал я, – вы забываетесь, будьте столь добры, выйдите отсюда, вы злоупотребляете моей любезностью!“ Он был смертельно бледен; одет как обыкновенно и, очевидно, не был пьян. – „Я знаю, – сказал он, – что моя настойчивость не извинительна, но, не найдя

вас в кабинете, я решился идти сюда“. Я начал терять терпение, но что-то было в наружности этого человека, что меня останавливало вскочить с постели и вытолкать его за дверь. Я отвечал спокойно: „Всё это может быть так, но в настоящую минуту прошу вас выйти“. Но вместо того, он опёрся рукой о постель и тихо, как бы страдая, опустился на постель в ногах у меня. Я взглянул на часы, было двадцать минут второго. Я опять повторил: „Камердинер получил решения в одиннадцать часов, спуститесь к нему и возьмите их“. Он отвечал: „Простите меня, пожалуйста, но если бы вы знали все обстоятельства, вы бы не отказали мне в моей просьбе. Время не ждёт. Дайте мне сокращённое решение, и я запишу его в своей книжке“, – и с этими словами он из кармана вынимает свою репортёрскую книжку. Я отвечал: „Теперь не время, спуститесь с лестницы, отыщите камердинера и не расстраивайте меня, вы разбудите мою жену, иначе я принуждён буду силою выпроводить вас отсюда“. Он сделал движение рукою. Я опять спросил: „Кто вас впустил?“ – „Никто“, – ответил он, – „Проклятие, – вскричал я, – какого чёрта вам нужно от меня, – пьяны вы, что ли?“ Он отвечал спокойно: „Нет и никогда больше пьяным не буду. Но я прошу вас, сэр, дать мне ваши решения, так как времени остаётся немного“. – „Вы кажется, очень мало беспокоитесь о моём времени, и это в последний раз, что я позволяю репортёру переступить порог моего дома“. Он отвечал отрывисто: „Это в последний раз, что я вас вижу здесь, или в другом месте“.

Опасаясь, чтобы эта сцена не разбудила моей жены и не испугала её, я в самых сокращённых выражениях продиктовал ему свои решения, которые он, казалось, стенографировал. Это продолжалось от двух до трёх минут. Когда я кончил, он поднялся, поблагодарил меня, просил извинить за беспокойство, открыл дверь и вышел; я взглянул на часы, было ровно половина второго. В это время проснулась леди Горбни и, полагая, что она слышала наш разговор, я передал ей, что случилось. На другой день, одеваясь, я опять пересказал ей ночное приключение.

Я прибыл в суд за несколько минут до 10 часов. Пристав вошёл в мою комнату, подал мне мою судейскую одежду и сказал: „Сэр, случилось печальное происшествие сегодня ночью. Бедный Х. был найден мёртвым в своей комнате“. – „Боже мой! возможно

ли это! – воскликнул я, – отчего и в какое время он умер?“ – „Кажется, что он поднялся в свою комнату по обыкновению в десять часов, чтобы работать для своей газеты. Около полуночи жена заходила к нему спросить, скоро ли он кончит и пойдёт спать, но он отвечал: „Мне остаётся только приготовить отчёт о судебных решениях, и я кончу“. Однако в час с четвертью жена вторично зашла к нему и опять увидела его пишущим, а потому не пожелала ему мешать. Через четверть часа она снова постучалась к нему и позвала через дверь. Не слыша ответа и полагая, что он задремал, сидя за работой, она приблизилась к нему, чтобы разбудить и, о ужас! – нашла его мёртвым. Его записная книжка, которую я принёс с собою, лежала на земле. Жена послала за доктором, который пришёл немного после двух часов и объявил, что смерть последовала около часа тому назад“. Я взглянул в записную книжку. В ней после обычного предисловия „В высшем консульском суде, главным судьёй Г. постановлены решения по следующим делам“ – видны были стенографические письма, которых я разобрать не мог».

Из двух расследований, произведённых одно у репортёра, другое у судьи, оказалось, что репортёр не выходил в эту ночь совсем из дому, и если бы даже и вздумал выйти, – не мог попасть к судье, так как все двери, по обыкновению, были заперты. «И теперь, как и тогда, – продолжает сэр Эдмонд Горбни, – я утверждаю, что я не спал и был в полном сознании».

В этих последних пяти примерах нет возможности предположить ни психического аффекта, ни игры воображения. Если нет здесь ни того, ни другого, то надо заключить, что подобные видения реальны. Если же они реальны, то нельзя ли в науке найти, если не прямых, то, по крайней мере, косвенных указаний для возможности какого-либо хотя примерного указания сущности этих явлений, чтобы выяснить себе, хотя бы в общих чертах: что такое человек? Какие элементы составляют его существо? Что остаётся при нём после его смерти и, наконец, что покидает и оставляет он земле, расставаясь с ней?

Глава III.

Душа.

Душа материалистов и позитивистов.

Мышление материалистов и позитивистов никогда ещё не простиралось так далеко, чтобы заметить в человеке хотя какое-либо одно из всех вышеуказанных сверхчувственных ощущений, состояний или явлений. Большинство позитивистов не только не верит и не допускает их совсем, но не допускает никакого ровно отвлечённого или духовного элемента в строении человеческого существа и ровно ничем не отличает существо человека от животных, животных от растений, растений от кристаллов, кристаллов от обыкновенной неорганической материи. По строению своему всё видимое в природе признаётся ими аналогичным.

Например, М. Литтре в своём «Медицинском Лексиконе» говорит: «Слово *душа* выражает совместность всех отправлений головного и спинного мозга и совместность мозговых ощущений, т.е. понимание внешних предметов, сумму потребностей и склонностей, служащих к сохранению самого себя, расы и отношений к другим существам; способность составлять воображение, язык, выражения, проявлять свою волю и, наконец, способность приводить в действие всю ассоциацию мускулов и тем действовать на окружающую среду».

Материалисты учат, что смерть парализует отправления мозга и души, или то, что подразумевается под этим именем, уничтожается с разложением тела. Всю разумную сторону в человеке они считают вполне связанной с отправлениями и строением его мозга, вследствие этого со смертью всё должно будто бы разрушаться. Это факел, который зажигается с жизнью и гаснет безвозвратно.

«Человек, – говорят материалисты, – рождается от зародыша,

живёт и умирает, как растения и животные, и совершенно так же развивается. В растениях и животных со смертью всё пропадает, – отчего было бы это иначе у человека?»

По воззрению материалистов, все проявления в человеке, органические, физические, интеллектуальные и нравственные, зависят единственно от его организма. Мозг имеет способность производить или образовывать мысль, воображение, память, добродетели и пороки совершенно так же, как печёнка имеет способность производить желчь, а слюнная железа – слюну.

Приведём несколько примеров:

«Все способности, которые мы разумеем под именем души, – говорит Карл Фогт (в *Physiologische Briefe*, стр. 206), – ничто иное, как отправления мозгового вещества. Между мыслью и мозгом такое же отношение, как между желчью, печенью, почками и их отделениями».

Кабанис говорит прямо: «Мысль есть только выделение мозга».

«Все поступки человека суть неизбежные продукты мозгового вещества, – сказал Тэн, – порок и добродетель такие же продукты, как серная кислота и сахар».

Молешотт сказал в своём «Круговороте Жизни», что «человек есть сумма предков и кормилиц, места и времени, воздуха и погоды, звука и света, пищи и одежды».

Утверждая, что мысль есть результат работы мозга, материалисты впадают в ужасную ошибку. Мысль не материальна, не вещественна, а потому смешивать оба понятия – материя и мысль, добродетель и сахар – не имеет ни малейшего основания. Материя, выделяющая мысль, должна тоже быть разумна. Предполагать разум в материи, значит говорить несообразности. Материя, которая разумна, имеет мысль, перестаёт быть материей, а потому не может уже больше называться материей. Разум, мысль, воля – сами по себе нематериальны, они не обладают свойствами материи, они не имеют ни протяжения, ни веса, ни непроницаемости, а следовательно, они не могут быть продуктами, или проявлениями частей человеческого тела, имеющих материальное сложение, как-то: мозга и нервов; материя может произвести только материю, а

никак не отвлечённые предметы. И так ясно, что сам мозг не может производить мысль. Мы знаем, что мозг состоит из воды, фосфора, альбумина, кислорода и т.д. Если способность мыслить заключается не во всём мозгу, но в какой-нибудь части его, – то в какой же именно? Если бы мы предположили, что способность мыслить заключается в какой-нибудь одной неделимой частичке, в каком-нибудь атоме, то и тогда мы не имели ли бы ещё права отвергать бессмертие души, потому что способность мыслить была бы так же неразрушима, как и самый атом. Но ведь при сём надо, чтобы этот атом был бы одной природы, одного вида с мыслью, чтобы производить мысль. Но в этом случае он не может быть материальным. Какого же он вида? Что же он такое?

Природа, духа и материи до того различны одно от другого, что на всех языках, у всех народов, во все века, их считали элементами диаметрально противоположными. Законы и силы духа существуют независимо от законов и сил тела. Сила воли очень различна от силы мускулов, честолюбие от голода, внутреннее желание от жажды. Разве можно найти действие материи в нравственных законах, которые управляют совестью?

Действительно, углубляясь внимательно в сущность предмета, надобно удивляться, как люди, привыкшие размышлять, могли дойти до того, чтобы считать за одно мир духовный и мир вещественный!

Всякое действие должно иметь свою причину, всякое разумное действие должно иметь свою разумную причину. Никто не смешает звука колокола, когда верёвку его случайно раскачает ветер, с тем звуком, который вызван кем-либо для возвещения чего-нибудь. По звуку его мы сейчас отличаем, что приложена к нему разумная воля, ибо никто не признаёт в материи колокола свойство мыслить, следовательно, и способность издавать целесообразные звуки. Никто не думает приписывать трупу человека разум или мысль, следовательно, не свойство материи заставляет его думать и действовать; – ясно, что есть же что-либо, лежащее отдельно от мёртвого тела, которое оживляет его. При звоне колокола эта разумная причина всегда вне его. У человека она всегда внутри, – вот и сходство, и разница.

Итак, человек неоспоримо должен состоять из двух существенно отличающихся друг от друга элементов: один – который думает, другой – который не думает. Это истина неоспоримая и очевидная. Мысль не имеет ничего материального, она сама и отправления её чисто духовные. Рука, палец, ноготь нисколько не думают, и как состав их, так и отправления чисто материальные.

А.Р. Уоллес, учёные заслуги которого ставят его несомненно на ряду с Дарвином, сказал в своём «Естественном подборе»: «Кто хочет сказать, что дух есть продукт вещества, должен предложить определённое представление о веществе, ясно формулировать свойство его и показать, что необходимым результатом некоторого сложного расположения элементов или атомов этого вещества будет появление сознания. Никак нельзя устранить следующую дилемму: или всякое вещество сознательно, или сознание есть нечто отличное от вещества, и, в таком случае, присутствие сознания в материальных формах есть доказательство существования сознательных веществ вне, – независимо от того, что мы называем веществом».

Тиндаль, в своей речи для открытия Британского научного общества, сказал: «Даже и в том случае, если бы мы достигли до уяснения себе движений в мозговых фибрах, сопровождающих наши впечатления, нам бы оставалось ещё объяснить, каким путём в нас является сознание этих впечатлений. Между сознанием и всевозможными модификациями органа навсегда останется бездна, через которую не в состоянии перешагнуть никакой материализм, так как здесь перед ним является нечто, совершенно отличное по существу от превращения одного движения в другое».

Приведём ещё несколько мнений учёных:

1) «Чувства и мысли не только совершенно отличены от всего того, что мы называем веществом, но они находятся на совершенно противоположном полюсе... Они не только наиболее реальны, но, строго говоря, представляют собою единственно достоверное, что мы знаем». (Джон Стюар. Миль).

2) «Между мыслью и явлением физического мира не только не существует никакого сходства, но мы не можем даже себе представить возможности подобного сходства. Есть целая бездна между лишенной сознания (неорганической) жизнью и одаренной

сознанием; бездна эта глубока и непереходима» (Профессор Ольмани, президент Британской ассоциации для развития наук).

3) «Существуют люди, – говорит Тэн, – не заслуживающие названия естествоиспытателей (хотя они громко претендуют на название философов), которые утверждают, что не только жизнь, но и даже воля и сознание наше суть простые физические явления». (Лекции физики, стр. 22).

4) «Вещество и движение ничего не могут породить, кроме вещества и движения». (Гертли, *La. Psych. de Association*, pag 39).

5) «Свет, цвет, звук, теплота, осязание, запах и проч., и проч. суть лишь простые состояния нашего сознания. Что они такое сами по себе мы знать не можем.... Природа сама по себе есть для нас вечный мирок, вечное безмолвие». (Льюис, *Ист. Философии*).

6) «Когда материалисты переступают границы своей науки и начинают утверждать, что в природе не существует ничего, кроме вещества и движения, – я отказываюсь следовать за ними. На сколько мне известно, „вещество“ и „движение“ суть простые лишь формы сознания, потому что мы знаем не самый вещественный мир, а только наши представления о нём в нашем сознании. Следовательно, Декарт был совершенно прав, сказав, что знание души в нас более непреложно, чем знание нашего тела» (Гёсли, президент Лондонского Королевского Общества).

И в самом деле, когда мы смотрим на какой-либо предмет, можем ли мы сказать, что он именно такой, каким мы его видим, будем ли мы разбирать цвет его, звук им издаваемый, или форму его, всё что мы о нём познаём, всё составляет лишь продукт воздействия этого предмета на наше сознание; это – представления, сделанные нашей душой о нём, но не он сам по себе, следовательно, мы познаём представления нашей души, но не самый предмет, который остаётся всегда вне нашего познания.

Далее, – где вы видели, чтобы в природе что-нибудь пропало? Даже материя – и та не пропадает. Наука доказывает, что разложившиеся тела переменяют лишь своё состояние и что они могут быть отысканы в другой форме, в другом месте. Наше тело разлагается, растворяется, продукты эти перерабатываются воздухом и водой и производят в этих средах новые комбинации и химические реакции, но никак не пропадают, а перерождаются, тем

более думающий элемент человека, или его душа, не может пропасть бесследно. Она может разве только преобразовываться, но не уничтожаться.

Наиболее веское и научное возражение представил Батус. Не трогая общего вопроса, он указывает на частный и второстепенный факт. Он говорит: когда мозг болен, разум, который должен быть проявлением души, тоже не нормален. Если вынуть часть мозга у человека или животного, некоторые способности души пропадают. Следовательно, если пропадёт весь мозг, – как это делается после смерти, душа тоже должна пропасть».

Это абсолютно не верно; можно замечать, что одна какая-нибудь способность души исчезла, но из этого ещё никак нельзя заключить, что душа совсем не существует. Разум затемнён ненормальным состоянием мозга, он даже может мгновенно исчезнуть, для этого не надо душе уничтожаться. В сумасшествии способности разума, воображения, внимания приостанавливаются, но не исчезают: так как немедленно, после выздоровления, они опять появляются в полной их силе.

Как можем мы принять за общее правило, что от ран или от других болезней мозга некоторые способности души совсем пропадают? Способностей души мы ощутить не можем, т.е. ни трогать, ни видеть, – кто же может сказать, что они пропали? Они, может быть, находятся просто в состоянии бездействия; они могут совершенно свободно, с полной своей энергией работать, после того, как душа отделится от тела, после того, как узы, связывающие её временно с больных телом, будут разорваны.

Это предположение мы постараемся выяснить несколько нагляднее, приведя факт из обыденной жизни: пианист не может выполнить свою пьесу, если в фортепиано не хватает нескольких струн. Но это ещё совершенно не значит, что способности пианиста пропали; дайте ему новый инструмент, или исправьте старый и вы увидите, что пианист покажет вам всё прежнее своё искусство.

«Что я такое? – спрашивает Декарт, во втором размышлении. – Вещь, которая мыслит. Что такое вещь, которая мыслит? – Это вещь, которая сомневается, которая понимает, которая утвер-

ждает, отрицает, которая хочет, не хочет, которая так же соображает и которая чувствует».

«Пока, – читаем в параграфе седьмом, – мы отбрасываем всё, в чём можем малейшим образом сомневаться и представляем себе даже, что всё такое ложно, мы легко можем предположить, что нет Бога, нет ни неба, ни земли, что мы не имеем рук, ног и всего тела; но мы никак не можем представить, чтобы не было нас, кои сомневаемся во всех этих вещах, чтобы то, что думает, не существовало на самом деле в то время, как оно думает. Потому заключение: мыслю, следовательно, я есмь, – есть первое и достовернейшее, какое представляется тому, кто размышляет по порядку». (Философ. Декарта. Любимов, стр. 132, 133).

«Я всегда считал, – говорит Декарт в своём посвящении, – что два вопроса – о Боге и о душе, – суть главнейшие из тех, кои должны быть доказаны скорее доводами философии, чем богословия: ибо, если для нас, верующих, достаточно верно принимать, что Бог есть, и что душа не умирает с телом, то неверующим, мне кажется, невозможным преподать сколько-нибудь религию, ни даже какую-либо нравственную добродетель, если предварительно не докажем им эти два положения путём естественного разума»... (Любимов. философ. Декарта, стр. 124).

Глава IV.

Душа спиритуалистов.

Если все позитивисты и материалисты из боязни впасть в ошибки совершенно не изучают человеческой души, обходят все непонятные им места человеческого существа, не обращают внимания на все загадочные явления и факты в жизни человека и в окружающей природе, то значило бы это, что ничего подобного в мире и в человеке нет? Конечно, нет!

Заблуждения позитивистов ясны, они находят возможным изучать в человеке только один элемент; это именно – труп или одну только ту часть человека, которая после смерти обращается в труп. Они считают, что все остальные проявления, как жизненные, так и духовные, как-то: жизнь, сознание, чувства, мышление и т.д. суть только следствия проявления качеств и свойств той материи, которая составляет этот труп. Но ведь мы ясно видим, что когда эти следствия отделятся от трупа, то они становятся самостоятельными, проявляются совершенно независимо от самого трупа, и после чего сам труп уже ни в каком случае не может произвести опять этих же самых следствий и на вечные времена остаётся трупом, в какие бы условия мы его не поставили и чего бы мы с ним не делали. Из чего мы должны заключить, что то, что позитивисты называют следствиями не есть следствие, но самая причина, оживлявшая труп и делавшая этот труп человеком. Эта самая причина, проявляясь в трупе, делала его и живым, одухотворённым, разумным и осмысленным. Вот к изучению этой самой причины, одухотворяющей труп, мы желали бы приступить, но, конечно, уже в этом случае мы должны отказаться от всякой помощи позитивных наук, так как никаких указаний они нам дать не могут, находясь совершенно на ложном пути исследований своих. Ошибка позитивизма понятна. Он никогда не затрагивал никаких вопросов, ни

сущности, ни происхождения, ни природы вещей, явлений и фактов; не разбирая вопроса сущности жизни природы и одухотворяющего начала, он и смешал причину со следствием и в следствиях видит причину тогда, когда в действительности зависимость трупа от оживляющего его начала совсем другая.

Если позитивизм не может удовлетворить любознательности человека, желающего себе выяснить хотя примерно, в общих чертах, природу ощущаемого в себе своего «я», не естественно ли обратиться к другим источникам?

Если господствующая наука не даёт ответов на возрождающиеся в умах людей вопросы, существенно необходимые и представляющие в настоящее время потребность для всего общества, то не естественно ли обратиться к другим, одинаково научным и серьёзным учениям, но которые не входят в состав модного и привычного для современных учёных позитивизма.

Мы не находим причины не черпать воды из чужого источника, если свой заражён; так точно нет причины отказывать себе пользоваться существующими теориями и научными системами, вполне серьёзными и разумными только потому, что они не вошли в состав нам привычной науки. На этом основании из множества учений о душе и вообще о существе человека мы приведём здесь три учения, наиболее характерные, а именно:

1) Душа, по учению доктора Сталя, – это первое допущение подобного рода по медицине.

2) Душа, по учению Монтепельской школы, введённой в медицину докторами Бартезом и Лорда. Это самый серьёзный и удачный труд в этом направлении, он может, считаться положительным торжеством науки над материализмом, как определённой своих воззрений, так и числом своих последователей во Франции, Англии, Италии, а впоследствии и в Германии. Мировоззрение это держится уже более столетия и укрепилось теперь во многих учёных центрах.

И в 3) Душа, по системе доктора Биша. Воззрение Биша достойно внимания в том отношении, что оно нашло себе наибольшее применение в медицине новейшего времени, не составляя само по себе законченного целого. Оно проливает свет на шат-

кость оснований тех взглядов, которые приняты теперь многочисленными современными деятелями.

Душа по учению Сталля и Аристотеля.

Немецкий доктор Сталь бесспорно может назваться одной из выделяющихся личностей прошедшего века. Он оказал своими трудами великую услугу медицинской философии, ибо ввёл духовный элемент в медицину и тем избавил её от глубокого материализма, который господствовал в ней. Его труд нашёл полное сочувствие в докторах всего света, и в своё время светила науки: Пиду, Труссо, Паршан, Кайоль, Саль-Жирон, Бушю, Шоффар – были все анимисты, защитники и последователи доктора Сталля.

В деталях они несколько изменили первоначальную теорию Сталля, они освободили её от всего, что не согласовалось с медицинскими теориями и новейшими в то время открытиями науки, но сущность учения осталась та же.

В теории своей доктор Сталь приписывает душе человека не только полную чувствительность, но и вполне активную роль; он несколько утрирует необходимые свойства души, придавая ей значение живого существа и приписывая ей следующие качества: сварение желудка, циркуляцию крови, производительность, образование материи, поглощение жидкости и газов, питание и т.д. Сталь придаёт душе некоторый вес и материальность. Кроме того, даёт ей разум, мысль и способность руководить всеми животными отправлениями человека.

Теория эта обнародована Сталем в 1708 году под заглавием «Theoria Medica vera».

«Душа, сотворённая Богом по Его образу и Его подобию, – говорит Сталь, – начинает сама образовывать тело, которое готово её принять. Потом сама приступает к выполнению всех животных отправления, и на неё же возлагается обязанность и сохранять это тело».

Сталь даёт животным такую же душу, как и человеку, имеющую двойную обязанность, т.е. сотворить себе тело и потом охранять его.

По теории Сталя, материя, сама по себе, играет пассивную роль в организме: она совершенно не способна произвести сама по себе ничего, пока её на это не подвинет разумная душа. Душа – единственная причина наших вольных и невольных действий. Душа питает каждую часть тела, она собирает жидкости всюду, где они нужны, пополняет всё, что Декарт и его современные товарищи приписывали животному разуму. Душа одинаково присутствует в каждой части нашего тела и постоянно заботится об их содержании и сохранении.

В этой теории всякая болезнь организма есть только ошибка природы, и на обязанности души немедленно исправлять её.

Во всех болезнях излечение надо приписывать необыкновенным усилиям самой природы. Усилия эти вполне разумны, говорит Сталь, они удаляют причины, вредно влияющие на болезнь, и приближают то, что может принести пользу. «Душа, – говорит Сталь, – это наш лучший врач».

Учение Сталя вполне гармонирует с учением католицизма. Католицизм также считает душу за разумное существо, которое живёт в теле человека только один раз и в продолжении этого времени сохраняет себя и порученное ей тело при жизни человека, а после смерти даёт отчёт во всех своих действиях. Католицизм считает, что после смерти душа живет отдельно от тела, в состоянии облегчённом, т.е. не имеющем веса, но что придёт час воскресения, в который душа соединится опять с телом, приняв вид совершенно такой же, какой она имела при жизни, и опять будет иметь вес.

Все писавшие об антропологии и медицине в духе католицизма не удалялись от учения Сталя, все они признавали сталинизм. Ксавье-де-Местр в своём сочинении «Путешествие вокруг моей Комнаты» с большим увлечением и необыкновенной точностью развивает свой взгляд на «душу и животное». В сущности, его учение ничем не отличается от философии и физиологии Сталя: Душа направляет, вдохновляет и надзирает за животным, т.е. за телом.

С другой, стороны сталинизм во многом схож с учением Аристотеля о душе. По Аристотелю, тело и душа связаны нераздельно. Он говорит: «Покамест достаточно признания того, что служит

началом упомянутых состояний и определяется деятельностью питания, распознавания, мышления» (De anima II, 2).

По своим функциям душа и сознание у Аристотеля не одинаковы, так как он относит к душе и органическую деятельность. Аристотель, приписывая душе и органические деятельности, обуславливающие созидание, питание, рост и смерть организма, принуждён признать душу у животных и у растений. При подобной органической связи с явлениями биологии, и душа должна подпасть под влияние развития. Та часть души, которая обуславливает питание и проявляется в мире растений, свойственна, по Аристотелю, и высшим организмам – животным и человеку; в противоположность этому, растения обладают душой несовершенной, способной руководить исключительно одним питанием и лишённой всяких высших способностей.

Итак, по Аристотелю, душа не является принципом и носителем исключительно одного познания, но развивается эмбриологически и биологически. Прогресс сознания идёт рука об руку с прогрессом организации, и из одного этого вытекает, что душа должна быть вместе с тем и принципом, и носителем организации, как биологически, так и индивидуально. Органическая жизнь не должна быть отделяема от души. Жизнь и душу уже потому нельзя разъединять, что дух является развитием природы, обуславливает чувственное сознание посредством физического организма и составляет цветок этого организма. Так как душа не только мыслит, но и организует, то должно быть признано, что способность души в организации не уничтожается смертью, а сохраняется или в виде потенциальной (возможной) способности, или же мы должны принять душу за нечто организованное и существующее в пространстве.

По Аристотелю, душа имеет существенное отношение к форме тела, а именно: она относится к нему, как форма к веществу.

Вопрос об их единстве решается Аристотелем следующим образом: душа относится к телу, как возможность к действительности; вот путь, по которому он пришёл к своему знаменитому определению души: «душа первая законченная действительность способного к жизни, естественного тела и притом обладающего орга-

нами» (De anima II, 1–4). Живое существо не составлено из отдельных души и тела, но душа есть сила, действующая в теле, а тело представляет собою лишь естественное орудие души. Они так же мало способны к разъединению, как, напр., глаз и способность зрения. Тело существует лишь ради души. Подобно разумному человеку, природа даёт каждому то орудие, которым он способен воспользоваться. Он восстаёт на Анаксагора, высказавшего мнение, повторенное позже Гельвецием, будто человек лишь потому самое разумное животное, что обладает руками. Аристотель был совершенно противоположного мнения: «Человек, – говорит он, – потому и обладает руками, что он самое разумное существо, – орудие сообразуется с употреблением, а не употребление с орудием (de part. IV, 10). Физиологические причины только средства для целей природы. Подобно Платону, Аристотель различает действующую причину, благодаря которой что-либо происходит, от необходимых условий, без которых что-либо не может произойти.

По Аристотелю, цель всякого возникновения – форма. Окончательное назначение вещи и причина, её формирующая, совпадают. Как отдельные органы существуют лишь ради своих функций, так весь организм существует для всей своей деятельности и сводится к проявлениям души, как к своему началу. Тело существует для того, чтобы душа могла активно проявиться в этом мире. (de gen. an. II, 4).

Позитивизм не имеет основания выступать против учений, как Сталя, так и Аристотеля о душе, так как учит, что не только функции сознательного мышления, но и функции бессознательной жизни управляются нервной системой. По их мнению, мышление совершается при помощи нервов мозговой системы, а жизнь (физические отправления) с помощью нервов ганглиозной системы. Значит, для обоих, – и для создания, и для жизни – мы должны признать одно общее происхождение.

«Так как органом нашего сознания служит головной мозг, – говорит Шопенгауэр, – то это сознание должно быть ограничено в нашем организме пределами распространения сети нервов головного мозга; – оно отсутствует, если передающий ощущение нерв будет перерезан. Животные функции жизни совершаются потому бессознательно, что ганглиозная система изолирована от мозговой

– по крайней мере, между ними существуют лишь посредственные соединения (анастомозы). Эта ганглиозная система, напротив, сама обладает своими собственными, ей подчинёнными, нервными центрами, которые легко могут обладать сознанием, в существовании которого мы непосредственно убедиться не можем. У нас, значит, нет никакого основания принять два различных источника для изменений, совершающихся в человеческом организме; обе нервные системы должны быть продуктом одного и того же организующего начала. Различие между сознательным и бессознательным, произвольным и непроизвольным в движениях нашего организма объясняется физиологически. Организм не может быть слугою двух господ – всем его действиям и воздействиям должна быть положена в основание единая воля» (Шопенгауэр. Воля в Природе).

Надо относиться с большим уважением к теории Сталя, ибо учение его сделало капитальный переворот в медицинской философии его времени, оно исправило некоторые ошибки Декарта и ввело в медицину духовный элемент. Мы обязаны Сталю, что современные парижские школы оставили свои грубые материалистические воззрения, которые были введены Кабанисом и Бруссе. Добавим ещё к заслугам Сталя, что Бартезианское учение есть только продолжение или усовершенствование сталинизма.

Тем не менее, разбирая сталинизм, который проповедовал сам Сталь, или в таком виде, как его изменили гг. Пиду, Труссо, Кайоль, Шоффар, Саль-Жирон и т.д., надо заметить, что он недостаточно определённо передаёт настоящую природу человека и разные проявления как здорового, так и больного организма.

Сталинизм смешал два совершенно разнородных понятия: он не различает проявлений чисто интеллектуальных от чисто материальных, у него смешана мысль с функциями физиологическими.

Душа имеет характер чисто духовный и бессмертный, т.е. нематериальный. Всё проявляющее жизненность должно иметь характер смертный и разрушающийся. Душа вечна, тело умирает. Душа главным образом проявляет свою волю, тело подчиняется этой воле. Большая часть наших натуральных отправления совершается без нашей воли, как бы помимо нас. Мы не можем препят-

ствовать сердцу биться, нашим нервам чувствовать, лёгким дышать. Каким же образом одна и та же сила будет иметь противоположные действия? Как я могу сказать, что душа переваривает мою пищу, что она дышит, или заставляет кровь циркулировать, участвует при питании, содержании и лечении больных органов? – Как я могу думать, что душа, как верный сторож, следит за здоровьем и устраняет всё, могущее вредить ему; это значит совершенно не так понимать природу души, её роль и её настоящее строение.

Весьма авторитетные защитники сталинизма находят сами, что душа не участвует в физиологических отправлениях. Сошлюсь на Тиссо и его книгу: «О жизни, заключающейся в человеке».

Важное опровержение Сталинизма мы находим в жизни зародыша. Когда жизнь наиболее работает для произведения организма, когда все силы напряжены и от крепости и совокупности их зависит развитие нового существа, по теории Сталя, как раз в это время и нужно было бы содействие разумного элемента; но душа в это время ещё бездействует.

Ещё одно чрезвычайно важное опровержение теории Сталя мы находим в смерти стариков, умирающих естественной смертью, или, как говорится, от старости. Душа вечна по своей природе, но начало или причина жизни имеет свой предел. Бывают смерти необходимые, смерти от старости, происшедшие не от того, что тело состарилось, а от того, что истощился весь запас жизненных сил.

Фонтенебло умер на 99 году жизни и, судя по его собственному выражению: «по невозможности жить»; действительно, все органы и отправления его были в таком порядке, что ничего не могло объяснить его смерти. Корнаро умер совершенно таким же образом на 100 году жизни. Если бы душа была в самом деле жизненным началом, мы могли бы быть бессмертны, ибо материя в нас постоянно возобновляется, следовательно, даже у стариков, она новая и молодая.

Тиссо, большой защитник сталинизма, не находит опровержений подобному взгляду, ибо то, что он отвечает по этому поводу в своей книге «Жизнь в человеке», для учёного профессора не может

назваться опровержением: «Это может быть ещё новый закон природы, – говорит он, – когда душа предоставляет своё ещё живое тело влиянию внешних сил, чтобы ускорить своё собственное преобразование».

Некоторые учёные упрекали Сталя в том, что его теория должна привести к материализму, и Сталь сам их опровергал, отстаивая своё учение; но он не был прав. Жизненное начало, или принцип жизни, должен быть непременно разрушим и прекращаться с жизнью. Отождествляя его и душу, т.е. начало нашей духовной жизни, мы никогда не дойдём до бессмертия души, и это не дало бы нам никаких объяснений касательно духовной стороны в человеке, чего именно и добивался Сталь. Следствия, выводимые па основаниях, предположенных Сталем, сами разбивали его теорию и приводили ко многим неясностям.

Лорда выразил в нескольких энергичных словах главные аргументы опровержения учения Сталя. Они следующие: «Более пятидесяти лет я доказываю всем, ищущим правду, без предвзятых мыслей, ошибки и абсурды сталинизма. Я прямо указываю на последствия учения Сталя. По его учению, истекает прямо тождественность проявления жизни у человека и у животных, делимость души, имеющей вес, а следовательно – её смертность. Сталинизм имеет в основании своём совершенно фальшивую гипотезу, затемняя постоянно внутреннюю делимость человека. В основании его теории лежит убеждение, что причина всех телесных отклонений совершенно та же, что и рассудка, или воли. Мы положительно смотрим на эту гипотезу, как на абсурд; душе, имеющей вес, никаких таких качеств приписывать нельзя».

Критикуя Сталинизм, как объяснение природы человека, и предпочитая Бартезизм и Монтепельскую школу, мы нисколько не думаем оспаривать ту существенную роль, которую играет душа в большинстве человеческих отклонений. Влияние, которое имеет воображение на многие физиологические явления, большинство нервных проявлений, находящихся в них основание, проявление сомнамбулизма, как естественного, так и вызванного магнетизёрскими пассажами, потеря чувствительности, которая вызывается в момент экстаза или гипноза, – всё это неоспоримо и прямо дока-

зывает ту громадную роль, которую играют нервы в жизни человека; но, основываясь на этих фактах, мы всё же не можем сказать, что душа составляет начало всех животных отправлений.

Душа по учению Бартеза и Лорда.

Бартез, французский доктор прошлого столетия и профессор Монтепельского университета, доказал, что в духовной стороне человека два элемента: душа (или то, что Лорда называл внутренним разумом) и жизненная сила или жизнь.

Основатели этой теории называли это двойным человеческим динамизмом.

Если к двойному динамизму, т.е. к душе и жизни прибавить тело, то это и составит тройственное соединение в человеке:

- 1) Тело.
- 2) Душа, или внутренний разум.
- 3) Жизнь, или жизненное начало.

Разберём характер всех этих трёх элементов и постановим между ними ясное различие.

Тело нетрудно узнать в этих трёх элементах. По своей материальности оно легко отличается от жизни, по своей смертности – от души.

Не так легко отделить жизнь от души. Вот главные характерные различия:

1) Душа нематериальна, бессмертна и неразрушима. Она способна думать, сознавать и выражать свою волю. Она не ослабевает, не устаёт, не старится, не умирает. Она не подвергается никаким влияниям времени. Никогда не уставая, душа только крепнет от упражнений, развивается, вдохновляется и совершенствуется.

Жизнь нематериальна, но не бессмертна, это и есть главное отличие души от жизни. Как теплород и как электричество, жизнь есть сила, которая рождается от известных причин; имея начало, она, конечно, будет иметь свой конец; и конец этот будет безвозвратный. Жизнь, как сила, не имеет материи, но она может прекращаться, как от внешних посторонних причин, так и сама по себе,

после известного периода времени; она не вечна, как душа.

2) Жизнь может передаваться, душа не передаётся. Жизнь общается одним существом другому через произрождение, через воспроизведение, через потомственность. Жизнь, заключаясь в жидкостях, в твёрдых частях и во всей химической основе организма материи, находит в утробе её необходимые условия для развития того семечка, которое в неё попало. Оно, пользуясь необходимыми условиями, производит новое существо, которое должно унаследовать своим родителям.

3) Жизнь есть сила, преимущественно образовательная, созидательная, пластическая, или устроительная; но эта сила действует инстинктивно, у неё нет сознания своих действий. Кончивши созидать человеческое тело, жизненное начало остаётся в нём, управляет и поддерживает всё существование; оно обладает всеми качествами, которые Сталь приписывает душе, в заботе о сохранении тела. Душа же всегда действует разумно и сознательно, ибо душа есть сам разум, это наше высшее разумное начало.

4) Жизнь развивается, усиливается и, наконец, ослабевает. Жизнь исчезает, и тело умирает. Исчезнув однажды, человек умирает, и жизнь уже более не восстанавливается. Наоборот, душа от упражнений только крепнет и совершенствуется.

«Сама жизнь, – говорит Лорда, – увеличивается в первой половине существования человека, но вторая половина проходит в постоянном ослаблении её, где старость и смерть, конечно, есть предел. Развитие души не следует, этому состоянию жизни: если болезни организма не мешают, душа может совершенствоваться до самого конца существования человека; так, что в самый последний момент глубокой старческой жизни душа может сделать большие успехи в своём усовершенствовании и выказать наиболее своего разума, правдивости и прозорливости. Из этого следует – и что мы часто видим совершенно определённо, – что иногда, когда жизнь потухает и смерть уже наступает, психическая деятельность души находится в полной силе и могуществе, ибо она не испытывала ни старости, ни упадка сил, – причины, служащие единственными верными доказательствами близости разрушения».

В книге Лорда мы находим в высшей степени остроумное и самобытное объяснение развития души у стариков. Нисколько не

ослабленная душа, напротив, набирается энергии и мужества тогда, когда жизнь и материальное тело изношены и мало-помалу приходят в ветхое состояние. Это состояние Лорда называет аже-разией, или бодрой старостью души.

Размер нашей книги не позволяет повторить здесь все исторические и биографические факты, которые Лорда приводить в своей книге, чтобы с очевидностью доказать, что в то время, когда жизнь и тело изнашиваются, душа, наоборот, крепнет и растёт постоянно в своей деятельности и могуществе.

5) О различии между душой и жизнью Лорда говорит ещё следующее: «жизненная сила проявляется в зародыше с самого первого времени его образования, с первых моментов оплодотворения и производит уже очень сложные явления образования младенца в течение всей его утробной жизни, в продолжение которой мы никаких психических отправления не видим. Душа проявляется в нём в минуту рождения, с того времени, как он входит в общение с внешней средой.

С самого начала зарождения жизненная сила проявляет большую крепость и совершенство. Психические силы с начала их проявления чрезвычайно слабы и несовершенны, чрез внимание и упражнения они постепенно развиваются.

«Всё, что совершается жизненною силою – наследственно и зависит от случайных обстоятельств, действующих в пользу или во вред развития: дети наследуют от родителей красоту форм, здоровье, уродства, цвет кожи, склонности к болезням. Качества души не наследственны, они зависят от образования и воспитания и умирают с человеком, не передавшись в потомство. Человек в наследство нисколько не получает ни добродетели, ни пороков своего отца, а потому и оправдываться в совершённых им преступлениях порочными качествами своих предков не может; образование нисколько не передаётся в потомство, – у образованных отцов могут быть совершенно необразованные дети».

Вот связь между телом, душой и жизнью, которую даёт Монтельская школа, по словам Бартеза и Лорда.

Теория эта чрезвычайно проста, ясна и не имеет серьёзных возражений. Мы охотно приводим следующие слова Лорда:

«Теория двойного динамизма – факт настолько ясный и здравый, что отрицание или сомнение в верности его есть доказательство нелогичности, незнания природы и истин науки; таких людей надо отправить опять в школу доучиваться».

Это тройственное соединение замечается не у одного человека, но и у животных.

Животные имеют также тело и душу, но душа эта стоит много ниже по своему развитию, чем душа человека; мы можем ясно судить об этом, разбирая отправления её. Имея мало потребностей, животное имеет небольшое число душевных проявлений, и они все показывают лишь начальное развитие.

Строение человека отличается от строения животных только своим небольшим превосходством, в физиологическом же и в анатомическом отношении все тела окончательно тождественны.

Душа по учению Бишá.

Далеко не все доктора признают у человека и у животных присутствие жизненной силы, отличительной от сил физических и химических. Многие французские, немецкие, английские доктора и физиологи охотнее следуют теории Бишá и называют «жизненными свойствами материи» всё, что Бартезизм приписывает совместным отправлениям жизненной силы и души.

Вот что говорит по этому поводу Клод Бернард в своей первой лекции физиологии, прочитанной им в 1871 – 1872 годах во французской школе: «Непосредственная причина жизненных явлений не должна быть приписана никаким особенным причинам и никакой жизненной силе. Не надо её искать в «душе» Пифагора, «в физиологической душе» Гиппократов, в «душе» Атеней, в «l'archee» Парацельса, в «l'anima» Сталля, в «жизненной силе» Бертеза. Это всё существа выдуманные и непонятные. Причина жизни заключается в свойствах живой материи, как учил Бишá, и в свойствах органических элементов. Мы не можем глубже касаться этого предмета и *этот взгляд совершенно достаточен для научного объяснения всех явлений*».

Биша ничем не объясняет причину самой жизни, объявляя невозможность, при настоящих научных данных, проникнуть внутреннее значение этого факта. На этом основании он принимает, что живой материи можно приписать только два общих видимых и осязательных свойства: чувствительность и сжимаемость. Свойства эти присущи элементам живого организма, и неравное их распределение должно порождать количество и качество проявлений их жизни.

Клод Бернард сказал: «Жизненные свойства материи, которые приводит Бишá, совершенно достаточны для всех научных объяснений». Но он совершенно упустил из виду, что *Бишá* подчинил эти свойства Высшему Деятелю и Высшей Воле, которую он отказывается понять, но существование которых он находит неоспоримыми.

Биша рассматривал начало жизни, как не подчиняющееся нашему пониманию, при современном состоянии науки; он думал, что разгадка этой истины будет венцом физиологии в будущем. Эта мысль им выражена так:

«Большая ошибка физиологов заключается в том, что они начали с конца, когда сама наука была ещё в младенчестве, все вопросы вертелись около основных причин жизненных явлений. Что же из этого вышло? – Большие груды рассуждений и полное убеждение в том, что надо начать сперва изучение самих явлений, а потом уже думать о причинах, вызвавших их».

И так, когда Бишá говорит о жизненных свойствах и о жизни, он понимает это так, как будто первоначальную причину их разгадать нам нельзя, а следовательно, нам о ней заботиться не следует. Отсюда мы ясно видим, что Биша везде разбирал самые явления, никогда не касаясь вызывающей их причины.

Если мы проследим взгляды Биша на сущность человеческого существа, мы вполне убедимся, что сам Биша далек от того воззрения, которое приписывает ему Клод Бернард и его последователи. Вот как определяет он функцию жизни: «Она есть совокупность отправлений, которые противостоят смерти. Не привязываясь к словам в этом определении, спросите, что скорее всего нас поражает в строении животного или растения? Это постоянное соотношение органических отправлений, образующих живое существо.

А что это за отношение, если не система сил, назначение которых приводить в движение живой механизм? Значит, тут всё-таки главное дело – сила; устраним её от живого существа, – останется труп». Или в другом месте мы читаем: «Органические силы, – говорит Биша, – ускользают от вычисления и действуют неправильно и изменчиво, а физико-механические силы, вполне подчиняются правильным и постоянным законам. Впрысните в вены животного составные элементы крови, без того элемента, который производит её синтез и который находится в вашей власти, и вы не только не продолжите его жизнь, но убьёте его. Кровь, пробывшая несколько времени вне вены и снова впущенная в неё, причиняет большое расстройство в организме. Положите в желудок трупа питательные вещества; от соприкосновения с тканями все эти вещества начнут гнить, тогда как в живом организме они бы превратились в кровь и поддерживали его жизнь. Спросим у химиков, как действует в организме опиум, хина, чилибуха, куссо, сера, поташный йод и т.д.? Какое химическое действие никотина, синильной кислоты и всех растительных ядов, которые не оставляют никакого следа? Как действует перец во время столбняка? Отчего ипекакуана, войдя в желудок, тотчас сокращает дыхательные мускулы? и т.д. Это *действия присутствия*, говорят физики; это действие присутствия, повторяют химики и думают, что дали удовлетворительный ответ!»

Клод Бернард и доктора, которые становятся под знамя Биша, или забывают основания теории самого автора, или, зная эти основания, искажают их, подражая только во внешнем его приёме и всегда обходят молчанием причину самых явлений, следуя глубоко вкоренившемуся обычаю, не говорить ничего касательно нравственной стороны человека и отвлечённостей, чтобы не изобличить своей веры в Бога или своего безверия, или вообще своих анимистических убеждений. Такой удобный приём в науке чрезвычайно упростил отношение учёных ко всему духовному, неразрывно связанному с существом человека. Они дают предел, дальше которого науке не следует идти в своих разъяснениях и расследованиях и тем самым скрывают концы, связывающие их с загробной жизнью и с областью для нас невидимой и неосязаемой.

Все последователи научного приёма Биша очень ошибаются, думая объяснить что-нибудь, говоря: «жизненные свойства материи», ибо это означает только следствие, а не причину. Теория Биша, понятая таким образом, есть не более, как обычный атеизм в науке, ибо «жизненные свойства» пропадают вместе с жизнью, и ничего не остаётся от того, что производило мысль, разум и волю.

Скажем больше: все подобного рода толкования совершенно ненаучны, ибо они не выясняют ничего ровно и похожи на те, которые даёт Мольер в своей комедии «Мнимый больной». В ней доктор объявляет больному, что «опиум производит сон, потому что у него есть снотворные способности»! Совершенно то же выражает Клод Бернард, применяя теорию Биша, он говорит: что «сердце бьётся, ибо оно имеет сократительные мышцы». Эти оба объяснения совершенно равносильны и одинаково не серьёзны. Обыкновенно всем подобного рода объяснениям придают несколько более научную форму, при которой исчезает лишь одна забавная и комическая форма, в которую облек Мольер свой ответ, и абсурд не бьёт так в глаза, оставляя, впрочем, в сущности один и тот же смысл, одну и ту же пустоту и поверхностный характер мировоззрения на природу и сущность вещей, который покрывается известным и всегда практикующимся в материалистической части науки оборотом речи; они говорят: «потому, что опий наркотическое средство». Такой ответ, не разъясняя сам по себе ровно ничего, прекрасно маскирует всё дальнейшее незнание науки и вводит в заблуждение «самых избранных», которые, успокаиваясь на слове «наркотическое», прекращают нить своих дальнейших исследований, как будто для них всё остальное совершенно понятно.

Не должен ли серьёзный и здравомыслящий слуга науки искать причину возникновения явлений и фактов, т.е. те силы и действия, которые производят их? Для него недостаточно только любоваться красотой неба, он должен знать также, что означают все движения небесных тел; для него недостаточно знать, что одна звезда превосходит другую по своему великолепию, он должен знать, зачем и почему это так. Результатом такого упорного доискивания причин явилась современная астрономия, созданная поколениями трудов именно в этом направлении. Наша астрономия со-

здалась именно посредством тщательного наблюдения над явлениями и глубокого размышления о причинах тех фактов, которые удалось ей подметить в природе. Подобное же стремление существует и у людей, изучающих медицину; но оно почему-то всегда подавляется более, чем во всех других науках. Недостаточно знать, что *opium* производит сон, мы хотим ещё знать, почему и каким образом он это делает? Это неизбежно. Чтобы получить желанные ответы, мы должны идти дальнейшим путём, допытываться и изучать, а не отделяться одними фиктивными объяснениями и латинскими названиями, преграждающими правильный ход мысли и правильное развитие науки.

Клод Бернард имел менее других право вовлекать слушателей в заблуждения, внушая им ошибочный взгляд на природу вещей, следуя моде, принятой наукой его времени, так как научные познания раскрыли ему высший и глубочайший смысл природы, лежащий за пределами всяких человеческих познаний, ибо иначе он не сказал бы: «Если бы нужно определить жизнь одним словом, я сказал бы: жизнь есть творчество».

Человек, который путём своего научного анализа, приходит до необходимости признать всякую жизнь творчеством, должен был раньше этого признать осмысленным и логическим путём Предвечную Причину творчества или Бога Промыслителя вселенной, и эти глубокие убеждения и выводы о сокровенном смысле всей нашей жизни он не должен бы был хоронить в отдалённых тайниках своего сердца, выставляя напоказ какое-то парадное или подставное мировоззрение, с которым он только и находит приличным являться перед своими слушателями, проповедуя истины, идущие вразрез со своими внутренними и духовными убеждениями, строя уже на них всё здание своей науки.

И так, как может быть непопулярно и необщепотребительно воззрение Биша на природу, в связи с возможностью познать её человеческими силами и умственными его средствами, — однако правильным оно признано быть не может, и потому должно быть отвергнуто здравым смыслом. Система же Монтепельской школы, выработанная Бартезом и Лорда, не имела никогда серьёзных выражений и до сих пор принималась и признавалась без всяких изменений всеми докторами и медицинскими школами, которые

находили только возможным допустить присутствие души в человеке.

Бесспорно, – что большинство докторов, и в особенности у нас в России, отвергают систему Бартеза, но никому ещё не удалось оспорить или опровергнуть её. Обыкновенно, ставят ей в укор, что она будто бы устарела, так как появилась более столетия тому назад, и наука, быстрыми шагами двигаясь по пути прогресса, не может останавливаться на старых, давно забытых принципах. Но едва ли можно согласиться с этим мнением: таблица умножения, например, или логарифмы выдуманы не одно тысячелетие тому назад, однако, вследствие своей непогрешимости, не могут устареть и не могут быть покинуты человечеством до тех пор, пока будет стоять мир. Совершенно то же надо сказать и о всяком верном научном положении, и о всякой верной системе, – они должны быть вечны всегда и при всяком их применении. Правильный взгляд на Бога и на истинную природу вещей будет неизменно стоять до тех пор, пока Бог существует, и не будет подвергаться изменению, ибо Сам Бог неизменен и не имеет причины меняться, а потому и истинный и верный взгляд на природу вещей останется всегда и везде неизменным, но зато тем труднее он усваивается людьми и принимается наукой; он слишком прост, нагляден и понятен, чтобы быть общепринятым.

История человеческого развития наглядно показывает, как человек в своих исследованиях ходит иногда долго кругом и около истины, зная, но не понимая её; в какую массу самых грубых заблуждений впадает он в виду очевидностей, которые никак не удастся ему охватить и понять, и впоследствии только оказывается, что всё, что он так упорно отвергал и оспаривал, так тщательно избегал, и было то самое простое и верное решение задачи, не оставляющее ни одного пробела в знании. Система Бартеза должна быть отнесена именно к числу подобных.

Все знают, что есть душа, все её чувствуют и сознают, никто не может оспорить этого. Декарт сказал, что можно опровергнуть, что есть вещество, что есть у человека тело, но нельзя оспаривать душу, ибо именно она даёт нам то представление, которое мы составляем себе о каждом видимом и ощущаемом нами предмете;

следовательно, можно оспаривать предмет, ибо он может быть совершенно не такой, какой он нам представляется, а может и даже совсем не существовать, но нельзя оспаривать наше представление о нём, ибо мы его видим и сознаём. Все знают, что есть жизненное начало в природе, ибо без него не было бы жизни на земле, не было бы разницы между трупом и живым человеком, между зародышем пшеницы и ржи, между яйцом курицы и гуся, между яйцом живым и мёртвым, иначе не было бы роста, жизни; вся природа была бы мертва, т.е. состояла бы из одних только камней и металлов. Надо идти против очевидности, чтобы отвергать жизненное начало; однако, позитивизм не принимает его, ибо не может подчинить его своей власти в своих лабораториях, ибо оно выше его понятий и способностей.

Глава V.

Три элемента человеческого существа.

На основании вышесказанного, мы должны признать в существе человека три элемента, его составляющие, а именно:

- 1) Материальное тело.
- 2) Жизненное начало, или жизнь.
- 3) Душу, или внутренний разум, или духовное начало.

Разберём более подробно последние два элемента, так как материальное тело человека изучается совершенно удовлетворительно нашим позитивизмом.

Жизненное начало.

Ни положительные, ни материалистические науки до сих пор не признают жизненного начала, или жизненной силы за необходимый элемент в строении всякой живой материи, а между тем — что может быть естественнее, проще и понятнее? Мы видим, что семена всех растений имеют один и тот же химический состав; яйца всех птиц — имеют также одинаковое сложение и химический состав. Отчего, если мы посеём в землю семена пшеницы — вырастает непременно пшеница, а не что-либо другое? Отчего из яйца курицы выйдет непременно курица, а не утка? Причины тому, конечно, химии не доступны; на каком же основании она отвергает так упорно жизненную силу в организмах? Она признала понятие о жизненной силе отвлечённостью, явлением непонятным и необъяснимым наукой. Но разве химическое сродство не одинаково непонятно и отвлечённо? Разве позитивисты лучше себе объясняют,

что такое химическое сродство? И отчего оно именно происходит? Они говорят, что химическое сродство наглядно и неоспоримо, что они, пользуясь этим химическим сродством, могут взять два простых тела и произвести третье, на них не похожее. – Это всё так; это напоминает некоторый род творчества, как бы присущим ничтожному, но крайне самолюбивому и тщеславному человечеству, и принимается потому, что нравится ему; а жизненное начало показывает всё ничтожество человека в тщеславных знаниях его микроскопической науки по отношению всей органической природы и, наоборот, – всё величие Отвлечённого Начала, управляющего Вселенной. И на этом только основании химическое сродство принято позитивизмом, а другое такое же по своему существу явление отвергнуто. Какое логическое основание имеют они отвергать его? Наука не знает до сих пор по существу самого явления, что это за сродство и как оно действует? Она умеет поставить два простых тела в известные условия, при которых и получается та реакция, которая и производит данное тело. Совершенно то же можно сделать и при воспроизведении организма. Возьмите куриное яйцо и поставьте его в те условия, при которых выйдет из него курица. Это совершенно то же, что делает наука с химическими реакциями; но так как для химических реакций неорганического царства имеете одно определённое выражение «химическое сродство», то дайте этой силе, которая производит то же самое в органическом царстве, какое-нибудь другое название, так как эта сила проявляет себя действительно иначе, чем «химическое сродство». Что же, казалось бы, может быть проще яснее и определённое? «Нет, – говорит Бюхнер, – физиология имеет основания утверждать, что нет существенной разницы между органической природой и неорганической», – и на этом, совершенно бездоказательном положении материалисты порешили, что всё это одно и то же, всё это сродство и реакция.

Пусть материалисты говорят, что хотят, а жизнь остаётся всё-таки силой выше всяких химических процессов и материй.

Не смотря на протест свой, никто из них не объяснил, однако, разницу между яйцом курицы и утки, между зерном пшеницы и ржи, между яйцом, способным к высиживанию, и яйцом мёртвым,

между трупом человека и человеком живым. Нет, это одно упорство из принципа; позитивисты слишком хорошо знают, что признание жизненной силы поведёт к допущению источника разума и мысли, т.е. к признанию души, и заведёт их в непроходимый лес отвлечённостей и изменит весь характер позитивности в науке. Поэтому всё это запрещено и от всех подобных тем они прямо отворачиваются, отделяются одними названиями вместо понятий, или громкими фразами и насмешками; и эти бездоказательные фразы, насмешки и голословные отвержения из принципа и по привычке, имеют несравненно больший успех и прививаются охотнее и легче, чем свидетельства маститых учёных, людей истинно преданных своей науке. Приведём в защиту жизненной силы свидетельства нескольких научных и всем миром признанных авторитетов:

1) По Клод Бернару, органические тела имеют свои законы жизни и обладают исключительно им принадлежащими качествами, но, стоит только появиться жизни, тела эти уже начинают пользоваться физико-химическими силами. Жизненная сила есть, следовательно, сила организации, свойственная живым телам и, по мнению этого великого философа, законы, её характеризующие, предшествуют организму. «Если нужно было бы, – говорит Клод Бернар, – определить жизнь одним словом, я сказал бы: жизнь есть творчество». (Introduction a l'étude de la médecine expérimentale, p. 163).

2) Вирхов в своей публичной лекции, в Берлине, под заглавием: «Атом и индивидуум» сказал следующее: «Подобное и схожее с жизнью сама только жизнь... Природа двойственна; органическая совершенно отличается от неорганической. Состоящая из той же материи, из тех же атомов, органическая природа представляет нам непрерывный ряд явлений, совершенно различных от неорганической, не потому, чтобы она была мёртвою, так как мертво только то, что живо. Неорганическая природа обладает тоже своею деятельностью, своим вечным движением, но эта деятельность не жизнь, разве только в иносказательном смысле». (Revue des cours scientiliques, 1866 года).

3) Бальфур, Стеварт и Тэт, разбирая вопрос о жизненной

силе, говорят приблизительно следующее: «Всякий раз, когда человек встречается с вопросом о необходимости принять и допустить особую жизненную силу в природе и в представлении своём он доходит до первоначальной ячейки или первой появившейся органической клеточки на земле, – он встречается лицом к, липу с совершенно непреодолимыми препятствиями. Откуда взялась она? Все данные науки говорят, что жизнь может быть произведена только жизнью. Что же предшествовало этой клеточке такое, что могло бы её произвести? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны или признать творческую силу, или молчать, – так как, кроме творчества, произведённого посторонней, внешней волей, ничто не в состоянии удовлетворить требованию логики. Разница слишком велика и наглядна между всем живым и мёртвым, между органическим и неорганическим, и теперь больше чем когда-нибудь должно считаться доказанным, что нет возможности силам, развивающимся в неорганической видимой природе, произвести что-либо живое, – нужны совершенно новые силы или новая энергия» (L'univers invisible, page 308–328).

4) Американский профессор Barnard говорит в своих новейших «Успехах науки»: «Что касается процесса органического роста и развития, ассимиляции пищи, всасываний, отделений и других физиологических функций, непрерывно совершающихся в животной и растительной жизни, то можно не колеблясь принять, что действующая сила, производящая соответственные изменения, является извне, и что сами эти изменения представляют собою точные эквиваленты приложенной силы. Возьмём, например, растение. Его пищу составляет углерод, получаемый из углекислоты воды, которую извлекает оно из земли или из окружающего воздуха. Сила, разлагающая это очень прочное соединение, освобождающая углерод для его соединения с растением, доставляется при посредстве солнечных лучей. В равнозначительности обеих сил не может быть сомнения, и столь же мало нужно нам призывать па помощь некоторую специальную силу, под именем жизненной, с тем чтобы известную часть изменения приписывать и её влиянию. Но всё-таки, несомненно, здесь есть нечто большее, чем простое скопление веществ под влиянием солнца. *Если бы жизненного принципа не заключалось в растении, тогда не было бы и всего*

этого процесса. Углекислота может быть налицо, растительная ткань точно так же, и всё-таки лучи солнца будут бесплодно играть на мёртвом материале, не вызывая никакого действия.

Жизненный принцип, следовательно, есть нечто такое, что обуславливает рост растения. Я не хочу называть его силой, я считаю ложным выражение «жизненная сила», ибо ничего не совершится без присутствия ещё других сил, равно важных и необходимых; но я говорю, что, чем бы он ни был, его присутствию необходимо для совершения работы, и при его отсутствии работа останавливается. Ещё более я говорю, что силы, обуславливающие возможность роста, не только не в состоянии продолжать своё дело с прекращением жизни растения, но что никакое соединение сил, влияний или веществ, которое только в состоянии произвести человеческое уменье, никогда не воспроизведёт даже листка простейшего растения, или стебля ничтожнейшей травинки, а между тем природа с помощью жизненного принципа производит их каждое лето неисчислимое количество миллионов» (Индивидуализм. Л. Гелленбаха, стр. 295, 296).

5) Либих, величайший из химиков, говорит о жизненной силе: «Химия может только анализировать, т.е. разлагать тела на их элементы, но она не может даже узнать расположения этих элементов, между тем как в этом самом расположении, а не в элементах, вся суть дела. Те же самые три элемента: углерод, кислород и водород, и даже в одинаковом весе, образуют и молочный сахар, и щавель, и хлопчатую бумагу. Точно также стрихнин (яд чилибухи), хинин (лекарство) теин, кофеин и даже кровь одинаково дают при химическом анализе углерод, азот и элементы воды. Стало быть, причина их различия заключается только во внутреннем распорядке, а для познания этого распорядка всякий анализ тщетен. Если уже и теперь ясно, что чисто случайное совпадение никогда не могло образовать этих веществ, то подобное утверждение в отношении к происхождению высших органических существ будет совершенно бессмысленным... Все неорганические силы образуют только прямые линии и плоскости, все же органические, напротив, дают линии кривые и поверхности выпуклые. Если же мы спросим о той силе, которая эти линии закривляет, то мы должны будем принять

новую силу сверх тех трёх, которые определяют порядок элементов в неорганических телах. К силе сцепления и кристаллизации, к теплоте и к сродству химических веществ прибавляется ещё органическая – жизненная сила. Одна эта сила, наприм., покоряет и ограничивает, сообразно известным целям, вредные сами по себе действия силы сцепления в животном теле. Все отрицатели этой органической силы вовсе не знают природы, и никакой физиолог не может принять их заключения за научно доказанные. Те дилетанты, которые в своих прогулках по границам науки слышали звон, да не знают где он, думают, наприм., что, так как химик может приготовить из дерева сахар, то он должен дойти и до составления организованных соединений. Но химические соединения не суть организованные, а только сходны с ними, потому что содержат в себе те же элементы. В живом теле действуют и химические силы, но они распределяются по известной идее, и никогда не удастся химии из углерода, аммония, воды, фосфора и извести (это составные части человеческого тела) составить хотя бы одну единую органическую клеточку. Неорганические, лишённые жизни, вещества действуют всегда только неорганически». Frauenschtedt. Der Materialismus, стр. 116).

Образование органических тканей может быть выяснено по аналогии из тех же самых законов природы, которые мы видим ежедневно для предметов неорганических. По мере того, как мы углубляемся в явления природы, она сама открывает нам то, что кажется на первый взгляд недостижимым и сложным, всё сливается с теми же законами, которые нам давно известны. Постараемся выяснить это.

Химия признала некоторые тела простыми, ибо они сами не разлагаются, а вместе с тем служат для составления других тел. Через разные комбинации этих простых тел являются тела сложные: разные окиси, закиси, алкалоиды, соли и несметное количество других тел.

Для успешного исполнения каждой из этих комбинаций нужны непременно известные условия; например, определённая температура, степень влажности, иногда сырость, движение или покой, а некоторые комбинации требуют присутствия электрического тока и т.д. Если требуемые условия для данной комбинации

выполнены, она может совершиться; если их нет, или какого-нибудь условия для этого недостаёт, то она может не совершиться.

Если подобная комбинация совершилась, то новое тело, образовавшееся из двух или нескольких других тел, приобретает другие, свои особые качества, совершенно не похожие ни на одно из качеств, которые были у первоначальных веществ, составивших это новое тело. Например, из водорода и кислорода, – двух бесцветных газов, – при химической их реакции является вода, вещество твёрдое или жидкое, смотря по той температуре, в которую она поставлена.

Вода, таким образом, раз образовавшись, уже более не похожа и не имеет ничего общего ни с водородом, ни с кислородом. Говоря о воде, мы совершенно исключаем всякое понятие о составных её частях. Совершенно то же надо сказать и об обратной реакции. Мы можем воду разложить на составные её части, после чего не будет больше воды, а будут два газа, не имеющие ничего общего с водой. И так можем мы продолжать до бесконечности из газов делать воду, из воды обратно газы, без того, чтобы произошла в конце концов какая-нибудь перемена или в количестве, или в качестве этих веществ.

Соединения эти и разложения имеют место вследствие известного химического сродства, которое имеют одни тела к другим. Кислород соединяется с водородом вследствие того сродства, которое имеют частицы одного тела к частицам другого. Но если в воду положить тело, у которого химическое сродство к одной из составных частей воды больше, то оно соединится с ним и образует новое тело, другая же составная часть воды остаётся свободной. В этом случае не будет воды, а будут опять новые тела, которые на воду нисколько не похожи.

Эти законы повторяются постоянно во всех химических реакциях, а потому они могут называться основными законами природы. Сочетания производятся всегда в одних и тех же паях, всегда при соблюдении всех необходимых для того условий, – и это относится до всех 70-ти простых тел, дающих нам все существующие в мире тела и вещества, ибо тот же закон относится и к органическим веществам.

Химический анализ показывает нам, что органические вещества состоят совершенно из тех же составных частей, из которых состоят и неорганические, но органическое царство имеет несколько видов преобразований, которые не имеет неорганическое, например:

1) в соке винограда нет ни вина, ни алкоголя, – это простая смесь сахара с водой; но когда сок поспел и поставлен в известные условия, то внутри его начинается медленная работа, называемая брожением; причём часть сахара переходит в разложение и образует алкоголь. Таким образом, в соке винограда нет нисколько алкоголя, он является лишь после брожения, причём количество основных составных частей до брожения и после брожения остаётся совершенно одинаково.

В хлебе или в овощах, что мы едим, нет ни мяса, ни чего подобного тому, что должно поступить для питания нашего тела, а между прочим эти продукты поступят все в наш организм.

3) В семечке дерева нет ни древесины, ни цветов, ни коры, – была бы большая ошибка думать, что зёрнышко заключает в себе все составные части, необходимые для образования дерева, хотя бы в микроскопическом виде; в нём нет достаточного материала, чтобы сделать хотя бы один листик. Зёрнышко заключает в себе, главным образом, зародыш. Если этот зародыш поставлен в соответствующие условия, то может развиваться и произвести такие сочетания и комбинации элементов, которые заставят его прорасти. Зёрнышко черпает из земли и воздуха соки, которые сами по себе ни древесина, ни кора, но под влиянием процесса, который производится в зародыше, они превращаются в то и другое.

Итак, различные сочетания первоначальных элементов должны иметь известные условия для образования тел минеральных, растительных и животных; если их нет, – нет и самых сочетаний; способность преобразования этих элементов остаётся в сокрытом виде до тех пор, пока не явятся необходимые условия для каждого такого преобразования. Как только обстоятельства будут благоприятствовать, начнётся работа частиц, они станут двигаться, вследствие сродства к окружающему их материалу, и произойдут самые разнообразные сочетания.

Кислород, водород, азот, углерод и другие простые и сложные

элементы, сочетаясь для образования разных тел, образуют из себя органические или неорганические комбинации, смотря по тому, действовало ли на них жизненное начало или нет; в одном случае из тех же элементов образовывалось одно тело, в другом – другое. Для примера приведём следующие физиологические факты: возьмите пережёванную пищу, смешайте её со слюной и желудочным соком, подражая во всём работе желудка и ваших челюстей, при той же температуре, при тех же движениях, похожих на движения желудка, – получите ли вы тоже сварение пищи, образование из неё питательных соков и совершенно те же реакции, как если бы эта самая пища находилась в желудке под деятельным влиянием жизненного начала живого организма? Конечно, нет; все реакции будут другие. Сделайте то же с растением, попробуйте питать его через кору, или вводя в его поры искусственно приготовленный сок, совершенно тождественный по химическому составу с его действительным соком, и увидите, что оно погибнет. Для образования известных химических реакций нужно непременно присутствие жизненного начала.

Деятельность жизненного начала поддерживает жизнь организма и поддерживается сама через то действие, которое оно производит на организм. Мы будем иметь слабое понятие об этом, если вспомним, как при благоприятном дуновении ветра может разгораться потухающая уже искра, – найдя кругом себя достаточно сгораемого материала, она сперва зажжёт его и от избытка действия жары будет всё больше и больше разгораться сама.

Химия совершенно не улавливает ни одного из проявлений жизненного начала. Она при анализах своих очень удачно разлагает с одинаковым успехом все тела органические и неорганические; составлять же она может только неорганические тела, и никогда ещё не удавалось ей ни составить, ни даже восстановить жизнь, хотя бы в засохшем листке, что служит очень веским доказательством, что живые организмы имеют нечто, чего нет в безжизненной материи.

Подобного рода взгляд сделает для нас ясным, почему наука так положительно утверждает, что самопроизвольное самозарождение невозможно; ибо при всех подобного рода опытах она реши-

тельно не могла ввести в свои реакции тех сил, которые производят жизнь, следовательно, все её опыты, не имея главного, необходимого при сём, деятеля, не могли до сих пор привести к правильному решению задачи. Вот логическое объяснение научных неудач в этом отношении.

Есть ли жизненное начало совершенно такая же сила, как сила химического сродства, взаимного частичного притяжения, или электричества, магнетизма и т.д.? На этот вопрос надо ответить утвердительно и сказать, что жизненное начало есть сила, приблизительно такая же, как и все силы; хотя, говоря, что это такая же сила, как другие, мы только обобщаем, или облегчаем объяснение её, ибо в сущности это объяснение имеет слишком ничтожное значение. Разве силы похожи друг на друга, например, магнетизм и химическое сродство; они даже по природе своей не имеют ничего схожего, а жизненное начало ещё меньше походит на все прочие силы природы, – тем не менее она всё же сила.

Жизненное начало есть проявление Творчества Бога. Оно несравненно выше всех других сил. Ничто не может зародиться без Бога; Бог всюду и везде!.. Только воля Создателя вызывает в материи и во всех её видоизменениях, какие бы они ни были, органическую жизнь, поддерживает её и сохраняет; без Его Воли всё превратилось бы в бессмысленную грудку. Вот почему химики и не могут уловить главный смысл и причину жизни в своих лабораториях; вот отчего жизненное начало всегда ускользало от их опытных глаз и навсегда останется далеко за пределами всех научных познаний.

Причиной появления на земле органической жизни и было именно это самое жизненное начало, возбуждаемое Высшей Волей, составляющей единственный Источник жизни всего живого; без него нет жизни. Бог один способен призвать к жизни бессмысленную материю. Жизнь есть великая тайна природы, которая никогда не будет разгадана человеком, несмотря на то, что он, видя её ежедневно, везде и всюду кругом себя и в себе самом, до такой степени привык к ней, что считает это высокое проявление Творчества Божия за совершенно заурядный факт. Человек думает, что зерно, положенное в землю, обязано прорасти, что у родителей должны быть детёныши и что они непременно должны сохранить

породу своих родителей, и что это иначе быть не может. Да, – это так бывает, но не потому что это есть необходимость; необходимости в органической природе нет, – есть Воля Божия.

С химической точки зрения человек ничем не отличается от остальных млекопитающих, его кровь, мясо, кости имеют тождественный состав. Он так же рождается, живёт и умирает; его тело так же разлагается, как и тела всех других животных. Сходство организмов до того велико во всех отправлениях, что по организации своей человек не может быть выделен из числа других тварей, живущих на земле.

При смерти каждого существа жизненное начало прекращает своё действие на организм, и он умирает. От жизненного начала после смерти человека ничего не остаётся, это факел, который зажигается с жизнью и со смертью погасает безвозвратно.

Духовное и разумное начало.

Духовное и разумное начало и есть то самое наше «я» или наша истинная личность, которую каждый из нас чувствует и сознает в себе существующей, мыслящей, и рассуждающей. Это наше «я» есть элемент нашего существа, который по природе своей и по всем своим проявлениям чистейшая отвлечённость, не заключающая в себе ничего материального и не состоящая ни из каких элементов, составляющих нашу землю. Иначе человек не мог бы быть наследником будущей бесконечной небесной жизни в царстве беспредельного добра и милосердия, ибо в этом случае телесная смерть уносила бы какие-нибудь элементы, составляющие духовное начало и через то нарушала бы неприкосновенность естества души. Никакой зависимости между материей и духом нет и быть не может, иначе и душевные отправления прекращались бы со смертью.

Что существует в человеке духовное начало и источник нравственных и разумных отправлений его, – это факт неоспоримый, ибо очевидность его подтверждается следствиями.

Духовное начало в человеке доказывается существованием Бога; без него нет причины Богу существовать, ибо в таком случае

надо допустить, что Высший Разум, источник Добра и Милосердия, управляет такой вселенной, которая состоит из одних камней, или вообще говоря, из одной грубой и неразумной материи; это было не достойно Бога, которого мы не можем представить себе иначе, как бесконечно справедливым и бесконечно благим. Эти качества были бы совершенно лишними, если бы Он имел дело только с веществом.

Невозможно было бы понять Высшую Правду и Высшее Добро в Боге, если бы Он сотворил чувствующих и разумных существ и обрек бы их на уничтожение, после некоторого времени мучения на земле.

Если мы не предположим, что нравственная и разумная часть человека переживает его материальное тело, мы должны приписать Богу жестокость, причину которой мы опять ни в чём отыскать не в состоянии. Вот почему материализм и атеизм разбиваются друг другом: отрицая причину, они не могут допустить следствия; из этого выходит, что оба эти учения последовательны только в известных пределах и не соответствуют дальнейшему анализу природы вещей.

Идея о загробной жизни присуща человечеству, оно чувствует её всегда, как утешение в земных страданиях; это главная причина, почему во все времена материалистов было меньше, чем спиритуалистов, атеистов меньше чем людей верующих.

По наружному виду, по химическому составу и по проявлениям органической жизни люди очень мало отличаются от прочих тварей земных. Но на этом основании ещё нельзя никак основывать предположение, что и существа людей тождественны между собой, и тождественны с существами остальных тварей земных. Материя сама по себе всегда останется бездушной, неразумной, мёртвой и инертной материей; такова уже её природа и та подчинённая роль, которую она имеет во всех явлениях природы. Чтобы оживить это мёртвую материю, нужно присутствие жизненной силы, вызываемой Всесильной Волей Божией и превращающей неограниченную материю в ограниченную. Эта органическая материя хотя и жива, но она ещё бездушна; она не может проявить ни разума, ни воли, ни мысли и ни сознавать своей жизни. Образец подобных органических живых материй, мы видим в растениях и

во многих простейших животных.

Чтобы эта оживлённая материя могла проявлять разум, волю или сознание, необходимо, чтобы какое-либо самостоятельно чувствующее и сознающее разумное существо непосредственно соединилось с этой материей, так сказать вошло бы в одну неразрывную с ней связь, и тогда уже это существо (но не материя сама) может проявлять свою деятельность, свои способности и волю; материя же во всём повинуетя и беспрепятственно исполняет то, что делает это существо.

Чем более духовно и разумно развито существо, вселившееся в эту материю, тем и отправления его выше, лучше и отчётливей. Разумные и нравственные проявления в человеке нисколько ни зависят от сложения тела, но единственно от качеств и развития особи, заселяющей данное тело. Напротив, душа, заселяя тело во время своего рождения, ещё до появления тела в свет, приспособляет сама своё тело и делает его удобным для проявлений через него всех своих способностей и качеств.

Жизненное начало и духовное нисколько не связаны между собой: как отправления их, так и все функции каждого из них, не находятся ни в какой зависимости друг от друга. Тело может жить совершенно нормальной жизнью в то время, когда душа покидает его временно или, по крайней мере, ничем себя в этом теле не проявляет: такие состояния замечаются у человека во время некоторых болезней разума, памяти, воли или ежедневно во время обыкновенного сна человека, а ещё резче обнаруживаются они во время летаргии. Во всех этих случаях жизнь органическая находится в полной силе и деятельности, а все разумные и волевые отправления остаются в полном бездействии. Вот отчего всё искусство докторов разбудить особу, спящую в летаргическом сне или вылечить болезнь воли остаётся окончательно бессильным, ибо это не болезни тела, но болезни духа или души человеческой. Как может доктор вызвать своими лекарствами сознание, если сознательный субъект отсутствует из тела? Или, как может доктор вылечить болезнь воли, если такого качества нет у души человека? доктор своими лекарствами может воздействовать только на тело; но тело здорово, всё в нём исправно, и живёт нормальной жизнью, больна одна душа, или лучше сказать больна нравственно, т.е. порочна.

Душа же не может оставаться в теле, если жизненные силы погаснут и прекратят своё живительное действие. Когда тело умирает, душа принуждена оставить его. Одним словом, не потому тело умирает, что душа покидает его, но душа может покинуть тело только тогда, когда тело умрёт, когда оно становится негодно к жизни.

Глава VI.

Поиски четвёртого элемента.

Всё вышеизложенное открывает нам полнейшую вероятность и логичность мнения, что существо человека состоит из трёх элементов, одинаково необходимых для выполнения жизненных функций организма.

Не безынтересно проверить вывод этот с учениями тех народов, у которых знания и верования составляли достояния одних и тех же лиц или одной и той же касты, а именно: с учениями о душе египтян, древних евреев и современных теософов, почерпнувших своё учение из древней Индии. Кстати, кинем беглый взгляд и на учение современных спиритов.

Душа теософов-окультистов. Теософы-окультисты составляют то же существо человека из тех 4-х элементов. Они выработали свои религиозные воззрения на основании учения древней Индии и её священных книг, которые писались несколько тысячелетий подряд. Один посвящённый за другим, один иерофант за другим исследовали и переисследовали эти великие тайны природы в те долгие минуты духовного экстаза, когда их душа, соединившись с божественным духом, покидало временно их тело.

Индия с самых древних времён была колыбелью человеческой цивилизации; она была родиной всевозможных религиозных систем. Религиозные догматы древнейших человеческих религий: египетской, ассирийской, религии Зороастра – носили явные отпечатки, индийских представлений, образы которых мы также встречаем в «Ведах» и в законах «Ману». Теософы-окультисты в последнее время имеют много последователей в учёных обществах и умственных центрах Европы и Америки.

Теософы, собственно говоря, полагают, что человек состоит из семи элементов, хотя в сущности все эти семь элементов могут

быть сведены к четырем элементам; а именно:

1) Физическая или материальная оболочка, т.е. тело; оно после смерти возвращается в землю и воздух.

2) Жизненная сила или жизнь управляет физическими и химическими функциями тела. После смерти жизнь прекращается безвозвратно.

3) Астральное тело состоит из тонкой эфирной материи, которая образует, так сказать, двойник физического тела; оно проникает тело человека во всех его частицах и составляет эфирную основу его. Астральное тело существует и у животных; оно смертно и уничтожается.

Далее идут четыре элемента, которые могут быть все без всякой погрешности слиты в один элемент, так как они все могут быть названы членами, или качествами одной и той же души, т.е. бессмертного элемента человеческого тела; а именно:

4) Животная душа состоит из двух элементов:

- а) животная душа – принцип, находящийся в связи с следующим пунктом б;
- б) разум или личное сознание.

Животная душа условно смертна и уничтожается лишь для получения высших качеств.

5) Высшая душа состоит также из двух элементов:

- а) Высшего разума.
- б) Божественного начала – эманация (частица или отпрыск) Высшего существа.

Душа бессмертна, неразрушима.

Высшей душой обладают не все люди, – это есть следствие большего совершенства разумной силы. Люди с низшими качествами души, люди несовершенные, обладают животной душой и личным сознанием, которые у них, сообразно с их улучшением и усовершенствованием, переходят в высшую душу.

Египтяне, начиная с глубокой древности, считают человека состоящим из:

- 1) Частицы Высшего Мирового Духа.
- 2) Души.

- 3) Из так называемого двойника человека, и
- 4) Тела.

Все эти четыре элемента облачают друг друга. Душа активна, самостоятельна, обладает свободой воли и получает добрые внушения от духа, а злые от тела. Двойник совершенно пассивен, душа каждым своим поступком оставляет на нём известный отпечаток; таким образом нравственная физиономия двойника зависит всецело от поведения души в земной жизни. После смерти человека дух улетает и соединяется с высшей мировой силой, тело рассыпается в прах, а душа и двойник обязаны предстать на суд богов. При этом двойник играет роль или защитника, или обвинителя, смотря по тому, добрым или порочным создана его душа при жизни человека. Если приговор делается неокончательный, то душа обрекается на странствование из одного человека в другого, и если при этом она не исправляется, то ей дают вместилищем уродца, со смертью которого погибает всё, за исключением божественной частицы духа. Вообще же, двойники, создаваемые душою, бессмертны; они могут оказывать влияние на судьбу других людей.

В древнееврейском учении мы находим те же четыре элемента, составляющих человеческое существо. А именно:

- 1) Материальное тело.
- 2) Душа, которая и составляет наше «я», и Божественное начало (Нушума).
- 3) Дух жизней всех существований и всех переселений этой души; сила активная и пластическая (Раух).
- 4) Дух астральный, оболочка души, сделанная из земных элементов и служащая связью или способом скрепления души с телом (Нефеш).

Душа спиритов. Современный спиритизм составляет существо человека также из четырёх элементов, а именно:

- 1) Материальное тело.
- 2) Жизненная сила, или начало.
- 3) Духовное и разумное начало.
- 4) Эфирная полуматериальная оболочка духа (Perisprit), состоящая из элементов, составляющих землю. Она вполне материальна

и обладает инерцией, но веса не имеет. Она не занимает пространства в материальном мире, так как она настолько разжижена и эфирна, что помещается между материальными атомами. Протяжённость она имеет, но материальный мир не представляет препятствия для её свободного пребывания в покое или в движении, так как она проникает вещество так же свободно, как дым пронизывает сито.

Эта эфирная полуматериальная оболочка, по мнению спиритов, составляет резиденцию духа или души, или, лучше сказать, каждое существо духа облечено в известную оболочку, которая соответствует его духовному развитию, его качествам и особенностям его характера и склонностей. По сложению своему она более подходит к природе духа, чем обыкновенная материя; по своему составу она есть настоящая материя, но только разжиженная и эфирная, что позволяет ей в строении человеческого существа играть роль посредствующую или связывающую существо духа, которое есть чистая отвлечённость, с его материальным телом. Во время жизни человека на земле эта полуматериальная оболочка связана с материальным телом, атом за атом, что даёт духу возможность воздействовать своей волей на каждую часть тела отдельно и передавать ей все свои желания и свою волю, которые исполняются телом со всеми деталями. Все ощущения тела совершенно так же передаются той же самой оболочкой через органы чувств в центр сознания, или, лучше сказать, самому отвлечённому существу духа.

Необходимость признания четвёртого элемента.

И так, мы видим, что все вышеприведённые вероучения в общих чертах согласны между собой и составляют существо человека из четырёх элементов. Три из них в общих чертах те же, что были и нами приняты и которые более или менее приняты наукой, а четвёртый элемент совершенно новый, о котором система Бартеза и Лорда никогда не упоминала. Во всех этих учениях мы видим этот элемент одинаковым, т.е. состоящим из эфирного вещества и служащим посредствующим звеном, связующим дух с телом.

Бартез и Лорда считали душу за чистую отвлечённость, но нигде не выразили своего мнения, каким образом эта чистая отвлечённость может воздействовать на грубое материальное тело. Они никогда не задавали себе подобного вопроса. Ведь природа чистой отвлечённости не имеет ни малейшего сходства, ни подобия с природой материи; каким же образом можно представить себе эти два разнородные элементы абсолютно связанными или соединёнными в одно нераздельное существо? Этого обстоятельства Бартез и Лорда решительно не выяснили.

Доктор Сталь считал душу состоящей из тончайших частей материи, не имеющих веса; Аристотель был того же мнения; подобная материя могла бы образовать связь с нашим материальным телом, но надо заметить: во-первых, что и эти два учёные не дают нам подробного представления об этой связи, и во-вторых, мы ни в каком случае не можем приписать душе материального сложения; это уничтожило бы все преимущества системы Бартеза и Лорда и заставило бы сомневаться в бессмертии души.

Постараемся найти более подробные разъяснения касательно этого четвёртого элемента в строении человеческого тела. Для этого нам придётся отклониться от нашей главной мысли и сперва согласиться на весьма до сих пор спорном вопросе, а именно: что такое вещество?

ГЛАВА VII.

Учение физики о материи.

Неполнота знания материи.

Шеллинг рассказывает, что когда во время консульства философ Якоби был в Париже и вместе с другими лицами и сановниками представлялся первому консулу, – Наполеон быстро обратился к нему с вопросом: «Что такое вещество?» – Якоби смутился и не знал, что ответить, а Наполеон не стал долго ожидать и заговорил с другими.

Действительно, нелегко ответить на этот, по-видимому, совершенно простой и естественный вопрос, который задаёт себе не один Наполеон, но всякий человек, мало-мальски интересующийся природой.

Со времени консульства прошло без малого целое столетие; наука ушла значительно вперёд, и если философ Якоби не умел ответить Наполеону, то посмотрим, насколько мы теперь в состоянии удовлетворить его любопытству и дать короткий, определённый, а главное неоспоримый ответ.

К величайшему прискорбию, надо признаться, что и в настоящее время ещё всякий, кто бы вздумал мысленно, зная многосторонне науку, спросить себя: «что такое вещество?» – увидал бы целый хаос самых разнохарактерных мнений, господствующих в научном учении о веществе или материи, об её природе и её проявлениях.

Во-первых, он должен бы был спросить себя: – да существует ли в действительности вещество, или может быть в сущности совсем его нет? – Во-вторых, совершенно естественен вопрос: – если вещество существует, то таково ли оно, каким оно нам кажется,

каким мы его видим? Декарт весьма основательно доказывал, что человек знает только свою собственную мысль, которая может доказывать только его собственное существование, или, лучше сказать, существование его души. «Cogito ergo sum», сказал он, т.е. «я сознаю, значит я существую»; но это не может решать вопроса о существовании окружающих нас предметов. Всё окружающее человека может быть рассматриваемо как одно только представление, или как одно впечатление, производимое на наше сознание, или на нашу душу, образуемое посредством целого ряда операций и преобразований, проходя от предмета до нашего сознания через органы чувств, сосредоточиваясь в мозгу и передаваясь нашему сознанию; так что собственно самого вещества мы не знаем, его может и не существовать на самом деле, или, по крайней мере, достоверно, что если оно и существует, то оно в сущности существует совершенно не таким, каким мы его знаем.

Артур Шопенгауэр доказывал феноменальность нашей личности. Он доказывал, что между познаваемым нами предметом (миром в собственном смысле) и нашим представлением о нём стоит наш интеллект, неотделимый от организма; отсюда он выводил, что всё наше представление о мире, со включением нашего человеческого «я», есть нечто феноменальное, или есть не более, как одно представление. Он аргументировал это приблизительно следующим образом: множественность обусловлена пространством и временем и в их только мыслима; следовательно, пространство и время есть только начало нашей личной познавательности. Вне нашего представления не существует ни пространства, ни времени, — отсюда и множественность существует только в нашем представлении, за которым может стоять только общая всему и единая воля.

Цельнерь и Л. Гелленбах были приблизительно одного мнения. Приведём наглядный пример, которым Л. Гелленбах выясняет («Индивидуализм». С.-Петербург, 1884 г., стр. 275, 276) свой взгляд на познавательную природу человека: «Представим себе комнату, — говорит он, — в которой находятся предметы и движутся люди; положим, — в одной из стен этой комнаты расположено зеркало, которое на своей двумерной плоскости отражает все предметы и все изменения, могущие произойти в комнате.

Само собою разумеется, что в зеркале отразится не всё находящееся в комнате, а только то, что находится под известным углом; точно так же и на зеркальной плоскости мы не увидим ни одного предмета, случайно заслонённого каким-либо другим.

Представим теперь себе человека вне комнаты, который, однако, видит зеркало, хотя самой комнаты и не видит, например, в отверстие, сделанное в двери. Если мы предположим, что трёхмерная комната и всё, в ней находящееся, представляет собою лиц, и что зеркало, через которое мы смотрим на мир, есть организм человека, то можно бы было двумерный образ на зеркале сравнить с трёхмерным образом в нашем сознании.

Тогда все явления в четырёхмерном мире отражались бы в нашем сознании в трёхмерной форме точно так же, как явления в трёхмерной комнате отражаются в зеркале в форме двумерной.

Субъект во мне и все атомы моего тела и всего мира вовсе не суть трёхмерные образования, как обыкновенно думают об этом, а четырёх- и вообще x -мерные сущности. Для уяснения себе этого обратимся опять к вышеупомянутому сравнению. Пусть читатель обратит особенное внимание на нижеследующие параллели. Если эти листки попадутся на глаза женщине, то пусть моя прекрасная читательница не забывает той мысли, что стенное зеркало и головной мозг суть то же самое: оба отражают известные образы; первое – плоскостной образ трёхмерных тел, второй телесный образ невидимого для человека и потому умопостижимого только (четырёхмерного) мира.

Мы знаем, что в зеркале мы видим только отражение некоторой реальности, и только животное или дикарь могли бы разбить зеркало, если бы увидели в нём угрозу, или вообще что-нибудь неприятное. Мы знаем, что не из зеркала грозит нам опасность, ибо оно даёт нам только мёртвый образ. Также и относительно нашего мира хочу я поставить читателя на философско-критическую точку зрения – видеть в трёхмерном образе мира и нашей личности лишь отражение некоторого другого мира» (Индивидуализм, стр. 279).

Цельнер иногда высказывается так, что могут возникнуть недоразумения; например, когда он говорит: «наш мир есть проек-

ция четырёхмерного мира». Это должно понимать с прибавлением: для нашего сознания, или проекция в зеркале нашего сознания. Мир только один, и именно он x -мерный, но может рассматриваться в стекле о 2, 3, 4 или n -измерениях. Мы совершенно не уверены в том, что наши «возле-, за-, под-, над-, друг другом» не суть на самом деле «друг в друге», которое мы только распределяем по трём измерениям, но которое весьма хорошо могло бы быть распределено и по-другому.

Для того, кто освободился от веры в реальность ощущений, материи, пространственных отношений и своей личности, признав и уяснив себе их феноменальность, для того мир является в новом, особенном освещении. Такой человек похож на того, кто, имея перед своими глазами двумерный образ, отражённый в зеркале, знает при этом, что этот образ есть отражение трёхмерных процессов и объектов, и потому сохраняет верное понимание того, что происходит в зеркале. Он, например, не удивится, если какой-нибудь предмет исчезнет в отражённом образе, будучи заслонён другим предметом, или выступив из пределов пространства, отражённого в зеркале, и потом опять появится, потому что ведь он знает, что перед ним только двумерный образ вещей, находящихся в пространстве трёх измерений; он многое сочтёт вполне естественным, чего другой, принимающий отражение в зеркале за нечто реальное и не имеющий никакого представления о третьем измерении, не поймёт совершенно. Если бы это был современный тупой натуралист, то он может быть и совсем бы стал отрицать неудобное для него явление. Подобно тому, как мы через зеркало не можем ощутить, тепло ли в комнате или холодно, или хороший в ней воздух, так существует множество вещей и состояний сверхчувственного мира, недоступных для нашей познавательной способности». (Индивидуализм, стр. 280, 281).

Но, рядом с подобными мировоззрениями на природу познавательных способностей человека, мы видим, что все наши положительные науки смотрят на вещество, как будто они познали его самого, так, как в действительности оно есть, или, как выражается Кант: «вещество в самом себе», — и ни о каком представлении и речи быть не может в их учении. Позитивисты принимают, что вещество именно такое, какое оно им кажется, каким они его видят

и каким они его ощущают.

Обратимся к ним и спросим: Что такое вещество? Каково его строение? Что такое масса? Что такое сила? – И сейчас же мы нападём на самые разнообразные, взаимно противоречащие взгляды.

Многие учёные объявляют невозможным существование в материи таких сил, как непосредственное притяжение луны землёй на расстоянии, и считают необходимым объяснять эти явления комбинациями толчков междупланетной среды и т.п. «В настоящее время, – говорит Хвольсон, – ни один мыслящий физик не признаёт такого действия одного тела на другое. Всякий понимает, что приближение тел друг к другу должно иметь какую-нибудь внешнюю причину, которая словом „притяжение“ не объясняется». Однако, эти действия признавались и признаются такими физиками, которых никак нельзя назвать немыслящими, и не только физиками недавнего прошлого, ещё почти вчера жившими – каковы: Ампер, Коши, Френель и др., но и современными – Вильгельмом Вебером, Цёльнером, Гельмгольцем, Гирном и др.; последний называет объяснение тяготения посредством движений *non-sens absolu* (абсолютной нелепостью). По словам одного учёного выходит, что такой исследователь, как Гирн, оказывается немыслящим, а по словам последнего – первый проповедует абсолютную бессмыслицу! Но каково мнение самого Гирна? – Для всех сил, кроме разве тяготения и упругости, он допускает существование какой-то особой, подвижной, но не материальной субстанции, благодаря которой (но не её движениям) материальные атомы испытывают те или другие перемены; она-то и составляет силу электричества, света, теплоты и магнетизма. «Гирн, блестящим работам которого по теплоте справедливо отдаёт уважение весь учёный мир, – говорит Секки, – придумывает для сил какие-то особые сущности, не то духовные, не то материальные, или, лучше сказать, нечто такое, что трудно и даже невозможно себе уяснить. Нельзя не пожалеть, что столь искусный исследователь вводит в науку подобные туманности». Такое же разногласие мы встречаем в вопросе о строении материи. По одним теориям, она считается сплошной и непрерывной, по другим же – атомистичной, причём и те, и другие подразделяются ещё дальше. Так, тео-

рии сплошной материи далеко не одинаково объясняют разнообразие тел: Томсон предполагает для этой цели существование в материи неразрушимых и несливающихся между собою вихревых колец (вроде колец табачного дыма); Делингсгаузен же допускает в ней стоячие волны (вроде тех, которые возникают при колебаниях струны не как целого, а разделившейся на отдельно колеблющиеся части) и т. д. Столь же разнообразны и признаваемые ныне атомистические теории. Одни допускают протяженные атомы, которые не имеют никаких сил. Другие сверх протяжённого вещества допускают в них и силы. Третьи, напротив, отрицают в атомах протяжённость и считают их только пунктами, из которых исходят действующие на расстоянии силы. Четвёртые считают атомы постоянно однообразно изменяющимися скоплениями материи и т. д. То же самое разногласие повторяется и в понимании массы. Одни её считают каким-то присущим материи сопротивлением переменам состояний, и ставят её в связь с инерцией и даже непроницаемостью. Другие рассматривают её как показатель количества материи, понимая под словом количество объём последней. Третьи утверждают, что масса не имеет ни малейшей связи с протяжением. Четвёртые предлагают ограничиться только пониманием массы, как коэффициента, соопределяющего вместе с величиной действующей силы скорость тела и т. д.» (А. Введенский. Опыт построения теории материи, стр. V, VI).

Разбирая весь этот хаос мнений, можно вывести лишь одно заключение, что, несмотря на поражающее количество труда, потраченного на изучение и на исследование этого вопроса, его, оказывается, слишком недостаточно для того, чтобы вывести какое-либо правильное и однообразное заключение.

Мы встречаем целые горы сведений и фактов и самые разнообразные толкования их, но рядом с этим столько же, если не больше, вполне основательных возражений и опровержений, доказывающих, что вопрос этот пока ещё совершенно не охватывается научным пониманием.

Анализируя научные объяснения некоторых явлений, мы частенько заметим, что они не согласны, а в известных случаях прямо затемняют, или даже противоречат учениям других явлений, по природе своей схожих с ними; а между прочим учения эти

приняты наукой, иногда уже сотни лет тому назад, и считаются бесспорными данностями науки.

Явления, сопровождающие материю, так разнообразны, и их так много, – они обнимают большую часть всех человеческий знаний; а между прочим нет до сих пор ни одной теории, охватывающей хотя бы гипотетично всё это учение, – такой, из которой мы бы могли заимствовать правильный взгляд на природу вещества.

Все учения, в большинстве случаев, ограничиваются одними разъяснениями фактов и явлений, сгруппированных в тесных, но многочисленных, научных рубриках; собственно же говоря, учения о сущности самой материи мы совершенно не встречаем. Материя изучается единственно со стороны её проявлений.

Один из самых даровитых и учёных физиков, А. Секки, разбирая результаты всех этих трудов, сравнивает каждое тело со зданием библиотеки: «наполненной книгами разных форматов, напечатанными чрезвычайно различными шрифтами и трактующими о самых разнообразных предметах, причём буквы шрифтов составлены из бесконечной сети до того мелких точек, что самые сильные микроскопы едва лишь позволяют их различать».

«Современная наука, – говорит он, – не посягает на чтение этих книг, она до сих пор стремится лишь отличать один том от другого; тем менее она претендует на разбор слов и шрифтов и долго ещё не надеется достигнуть до разделения точек, из которых составлены эти последние». Скоро ли она дойдёт до изучения смысла, заключающегося в этих книгах?

Он вполне прав. В таких запутанных дебрях дремучего леса разных противоречивых представлений и систем разного рода очень трудно найти кратчайший путь.

В настоящее время мы находимся в совершенно таком же положении: мы хотим указать на некоторые отклонения от истинного смысла науки, но, не находя стройной, оконченной и общепринятой системы, указывающей прямо на строение материи, чтобы быть более последовательными в изложении нашей мысли, мы видим себя принуждёнными подробно остановиться на этом предмете и разобрать его так, чтобы вся наша мысль представилась читателю цельной, ясной и стройной системой.

Попробуем в кратких чертах проследить некоторые главные основания современного учения о материи.

Непризнание наукой эфира.

Сперва верили в сплошность материи, т.е. признавали, что материя состоит из мелких частиц, крепко сплочённых между собой. Но это мнение было оставлено после того, как удалось доказать скважность и проницаемость её; ибо соответствующий опыт и постепенно улучшавшиеся микроскопы стали ясно показывать, что материя не есть сплошная масса, что она имеет в себе пустые и ничем не заполненные пространства между своими плотными частицами.

Это обстоятельство позволило Ньютону объяснить все тепловые явления в телах существованием некоторого рода невесомой жидкости (флюида), заполняющей будто бы пространство между частицами материи, которую он назвал теплородом, а самую свою систему «теорией истечения».

Эта теория была заменена скоро: сперва теорией волнения эфира, потом теориями движения материи и, наконец, теорией динамической теплоты.

Эта последняя заставила взглянуть на природу и сущность материи совершенно иными глазами, ибо все тепловые и многие другие явления объяснялись просто движением тех частиц, которые составляют вещество, или общим движением самого тела; но все явления, происходящие в веществе, или, по крайней мере, большинство из них, находило себе объяснение всегда в одном, движении.

Все три последние теории должны были допустить существование эфира.

Допущение эфира, заполняющего собой всё пространство между материальными частицами тела обыкновенной весомой материи, вызывало всегда оппозицию со стороны последователей положительных наук. Они не хотели признать эфира, несмотря на всю очевидность фактов, требующих непременно для своего объяснения невесомой эфирной среды.

Чрезвычайно характерно выразил свою оппозицию Огюст Конт. Он говорит: «Это представление эфиров есть лишь осколок метафизического периода. В самом деле, что такое теплота (как бы её ни объясняли), рассматриваемая особо от нагреваемого тела? Что такое свет, независимо от светящегося предмета? Что такое электричество, взятое отдельно от наэлектризованного тела? Очевидно, всё это ничто иное, как чистые сущности, точно так же, как и мысль, если её рассматривать независимо от мыслящего существа, или пищеварение, отделённое от перевариваемого тела. Единственное отличие их от древне-схоластических сущностей то, что эти совершенно отвлечённые существа заменены мнимыми жидкостями, состав которых весьма сомнителен, ибо мы лишаем их всех свойств, могущих характеризовать какую бы то ни было материю. Действительно, мы даже не рассматриваем их, как идеальную границу разрежённого до бесконечности газа...»

Или далее: «Основной характер метафизических воззрений состоит в том, чтобы смотреть на явления, как на независимые от предметов, их проявляющих, и приписывать свойствам каждого вещества самостоятельное существование. Что толку в том, называем ли мы эти олицетворения отвлечёнными духами, или жидкостями? Происхождение их всегда одинаково; оно всегда коренится в том откапывании сокровенной сути вещей, которое во всех расах служит признаком младенчества человеческого ума, и которое породило представление богов; боги эти были впоследствии обращены в духов и сущности и, наконец, в мнимые жидкости...»

Как ни протестовали положительные науки против невесомых материй, – необходимость допущения их в среду науки была очевидна, ибо без них многие явления оставались бы совершенно загадочными и необъяснимыми.

Однако, защитники положительных наук настаивали, они пробовали объяснить междупланетный эфир обыкновенной весомой материей в состоянии наивысшего её разрежения, а Грове создал целый научный синтез, основанный на движении материальных весомых частиц в телах. Он отверг не только роль эфира, как посредника в передаче теплоты и движения, но окончательно не допускает существования никаких невесомых жидкостей; все же теп-

ловые явления объясняет движением обыкновенной весомой материи.

Эта теория встретила очень многих противников и не была принята наукой, ибо оставляет много пробелов, по невозможности ею объяснить многие явления природы.

Эйлер также думал доказать, что свет может распространяться в телах через посредство самой весомой материи. Но Ламе аналитическим путём доказал всю невозможность подобной гипотезы.

Вообще, все попытки изгнать эфир из науки окончательно устранены, и в настоящее время почти все учёные на стороне эфира.

Эфир стал до того общепринят, что строгий приверженец положительных наук Льюис с некоторой горечью восклицает, что «люди науки, особенно в Англии, почтут вас за еретика, если вы осмелитесь предполагать, что свет, теплоту, электричество можно выделить из их таинственных жидкостей». И он вполне прав. Эфир должен быть принят наукой, – и действительно принят большинством.

Ещё в 1863 году Ламе сказал: «Существование эфирной жидкости неопровержимо доказывается распространением света в междупланетных пространствах и простотой объяснения дифракции по теории волнообразного движения. Мы видели также, что законы двойного преломления доказывают с не меньшей ясностью присутствие эфира во всех прозрачных средах. Таким образом природа состоит не из одной только весомой материи, но частицы этой последней как бы плавают в известного рода жидкой среде. Если эта жидкость не есть единственная причина всех наблюдаемых нами явлений, то она должна, по крайней мере, видоизменять их, более или менее способствовать их возникновению и известным образом усложнять их законы. Можно положительно сказать, что никакое, сколько-нибудь рациональное и полное, объяснение явлений физической природы невозможно без принятия в расчёт этого повсеместно распространённого агента, и потому нельзя сомневаться, что с дальнейшим исследованием его свойств будет найдена истинная причина действий, приписываемая в настоящее время теплоте, электричеству, магнетизму, всемирному тяготению».

нию, сцеплению и химическому сродству, так как все эти таинственные и малопонятные сущности есть не что иное, как гипотезы, без сомнения полезные только при настоящем неведении нынешних исследователей о первичных причинах наблюдаемых ими явлений; но успехи реальной науки должны в конце концов развенчать этих непризванных узурпаторов положительного знания и свергнуть их с тронов, на которых они восседали с такой гордостью и так долго, лишь вследствие окружающего их мрака».

С 1863 года существование эфира делалось всё более и более доказанным и в настоящее время он должен считаться окончательно принятым наукой, хотя в сущности и теперь ещё он имеет огромное число противников.

Вот что говорят об эфире и о необходимости его признания три знаменитых английских профессора: Бальфур, Стевар и Тэт (*L'univers invisible*, 83 г., стр. 201–203): «Что бы ни говорили, но в настоящее время не может быть никакого сомнения, что значение эфира в таинственном составе вселенной несравненно могущественнее, чем всякой весомой материи. А так как первосвященники или самые главные заправилы положительных наук находят изучение его превышающим силу их способностей, за исключением отдельных, хотя и многочисленных случаев его слишком наглядного проявления, то мы не будем распространяться или останавливаться на самой теории его (ибо все затруднения не касаются сущности учения, но лишь принципа признания его). В данном случае нам достаточно знать, что всё, что выполняет эфир – несомненно, так существенно и всеобъемлюще, что надо признать его значение гораздо более распространенным, чем об этом до сих пор думали.

«Если читатель проследит весь ход нашей предшествующей мысли в этой главе, – он должен признать, что в настоящее время научный ум от видимого и весомого логичным путём естественно приводится к невидимому и невесомому».

На этом основании мы считаем более правильным в дальнейших наших рассуждениях держаться эфирных систем, не боясь быть обвинёнными в произвольных и ни на чём не основанных навязываниях науке таких понятий, которые идут вразрез с современным положением её.

Строение материи.

Решивши в принципе придерживаться эфирных систем, как более правильных и определённых, и желая выяснить себе внутреннее строение материи, мы смело можем придерживаться того описания её, которое даёт А. Секки в своей, во всех отношениях достойной внимания, книге «Единство физических сил» (стр. 359, 360). Оно следующее:

1) «Материя повсеместно находится в непрерывном движении, которое проявляется в форме теплоты. Эта постоянная деятельность и стремление к рассеянию исходят из движения, составляющего в материальных частицах то, что подразумевается под отталкивательной или разъединяющей силой, напряжение которой возрастает вместе со степенью разъединения частиц и уменьшением размеров массы тел».

2) «Кроме осязаемой и ощущаемой материи, внутри тела в свободном пространстве между частицами заполнены тончайшим веществом, непосредственно ускользающим от наших чувств, но существование которого делается для нас несомненным из действий, оказываемых им на весомую материю. Это вещество проявляется перед нами, так сказать, специально в форме движений, называемых радиацией или излучением (лучеиспусканием). Его материальность и инерция доказываются обменом работы, часто происходящей между ним и весомой материей».

3) «Внутри весомых тел проявляется ещё другой род движения, а именно движение крайне тонкой материи, которая то течёт, как жидкость, то накапливается в напряжённом состоянии на их поверхности, или, говоря точнее, концентрируется в напряжение там, где существует перерыв проводящей способности между двумя веществами, напряжение, возрастающее иногда до колебания и разрушения частиц. Эта материя неощутима, несжимаема и сопутствует веществу при всяком составе тел, откуда следует, что она есть не что иное, как эфир».

Это определение было выведено им после подробного разбора

явлений теплоты, света и электричества. Разбирая материю со стороны её проявлений, нельзя дать лучшего, более точного и определённого описания, оно соответствует тому пониманию, которое следовало бы иметь при изучении всех тех явлений, которые всюду сопровождают материю. Посмотрим, насколько это описание соответствует представлению, которое составили себе приверженцы положительных знаний.

Во-первых, они совершенно не признают таких материй, которые не подчинены тяготению и не имеют веса, а между прочим сами по себе совершенно материальны и обладают инерцией.

Во-вторых, они держатся того, что взаимное притяжение частиц между собой, вес тела и сила тяготения – суть неотъемлемые свойства и качества всякой материальной частицы, находящейся во вселенной, и никакого исключения не допускают; они говорят, – если эфир существует в междупланетном пространстве, то он должен быть причислен к числу весомых материй, как бы он ни был размельчён или разжижен.

В-третьих, они никакого эфира между материальными частицами тел не признают, а всё взаимное отношение и их воздействие друг на друга объясняют свойствами, которыми обладают эти материальные частицы.

Эти, по-видимому, небольшие допущения совершенно меняют весь взгляд на строение материи, и они, может быть, упрощают его, но вместе с тем препятствуют более глубокому изучению её. И в самом деле, какой простор оставляется мысли и возможности дальнейшего изучения природы и сущности материи, если нам с молодых лет внушают, что свойство материи есть притягиваться к материи, и где бы только ни скопилась материя, она, по врождённому своему свойству, должна притягивать всякую другую материю, скопившуюся в меньшем количестве. Нам смолodu внушают, что это закон природы, что это аксиома, в которой никто не сомневается, что иначе думать – преступление. Возьмите любой учебник физики, и вы встретите приблизительно следующее: «причина, заставляющая все тела падать на землю, называется силой тяжести. Стремление это тел падать на землю ясно показывает, что между землёй и окружающими её телами действуют силы, которые должны называться притягательными».

Затем никаких разъяснений относительно того, – что такое сила, что её возбуждает, отчего именно она действует так, а не иначе? Да и какие же нужны объяснения, если это аксиома и вполне доказанный закон природы, заключающийся в свойствах самой материи? И это, впрочем, не в одних учебниках; мы встречаем у Гирна в его сочинении (*L'avenir du Dynamisme*, 1886, p. 5) следующее мнение: «Ньютон сказал очень благоразумно, что всё происходит так, как будто бы тела притягивались. Со времени опыта Кавендиша подобная осторожность была бы бессмыслицей. Притяжение вошло в область приобретённых ясных и простых фактов. Я не думаю, чтобы теперь нашёлся хотя один астроном, который бы приписывал слову притяжение условный смысл и тем самым смешивал действительный факт с гипотезой».

Комментатор Ньютона, Котес, (*Principes de Newton*: 1713, p. XXIX), утверждает прямо в своём предисловии, что Ньютон полагал тяжесть свойством, присущим материи, точно так же как протяжённость и подвижность.

На это мы должны возразить:

1) что Ньютон не смотрел на притягательную силу, проявляющуюся как в частичном протяжении каждого тела, так при тяготении его, как на свойство, присущее веществу. Это вполне доказывается теми оговорками, которые он нашёл нужным сделать, передавая в своей «*Principia*» закон всемирного тяготения и условия движения планет; а именно, он говорит: «Я объяснял небесные и морские явления силой тяготения. Эта сила порождается какой-то причиной, которая проникает до самого центра солнца и планет, ничего не утрачивает в своей активности; она находится в зависимости от количества вещества, и действие её распространяется во все стороны на громадные расстояния, уменьшаясь постоянно обратно пропорционально квадратам расстояний. Мне ещё не удалось вывести из явлений причину этих свойств тяготения, а я гипотез не изобретаю... Достаточно того, что тяготение существует, что оно действует по законам, которые были нами изложены и что оно объясняет все небесные и морские движения. Словом, тяготением я выражаю то стремление, которое имеют тела сближаясь, от чего бы ни зависело это стремление: от действия ли самих тел, ищущих друг друга, или влияющих друг на друга истечениями,

или же от действия эфира, воздуха или какой-нибудь другой среды, – вещественной или невещественной, – которая бы как-нибудь толкала друг к другу те тела, которые в ней плавают».

Совершенно в том же духе высказывается Ньютон в своём третьем письме к Бентлею: «Непостижимо, каким образом неодушевлённая, грубая материя могла бы влиять на другое тело без посредства чего-либо и без непосредственного прикосновения, как это должно было бы быть, если допустить подобно Эпикуру, что тяжесть присуща материи. Эта одна из причин, по которой я бы вас просил не приписывать мне доктрины тяготения, как свойства присущего материи, и что оно может действовать на расстоянии без посредства чего-либо, что бы могло передать влияние силы одного тела на другое, представляется, по моему мнению, такой большой нелепостью, допустить которую не может ни один человек, способный рассуждать о философских вопросах. Тяготение должно быть следствием действия какого-либо посредника, который постоянно согласуется с точными законами, но материален ли этот посредник или нематериален, – это вопрос, которого решение я предоставляю читателю».

Итак, сам Ньютон никак не выяснил себе сущности тяготения, а следовательно, те учёные, которые, ссылаясь на него, учат, что тяготение есть какое-то свойство, присущее всем телам, делают крупную и непростительную ошибку, тем более, что воззрения Ньютона на этот предмет были совершенно определённые и вместе с тем диаметрально противоположны, что мы можем наглядно видеть из того, как он заканчивает своё превосходное сочинение «О математических началах естествознания»: «Все правильные движения, – сказал он, – (в солнечной системе) происходят не от механических причин. Этот прекраснейший союз солнца, планет и комет мог произойти от назначения и власти существа Разумного и Всемогущего ... Всем этим управляет не душа мира, а Господь всяческих, Вседержитель вечный, бесконечный, всесовершенный, всеведущий, всемогущий, вездесущий ... Мы знаем Его только по Его свойствам, только по премудрому и всеблагому устройству всех вещей и по причинам конечным, и чтим Его, зная Его владычество; ибо без владычества, без промысла и без причин конечных Бог был бы не более, как судьба, или природа».

Незнание начальной причины не помешало Ньютону открыть геометрический закон движения тел; принимая ускорение за факт, нетрудно было дать себе отчёт во всех подробностях звёздной механики и притом с такой точностью результатов, которая не могла быть поколеблена самыми тщательными астрономическими наблюдениями. Кроме того, Ньютон своей системой объяснил массу явлений, например: приливов и отливов, притяжение падающих тел, фигуру земли, притяжение, оказываемое массами гор и т.д., не прибегая к тем магнитам, помощью которых те же явления объяснялись до него Жильбером и Кеплером. Она значительно продвинула знания того века; но отождествление планетной силы с земным тяготением нисколько не пролило света на вопрос о происхождении её и ничего не прибавило к доказанным уже законам её действия.

2) Лейбниц открыто протестовал против всяких врождённых свойств, присущих материи, и утверждал, что материя не может иметь никаких первоначальных качеств, которые не вытекают бы из её сущности, потому что подобные *qualitatis occultaе* были бы чудо. (*Opera philos.* изд. Эрдмана, стр. 485, 568, 732 и 777).

Против подобных *qualitatum occultarum* восставали Дю-Буа-Реймонд и Секки и очень многие другие.

И действительно, в положении, что сила есть свойство материи нельзя не усмотреть множества несообразностей. Говоря вообще, в обширном смысле, силы действительно не могут быть отделены от материи, ибо, в таком случае, материя перестанет быть материей – это понятно; но, с другой стороны, не трудно также видеть, что в этом положении смешиваются два совершенно отдельные понятия, имеющие разную природу, вследствие чего было бы правильнее отделять их друга от друга и не смешивать вместе; а именно: материю с силой. Мы видим то же в силе химического сродства; мы не можем из воды выделить кислород без того, чтобы она не перестала быть водой, но мы это всё-таки делаем и убеждаемся в следствиях. Мы не можем себе представить точку во вселенной, где бы силы не действовали на неё, – это совершенно справедливо; но заключить из этого, что сила есть свойство материи тоже нельзя, ибо всё-таки можно себе представить силу, переставшую действовать и в таком случае является невольный вопрос: во

что превратится материя?

Это совершенно естественный вопрос, который может подлежать исследованию; равно должен подлежать исследованию вопрос: почему считают силу свойством материи, а не материю продуктом силы или движения? Это опять совершенно разные понятия, требующие анализа, разъяснений и соответствующих доказательств.

На эти вопросы мы не находим ответов в положительных науках и никакого ясного представления по ним мы себе сделать не можем.

Попробуем глубже вникнуть в эти положения:

1) Предположим, что сила есть свойство материи и что в природе эфира нет, мы простым и логическим рассуждением должны прийти прямо до абсурдов; а именно: если мы себе представим, что частицы материи обладают некоторым деятельным началом, сосредоточенным внутри их, то должны допустить, что частицы действуют друг на друга без всякого посредства через абсолютную пустоту. Такая роль силы совершенно непонятна, она заставляет допустить, что тела оказывают влияние друг на друга через расстояние, т.е. что силы действуют там, где их нет – гипотеза в высшей степени невероятная в обоих случаях, имеем ли мы дело с громадными междупланетными расстояниями, или тогда, когда мы обратимся к атомам каждого тела.

Мы невольно себя спрашиваем: как действует земля на солнце через пустоту? Надо же предположить, что сила выходит из тела или действует на расстоянии, – или мы должны предполагать, что силы распространяются наподобие токов? – и опять мы приходим к абсурдам. Если частицы не могут сами соприкасаться между собой для передачи своих сил, – они должны иметь посредника при этой передаче, каковым опять должен явиться эфир, без него же мы никакого воздействия одной частицы на другую допустить не в состоянии.

2) Мы встречаем громадное затруднение при разборе сил со стороны стремления их, т.е. направления их воздействий на соседние частицы. Прилагая это «стремление» к частичному притяжению, мы видим, что оно должно быть направлено то в ту, то в дру-

гую сторону, т.е. силы являются то притягательными, то отталкивательными; это изменение стремления делается непонятным и требует опять массу новых доказательств и, во всяком случае, как аксиома принято быть не может.

Современная физика окончательно избавилась от представления материи, обладающей отталкивательными силами, – этой старой гипотезы, не дававшей ответа даже на такие основные вопросы, как, напр., вопрос о тех границах, за которыми эти таинственные агенты прекращают своё действие и уступают поле битвы своим противникам – притягательным силам.

3) Вся система взаимного притяжения частиц между собой основана на совершенно бездоказательном положении, принимающем, что если мы две материальные частицы поместим в пустое пространство, то они, в силу своей притягательной способности, должны оказать взаимное воздействие и стремиться друг к другу по известным законам. Такое положение не может в свою защиту привести ни одного факта, во-первых, потому что мы не можем наблюдать действие только двух частиц, а тем менее в абсолютной пустоте. Во-вторых, мы всегда имеем дело с массами частиц или телами, находящимися или в одной, или в другой среде. «И поэтому, – говорит А. Секки, – полагаем, что основное начало притяжения материи не может опираться ни на какое опытное данное. Произошло же оно на свет, по всей вероятности, таким образом: видя, что все небесные тела притягиваются друг к другу и имеют шарообразную форму, теоретики, с помощью математической фикции, представили себе всю их массу сосредоточенной в их центре, т.е., говоря иначе, свели их мысленно к простым атомам, или частицам. Но эти движения происходят не в абсолютно пустом пространстве, и потому можно ещё спросить, не порождаются ли они скорее действием внешнего побуждения, чем теми внутренними силами, которыми теоретики в таком изобилии, совершенно гадательно, наделили частицы материи. Старинные физики, и даже сам Ньютон, оставили этот вопрос открытым. Математики здесь не могут ничего решить, и если им известно, что два тела притягиваются между собой со скоростью, находящейся в известной зависимости от отделяющих их друг от друга расстояний, то

это положение не более как эмпирический закон, нисколько не поясняющий причины явления и не указывающий, вызывается ли это притяжение внешним побуждением или внутренним. Повторяем ещё раз, что взаимное притяжение двух частиц, находящихся в пустом пространстве, есть не что иное, как чисто математическая фикция».

Скажем более. Основываясь на фактах, следует полагать, что две уединённые материальные частицы, в совершенную противоположность основному закону тяготения, должны скорее отталкиваться, чем притягиваться. Не видим ли мы, в самом деле, что расширятельная сила увеличивается вместе с разрежением материи и что напряжение её достигает своего максимума там, где эта материя наиболее разделена, как это бывает, например, при прохождении её через скважные вещества?

Пока наука признавала существование только осязаемой материи, было ещё позволительно представлять себе междупланетные пространства абсолютной пустотой: но теперь, когда доказана возможность существования не только среды, неуловимой для наших чувств, но и проявления с её стороны могущественных действий, мы имеем полное право считать доказанным, что притяжение, производимое одним телом на другое, никогда не замечается между двумя изолированными атомами, а постоянно только между системами атомов и притом внутри материальной среды. Все эти явления в действительности много сложнее и гораздо более непонятны, чем рисуют их люди, знакомые с этим предметом поверхностно. Дю-Буа Реймонд говорит следующее:

«Сила (насколько она мыслится как причина движения) есть не что иное, как замаскированное порождение непреодолимой склонности к олицетворению, которая нам врождена, как бы риторическая уловка нашего мозга, который хватается за иносказательный оборот, потому что ему недостаёт ясного представления для прямого выражения. В понятиях о силе и веществе мы видим возвращение того же дуализма. Это, в утончённом виде, та же потребность, которая некогда заставила людей населить рощи и источники, скалы, воздух и море созданиями своего воображения. Что мы выигрываем, когда говорим, что вследствие взаимной силы

притяжения сближаются между собою две вещественные частички? – Ни тени вникания в сущность процесса. Но довольно странно, для присущего нам стремления к причинам есть некоторого рода удовлетворение в произвольно являющемся перед нашим внутренним оком образе: руки, которая слегка подталкивает косную материю, или невидимых рук полипа, которыми частички вещества обхватывают одна другую, стараются притянуть к себе друг друга, наконец, сплетаются в один узел». (Unt. u. thier. Elect. Berlin. 1848). (Ланге, т. II, стр. 185).

4) Нельзя не указать ещё на несообразность в учении о материи; многие учёные, даже в настоящее время, принимают, что вещество одновременно инертно и притягивается по каким-то законам. Логичнее было держаться одного какого-нибудь положения, ибо оба одновременно существовать не могут: если частицы сближаются в силу свойств своих, то можно ли говорить, что они инертны? В таком случае они активны, и всё здание механики, воздвигнутое на идее инерции, рушится.

К величайшему сожалению, с самых времён Ньютона до настоящего времени, т.е. в продолжение более полутора столетия, физики нисколько не подвинули и не разъяснили этого вопроса. Они систематически уклонялись от всяких попыток к тому. Не видя никакой безусловной необходимости в определении причины тяготения, они не только не пытались проникнуть в эту область, но смотрели на всякое углубление в неё, как на опасный риск для своей научной репутации. Что касается астрономов, то они, относя тяготение к свойствам материи, совсем перестали заниматься им.

Только в последнее время, если никто из исследователей и не дал нам строго формулированного решения, то никто уже более не сомневается в возможности объяснить все явления тяготения, сродства и притяжения посредством механического действия среды и свести все силы к одному общему началу.

Постараемся в очень кратких чертах привести здесь современное учение о материи. Мы спросим себя:

Каковы свойства вещества?

1) Непроницаемость, – в сущности это только определение самого вещества, потому что кусок вещества и есть именно то, что занимает известную часть пространства, исключая своим присутствием всё прочее.

2) Инерция – главный вывод человеческого опыта, главная основа механики: вещество начинает двигаться только тогда, когда оно подвергается предварительному толчку, удару, а утрачивает своё движение тогда, когда сообщает его другому веществу. Для движения, как и для вещества, возможны только превращения.

Что такое сила? – Причина движения. Слово сила решительно непонятно, кто возьмётся нам объяснить силу независимо от предмета, производящего её; но, главное, оно не имеет цели – к чему нам понятие о силе? Причиной движения бывает всегда другое движение. Поэтому, постараемся совсем обойтись без понятия о силе, или скорее, (так как для того, чтобы понимали нас, необходимо употреблять всё-таки всем понятные слова) мы под словом сила будем разуметь всегда то, вследствие чего одно движение даёт начало другому.

Что такое свет, теплота, электричество и магнетизм? – Самый определённый ответ будет следующий: теплота – один род движения, свет – другой, об электричестве и магнетизме вероятно можно будет в скором времени сказать то же самое. Нет, поэтому, ничего удивительного в том, что одно из этих движений порождает или преобразовывается в другое, т.е. что теплота может породить электричество, а электричество – свет.

Если перейдём затем к другому ряду фактов и обратим внимание на другую группу сил – на сцепление, которым держатся тела в твёрдом или жидком состоянии, на химическое сродство, которое сближает разнородные частицы и, наконец, на тяжесть, в силу которой тела стремятся двигаться по направлению друг друга, то увидим, что современная теория и здесь если не наглядно показывает, то по крайней мере, хотя смутно, но даёт нам понять, что действие и этих сил природы может быть сведено к «сообщению движения». Вот, например, кусок свинца, частицы которого так скреплены, что образуют кусок твёрдого вещества. Я знаю, что, если

подвергну свинец нагреванию, т.е. сообщу его частицам известное движение, то этим разрушу сцепление, которое делает свинец твёрдым телом, и приведу частицы его к тому другому сцеплению, при котором свинец будет жидкостью; если же я ещё буду нагревать, т.е. если ещё увеличу количество того движения, которое сообщую, то разрушу и этот род сцепления и превращу металл в пары. Эти факты достаточно ясно доказывают, что сцепление есть какое-то относительное движение этих частиц. Очевидно, что то, что разрушает движение, есть самое движение. Сцепление, как сказано выше, происходит иногда от какого-нибудь относительного движения частиц. Действительно, оно иногда наглядно для нас является результатом одного только движения, сообщённого смежным частицам в одном и том же направлении, с одними и теми же скоростями. Когда, например, струя жидкости вытекает из узкого отверстия под сильным давлением, то она принимает вид твёрдого тела, и не видим ли мы в этом своего рода сцепления, которое зависит от того, что частицы струи двигаются с одинаковой скоростью? Или, иногда, поднимаются вихри из воды, воздуха или пыли и следуют совершенно спокойно, не изменяя своей формы, целые десятки вёрст, что зависит от одинаковой угловой скорости перемещения частиц. Конечно, пусть читатель на эти оба примера смотрит пока лишь, как на некоторое обособление явления сцепления. Мы пока вовсе не желаем объяснять сущности самого явления. Всё, что мы хотим сделать, это – показать, на какую точку зрения становится современная физика; мы не приводим каких-либо определённых объяснений, а желаем только показать, какого рода эти объяснения.

Что такое эфир? – Возьмём какой-нибудь простой газ, например, кислород, – мы представляем его себе как совокупность элементарных частиц, одаренных движением, сталкивающихся между собой и этим производящих расширительную силу, присущую всякому газу, и то давление, которое газ оказывает на сосуд, в котором он заключён. В таком точно виде мы будем представлять себе и эфир, предполагая только, что кислород состоит из материальных частичек, а эфир должен состоять из атомов, которые не подлежат раздроблению. Если нам возразят, что нельзя пред-

ставить себе неделимых атомов, мы ответим, что для нас достаточно считать, что они относятся к внешним влияниям, как неделимые, так как мы вовсе не имеем претензии говорить о бесконечно больших и бесконечно малых величинах. Атомы способны иметь движения, которые они могут сообщать друг другу и окружающим предметам.

Вещественны ли атомы эфира? – Конечно, да. Есть два главных свойства, нераздельных с понятием вещества: непроницаемость и инерция. Атомы эфира непроницаемы по самому определению их. Они также инертны: движения, в которых они находятся, суть движения, сообщаемые им извне, и утрачивают они эти движения, не иначе как сообщая их другим предметам. Следовательно, эфир ни в чём не разнится по существу от обыкновенного вещества.

Имеет ли эфир вес? – Нет, веса он не имеет, ибо он сам есть причина веса. Это делается ясно после того, как будет изложена одна из многочисленных современных гипотез о причинах тяготения.

Упруг ли атом эфира? – Нет, понятие об атоме несовместно с понятием об упругости. Упругой может быть сложная частица. Понятие об упругости сопряжено с понятием о пустоте или скважности. Все упругие тела имеют губчатое сложение, – атом непроницаем и неделим, и в нём не может быть пустоты. Исследования Пуансона о телах, находящихся во вращательном движении, объясняют, каким образом атомы эфира могут отскакивать друг от друга, не будучи вовсе упругими. Для этого надо допустить только, что атомы эфира имеют, кроме поступательного, ещё и вращательное движение.

Мы не имеем возможности излагать здесь всего хода рассуждений Пуансона; мы только укажем здесь на то, что автор строго математически доказал следующие положения:

1) Что два движущихся на встречу друг другу неупругих тела, при их столкновении в направлении, не совпадающем с линией их центров тяжести, после столкновения начинают вращаться, и

2) что вращающиеся тела, хотя бы они были совершенно неупруги, имеют способность отталкиваться друг от друга так, как будто бы они были упруги.

На основании этого вывода Пуансона мы приходим к чрезвычайно замечательным заключениям. Действительно, в момент сообщения нашему веществу движения все атомы, его составляющие, начали двигаться по прямым линиям в различных направлениях; при этом движении необходимо должны были происходить между ними столкновения. Самый общий случай этого столкновения должен был происходить не по направлению линии центров, а при таком косом ударе атомы должны были начать вращаться, и приобретённое таким образом вращение дало им возможность при последующих столкновениях отталкиваться один от другого, как будто бы они были упруги. Таким образом, сообщение нашей среде движения делает её упругой, подобной тому состоянию тел, которое мы называем газообразным. Вот первое свойство, которое может быть выведено из движения нашей материи. Как мы видим, нет ни малейшей надобности приписывать материи врождённое, присущее ей свойство упругости. Свойство это получается для атомов совершенно твёрдых на основании законов механики, не прибегая ни к каким добавочным допущениям.

Дополним некоторыми подробностями то представление, которое надо себе сделать о материи. Мы сказали, что эфир распространён в междупланетном пространстве и что он проникает также в глубочайшие недра тел и облекает мельчайшие их частицы. Нет, таким образом, ни одного явления, в котором бы он не принимал участия, если не главного, то второстепенного. Поэтому, если бы можно было познать массу и скорость эфирных атомов, массу и скорость весовых частиц, то мы в некотором роде захватили бы ключ от физических явлений. Во всяком случае, тот, кому удалось бы найти известную связь между этими величинами, кому удалось бы, так сказать, постигнуть отношение, существующее между ними, положил бы начало многочисленным открытиям.

К сожалению, ничего подобного до сих пор нет. По результатам мы знаем, что существует некое взаимодействие между эфиром и обыкновенным веществом, видим, что горящее тело производит свет, видим, что свет этот превращается в химическое действие, — но ни в одном ещё случае не удалось свести явление к механическим его элементам и посмотреть на самом деле обмен движения.

Каково расстояние между частицами тела? – Относительно расстояния между атомами и между частицами материи существуют только совершенно приблизительные догадки. Обычно предполагается, что пустоты между весовыми частицами огромны, сравнительно с величинами самих частиц. Томас Юнг прямо утверждает, что частицы воды находятся друг от друга на таком расстоянии, как 100 человек, которые были бы распределены равномерно по поверхности Англии, т.е. почти на 60 вёрст расстояния друг от друга. Кристаллографы, конечно, не согласятся на такое расстояние для объяснения строения их кристаллических тел. Что касается эфира, то Коши вывел очень остроумными вычислениями, что расстояние между его атомами должно быть вроде $\frac{2}{100}$ -х длины красной волны; если же это верно, то на протяжении одного миллиметра уместилось бы их около 300 000 штук. Буше-Порн считает себя вправе утверждать, что эфирные атомы так тесно скучены, что сумма пустот равняется $\frac{1}{20}$ заполненного пространства.

И.О. Янковский (Строение материи) протестует против таких обширных расстояний, будто бы существующих в природе между частицами тел. Он находит, что столь свободно размещённые частицы материи не могли бы удовлетворять не только условиям непроницаемости и несжимаемости, но и условиям непрозрачности материи. Он размещает свои частички материи, в предлагаемой им системе строения материи, весьма близко одна от другой и говорит, что если допустить, что сила тяготения есть эффект, производимый постоянно движущимся к центру земли током эфира, то плотность и тяжесть тел объясняется совершенно легко и просто. В этом случае тяжесть зависит не от массы тела, а от суммы поверхностей всех частиц тела, омываемых этим током. При этих условиях в одном и том же объёме может заключаться одна и та же масса вещества, но если она будет состоять из крупных частиц, то сумма их поверхностей будет незначительна, следовательно – и вес мал, то же самое количество вещества, наполняющее тот же объём, но только в виде частиц более мелких даёт бóльшую поверхность и стало быть, и бóльший вес тела. Эта последняя теория бесспорно ближе всех остальных к истине, в чём надо отдать ей

полную справедливость. Однако, и она требует ещё многих выяснений.

Вообще, все эти сведения не могут считаться вполне верными, но надо сказать, что в этом отношении ничего более серьёзного пока ещё не найдено; однако, мы всё-таки можем вывести заключение, что пространство между материальными частицами тела существует и что оно довольно значительно.

Что такое частицы материального тела, которые мы называем простыми, например, частицы кислорода, водорода, углерода? – Неделимые они единицы, настоящие атомы или агрегаты?

Наука в настоящее время стала уже называть их агрегатами. После эпохи первых открытий, положивших основание новейшей химии, когда анализ вынужден был остановиться перед веществами, которые мы не могли никак разложить, – Берцелиус принял, что эти вещества различны по своим качествам. По этой теории золото, углерод, платина – тела совершенно разнородные, самые атомы которых имеют особые специальные свойства. Между тем понятие об эквивалентах, которое было введено в химию с самого начала нынешнего столетия, естественно, наводило умы на совершенно противоположное заключение. Оказалось, что простые тела соединяются и замещаются в соединениях согласно определённым пропорциям, а это, естественно, наводило на мысль, что эквивалентные количества различных тел не что иное, как разнообразные агрегаты атомов какого-нибудь вещества.

Как известно, ещё в 1804 году Дальтон открыл так называемый закон кратных отношений, который как бы воскресил и подтвердил старинное атомистическое учение, требующее неделимости атомов. Учение это было поддержано многими выдающимися химиками (Воластоном, Томсоном, Берцелиусом) и затем укоренилось окончательно. Д-р Праут пошёл далее: он предложил гипотезу, по которой атомные веса элементов суть кратные целые числа от единицы, равной атомному весу водорода. Томсон утверждал, что этот закон общеприменим; однако, Берцелиус и Турнер заявили, что эта гипотеза несогласна с результатами самых лучших анализов. Впоследствии бельгийский учёный Стас самыми точными опытами доказал неточность предположения Праута. Мартиньяк и Дюма старались подыскать подходящее объяснение

указанным Стасом неточностям, однако, их усилия не увенчались успехом.

«Всем известно, – говорит В. Крукс в своей речи (О происхождении химических элементов. Перевод под редакцией Столетова. Москва, 1886), – что позднейшие, более точные, определения атомных весов различных элементов далеко не представляют близкого согласия с числами, требуемыми по закону Праута. Но всё-таки, в немалом числе случаев действительный атомный вес так близко подходит к требуемому гипотезой, что мы едва ли можем считать это совпадение случайным. Поэтому многие авторитетные химики думают, что мы имеем здесь выражение истины, замаскированное какими-то остаточными или побочными явлениями, которых нам ещё не удалось исключить».

Подлинные вычисления, на которых основываются самые точные цифры атомных весов, недавно были перевычислены Ф.В. Кларком. В своих заключительных замечаниях г. Кларк, говоря о Праутовском законе, находит, что «ни одно из кажущихся исключений нельзя назвать необъяснимым. Словом, если принять половинные кратные за истинные, то представляется более вероятным – немногие кажущиеся исключения приписывать нераскрытым постоянно ошибкам, чем счесть за простую случайность близкое согласие в большом числе цифр. Я начал это перевычисление атомных весов с сильным предубеждением против гипотезы Праута, но по мере того, как факты выступали передо мною, я вынужден был отнестись к ней с большим уважением».

Крукс склоняется в пользу гипотезы Праута, видоизменённой Кларком, и указывает на то, что единицею может быть не водород, а какое-нибудь другое тело с более низким атомным весом. Как на такое тело, он указывает на *гелий* – элемент чисто гипотетический, пока дело идёт о земле, но который, по мнению многих авторитетов, существует на солнце и других светилах.

Э. Спé в записке, читанной в Брюссельской академии, показал, что гелий, буде он существует, должен обладать двумя замечательными свойствами: его спектр состоит только из одного луча и его пар не имеет вовсе поглотительной способности. И то, и другое доказывает чрезвычайную простоту его молекулярного сложения.

На этом основании Крукс предполагает, что его атомный вес должен быть ниже, чем у водорода, и выводит заключение, что именно гелий может быть той единицей, которая требуется, по Кларку, в основу закона Праута.

Как мы видим, гипотеза Праута была опровергаема, а теперь, как будто, подтверждена работами Кларка. Опровержения относятся только к той единице, которую нужно бы принять в основу, но ведь эта единица может быть нам и неизвестна, а, тем не менее, принцип может остаться верен.

Философское значение этой гипотезы заключается в стремлении свести все разновидности существующей материи к одному какому-либо виду, будет ли это водород, гелий, эфир, или ещё иной элемент, с ещё меньшим атомным весом.

В настоящее время возвышенная температура признана всеми за весьма могущественное средство, способствующее разложению материи на её составные части. Если мы знаем, например, что вода в пределах 100 градусов Цельсия принимает уже три различные вида: льда, жидкости и пара; если мы знаем, что пары, нагретые ещё градусов на 300 разлагаются на кислород и водород, – можем ли мы судить, – во что обратятся эти кислород и водород в температуре солнца, достигающей до 100 000 градусов? Можем ли мы, хотя примерно, сказать, пользуясь нашим лабораторным опытом, – многие ли останутся неизменяемыми из числа 70 тел, которые мы считаем простыми и неразложимыми, если мы поместим их в температуру солнца, или Сириуса, который ещё белее?

Норман Локиер в своих астрономических исследованиях поднимает именно этот вопрос, и приходит к заключению, что чем свет звезды более, т.е. чем температура её выше, тем и спектральный анализ открывает менее составных частей в ней. Весьма важно то обстоятельство, что, например, Сириус кажется нам состоящим из одного водорода; и нет причин предполагать, что в нём есть какие-либо другие известные нам тела. Локиер нашёл, что звёзды менее белые показывают признаки не одного водорода, но и железа, соды и т.д., а звёзды жёлтые, оранжевые показывают уже признаки сложных тел. Если это так, если мы можем белый цвет звёзд считать признаком простоты и лёгкости, – мы должны убедиться в могуществе температуры к разложению частиц материи

и сказать, что нет из них неразложимых при известных условиях.

В. Крукс об этих исследованиях говорит: «Норман Локиер показал, мне кажется, убедительно, что в небесных телах, весьма высокой температуры, многие из наших так называемых элементов диссоциированы, или, может быть лучше будет сказать, они никогда не составлялись».

Причины отсутствия некоторых элементов на солнце ставило учёных в затруднительное положение. Локиер предложил теорию, способную устранить многие затруднения. Он полагает, что наши простые тела в действительности суть тела сложные, способные диссоциироваться под влиянием высокой температуры, и этим объясняет, что некоторые из элементов под влиянием солнечной теплоты могли разложиться или совсем не образоваться.

Такой же взгляд поддерживал профессор Грэгхем, который говорил: «Понятно, что различные роды материи, признаваемые ныне в различных элементарных веществах, могут обладать одним и тем же элементом или атомической молекулой, существующей в различных условиях подвижности. Единство материи в её существе, – добавляет он, – есть гипотеза, находящаяся в согласии с равным действием тяжести на все тела». Подобные же взгляды защищал знаменитый французский химик Дюма, который основывал мысль о сложной природе элементарных атомов на известных отношениях атомических весов. Сложная природа химических элементов поддерживалась также Генри Сен-Клер-Девилем и Бертелло, который признавал, что атомы у элементов одни и те же, а различаются только по способу своего движения. Профессор Шустер, в докладе, читанном в 1880 году перед Британской Ассоциацией, поддерживал гипотезу о диссоциации химических элементов.

Что все чисто физические науки когда-нибудь придут к небольшому числу общих законов и принципов, и что вся совокупность признаваемых ныне химических элементов сведётся к одному или двум элементам материи – есть вывод, к которому в настоящее время тяготеет физическая наука.

Бенджамин Броди о до-туманном состоянии материи говорит: – «Существуют очень принудительные основания, приво-

дящие нас к сомнению в том, что химические вещества действительно состоят из примитивной системы элементарных тел, аналогичных по их общей природе с нашими теперешними элементами, т.е. некоторые из тех тел, которые мы называем теперь элементами, могут быть сложными». Эти-то принимаемые им идеальные элементы, по его словам, «хотя теперь возникают перед нами при помощи числовых свойств химических уравнений только как подразумеваемые и зависимые существования, о которых мы можем только догадываться, могут когда-нибудь сделаться, или могли быть в прошедшем, отдельными независимыми существованиями, как, напр., на солнце, где температура чрезвычайна. Мы можем, – прибавляет он далее, – считать, что в отдалённые эпохи температура материи была гораздо выше, чем теперь, и что эти „иные существования“ (идеальные элементы) были тогда в состоянии газов – в отдельном существовании, т.е. не соединённые».

Год спустя после того, как были высказаны предыдущие взгляды относительно химической диссоциации сэром Бенджамином Броди, в чтении своём «О Химии первичной земли», перед Королевским Институтом (31 мая 1867), доктор Гюнт высказал, по-видимому самостоятельно, мнения о диссоциации, совершенно сходные с мнениями Броди. В этом чтении он говорит: «Я рассматриваю химию туманностей, солнца и звёзд при соединённом освещении, проливаемом на этот вопрос с одной стороны спектральным анализом, с другой исследованиями Девиля о диссоциации, и заключаю путём обобщения, что распадение сложных тел, или диссоциация элементов, посредством сильной теплоты, есть начало, применимое и к общемировым явлениям, так что мы можем предположить, что все элементы, которые образуют солнце или нашу планету, если бы они были так сильно нагреты, что находились бы в газообразной форме, которую способна принять вся материя, – то они в этом состоянии оставались бы несоединёнными, т.е. они существовали бы вместе в состоянии химических элементов, дальнейшая диссоциация которых в звёздных или туманных массах может дать нам доказательство о существовании материи ещё более элементарной, чем та, которая получается в опытах наших лабораторий, где мы можем только догадываться о

сложной природе многих из, так называемых, «элементарных субстанций». «Наша атмосфера, – говорит Гюнт, – не есть земная, но мировая (космическая), существующая, как мировая среда, разлитая по всему пространству, но сгущенная вокруг различных центров притяжения в сумме, пропорциональной их массам и температуре, и самые воды океана принадлежат к той же всемирной атмосфере». (Nature, августа 29, 1878 г., стр. 475). Подобный же взгляд был высказан М. Вильямсом, который говорит, что «газообразный океан, в который мы погружены, есть лишь часть бесконечной атмосферы, наполняющей всё пространство; это связывает между собою все элементы мира и распределяет между ними их теплоту, свет и все другие физические и жизненные силы, которые способна породить теплота». (Fuell of the Sun., стр. 5). (Развитие звёзд Джемса Кролля, стр. 69 – 72).

В докладе, читанном перед химической секцией Британской Ассоциации в 1886 году, Вильям Крукс довольно долго занимался вопросом о зарождении или эволюции химических элементов. Мы дадим здесь краткий остов его взглядов, введённых в этот важный доклад.

«Мы спрашиваем, – говорит Крукс, – не могли ли сами химические элементы развиваться из немногих предшествующих форм материи, или быть может из одной только, совершенно так же, как теперь принимают, что все бесчисленные видоизменения растений и животных развились из немногих ранее существовавших форм органической жизни? Для поверхностного и торопливого взгляда план и постепенное развитие кажутся вещами несовместимыми, исключаящими друг друга; но более тщательный исследователь видит, что постепенное развитие, непоколебимо совершающееся по возвышающимся ступеням совершенства, есть самый прочный аргумент в пользу предусмотренного плана.

Значит, как в органическом мире, так и в неорганическом является естественным смотреть на химические элементы не как на первосуществующие, но как на постепенные продукты процесса развития. Но эта эволюция или развитие элементов могло происходить в периоде столь отдалённом, что его трудно представить в воображении, когда наша земля, или скорее – материя, из которой она состоит, была в состоянии весьма различном от её теперешних

условий». (Кролл, стр. 76, 77).

Разбирая доказательства такого постепенного развития химических элементов, Крукс сожалеет, что никаких прямых доказательств он представить не может, но говорит, что за то косвенных доказательств слишком много, которые не менее красноречиво ратуют за существование, как он называет, «протила» или первичной материи, из которой образовались все остальные элементы или простые тела, а затем и все сложные тела вселенной. Как более убедительные косвенные доказательства, он приводит: 1) заключение Гершеля и Кларка Максвелла по вопросу о том, что атомы носят отпечаток производных предметов; 2) закон Праута, исправленный Кларком; 3) анализ земной коры; 4) анализ сложных радикалов; 5) полимерность многих элементов и в 6) закон периодичности, даваемый Ньюландсом, на котором он и заканчивает свою речь следующими словами: «Чем более я изучаю расположение зигзагов кривых этих периодичностей, тем более я убеждаюсь, что Ньюландс овладел ключом, с которым будет дозволено заглянуть в некоторые самые глубокие тайны создания. Вообразим, насколько это возможно, отблеск немногих секретов, скрытых там. Вообразим себе самое начало времён, перед геологической эпохой, перед тем временем, когда земля отделилась от нейтрального ядра расплавленной жидкости, даже перед тем временем, когда само солнце уплотнилось из первичного протила. Вообразим ещё, что в этой первичной стадии, температура была невообразимо более высокой, чем какая-либо из температур, существующих ныне в видимой нами вселенной; настолько высокой, что химические атомы не могли бы ещё образоваться, так как точка их диссоциации была гораздо ниже.

Поскольку протил способен был излучать или отражать свет, постольку это обширное море раскалённого тумана должно было казаться астроному, на какой-либо отдалённой звезде, в виде туманности, дающей в спектроскопе небольшое число отдельных линий, предвестников будущего спектра водорода, углерода и азота.

Но с течением времени, некоторые процессы, родственные охлаждению, вероятно – внутренние, привели температуру миро-

вого протила к точке, в которой имела место первая степень гра-нуляции (т.е. образования атомов); материя, какую мы её знаем, начинала существовать, и образовались атомы. Но едва образовался какой-нибудь атом из протила, он был уже запасом энергии, потенциальной (по его тенденции связываться с другими атомами посредством притяжения или химически) и кинетической (по его внутреннему движению). Чтобы получить эту энергию, соседний протил должен был охлаждаться этим атомом, а отсюда, следовательно, образование других атомов ускорилося. Но с образованием вещества атомного, начали действовать различные формы энергии, требующие для своего проявления материи; а между другими формами энергии, и та форма её, которую мы теперь называем атомным весом. Представим себе, что элементарный протил содержит в себе самую потенциальность (возможность) всякой пропорции соединения, или всякого возможного атомического веса. Допустим, что известные нам теперь элементы ещё не были в то время созданы, сразу. Элементы, образующиеся легче других, т.е. более всех родственные протилу по простоте, рождаются прежде других. Водород – или, быть может, гелий? – из всех известных нам элементов обладает самым простым строением и самым низшим атомным весом, он-то и должен был прежде других начать существование. Некоторое время водород был единственной существующей формой материи (какой мы её знаем), и между водородом и элементами, образовавшимися ближе других к нему, должен был существовать огромный промежуток времени, в последней части которого, элементы, наиболее близкие к водороду, по своей простоте, приблизились бы постепенно к пункту своего рождения. Рассматривая этот период, мы можем предположить, что эволюционный процесс, который скоро должен был определить рождение нового элемента, определял также и его атомный вес, его сродство и его химическое положение».

Дальнейшие доказательства того, что все химические элементы развились вероятно из одного общего источника, даются «Логарифмическим законом атомных весов» д-ра Станея, который он сообщал Королевскому Обществу 19 апреля 1888 г. Главная черта этого открытия состоит в том, что в нём атомные веса пред-

ставляются объёмами, а не линиями. Мы имеем в ней последовательность сфер, объёмы которых пропорциональны атомным весам и которые можно бы назвать атомными сферами. Если радиусы этих сфер начертить на диаграмме, как ординаты, а ряды целых чисел, – как абсциссы, то общая форма логарифмической кривой становится наглядной; а тщательное исследование показывает, что или логарифмическая кривая, или какая-нибудь кривая, весьма близкая к ней, выражают реально этот закон природы.

Если, как представляется вероятным, логарифмический закон есть закон, природы, то оказывается, что должно быть три элемента, более лёгкие, чем водород, которым д-р Станей дал название: инфра-флорин, инфра-кислород и инфра-азот. И во всяком случае существует шесть утраченных элементов между водородом и литием.

Открытие д-ра Станея основано на факте, что если атомные веса химических элементов расположить в порядке их величины, то выступает на свет периодический закон т.е. закон, открытый Ньюландсом, Менделеевым и Мейером. А из него следует, что должен быть какой-нибудь закон, связывающий атомные веса с последовательными членами числовых рядов – или один, или с другими изменениями.

Сообщая об этой теории, профессор Рейнольд говорит: «Она вводит несомненно пункты крайне важные, хотя, может быть, они в настоящее время не могут реализовать своего полного значения. С этим оказываются связанными некоторые немного трудные пункты, но тем не менее ясно намечается вывод, что скоро придёт время, когда и химики, и физики соединятся для развития научной работы, лежащей на границе области наиболее важных и поразительных фактов».

Связь между выводами д-ра Станея, как и Крукса, с примитивным состоянием всемирного материала очевидна. (Развитие звёзд. Кролл, стр. 81–85).

Наконец, некоторые учёные пришли к убеждению, что эта первичная мировая или космическая материя произвела первоначально световой эфир, т.е. гипотетичную среду, которая по предположению и наполнила всё мировое пространство. «Всемирная мировая ткань, безгранично разлитая в пространстве, может в

крайнем состоянии разреженности, – говорит профессор Уинчель, – быть эфирной средой, и из этой-то полудуховной (*demispiritual*) субстанции могли зародиться молекулы обыкновенной материи. Конечно, возможно, – говорит он, – представить эти космические атомы как некоторое преобразование эфирной среды, но мы очень мало знаем о природе эфира, чтобы обосновать научный вывод такого рода».

Но происхождение материи от эфира защищалось Сежё, доктором Мейвикаром и многими другими. В лекции профессора Оливера Лоджа, перед Лондонским институтом в декабре 1882 г., он также отстаивает происхождение материи от эфира. «На сколько мы знаем, – говоря его словами, – этот эфир, кажется, должен быть однородным, несжимаемым, непрерывным телом, неспособным разрешиться в простые элементы или атомы, он, в самом деле, непрерывен, а не состоит из частиц (не молекулярен). Нет другого тела, о котором мы могли бы сказать то же, а отсюда свойства эфира должны быть чем-то различны от свойств обыкновенной материи»... «Естественно спросить, существует ли такое ясное различие между эфиром и материей, как мы до сих пор молча подразумевали? Не могут ли они быть лишь различными видоизменениями или даже проявлениями одной и той же вещи?» Затем, он принимает теорию Вил. Томсона о вихреобразных атомах. «В заключение – говорит профессор Лодж, – я постарался познакомить вас с простейшей идеей о материальном пространстве, – с идеей, что существует единая материальная субстанция, совершенно однородная, непрерывная и простая в своём строении, простирающаяся до отдалёнейших границ пространства, о которых мы имели какое-либо познание, и существующая везде одинаково, а именно: некоторые её части находятся или в покое, или в простом невращательном движении, передающем колебания (волнообразные движения), которые мы называем светом, другая часть её находится в движении вращательном, – т.е. в вихрях, – и этим движением постоянно выделяется (дифференцируется) от остальной среды.

Эти вихревые атомы часто составляют то, что мы зовем материей; их движение даёт им неуступчивость (*rigidity*), и из них по-

строены наши тела и все материальные предметы, которые нам известны.

Непрерывная субстанция, наполняющая всё пространство, которая может вибрировать, как свет, которая может обладать положительным и отрицательным электричеством, которая в форме вихрей образует материю, и которая передаёт, благодаря непрерывности, а не в силу толчков, всякое действие и противодействие, к какому способна материя. Таков современный взгляд на эфир и его функции» (Nature, февраль 1883 г.).

Итак, основываясь на всём вышесказанном, мы приходим к заключению, что разницу между частицами кислорода, водорода, углерода, золота, платины и т. д. мы должны искать в количестве и качестве движения, которому подвергаются частицы, ибо природа их всех совершенно одинакова. Если это справедливо относительно этих тел, между собой сравниваемых, то подавно это справедливо и относительно этих тел по сравнению с эфиром. Какое различие можно было бы найти между ними и эфиром, которое бы касалось природы вещества? Таким образом, мы можем каждую материальную частицу принимать за агрегат атомов эфира.

В состоянии наибольшей разреженности вещество состоит из атомов эфира, затем следуют элементарные частицы тел, которые мы называем простыми. Частицы эти, соединяясь, образуют сложные частицы химических соединений и затем – все тела природы.

Новейшая физика сводит к одному движению всё строение и свойства всех частиц. Она, правда, не имеет ещё прямых и совершенно неопровержимых доказательств, совершенно также, как и старая теория, говорящая, что разнообразие свойств вещества истекает из внутренних качеств материи. В этом отношении обе теории остаются гипотетичны. Но новейшая теория основывает свои выводы на всей совокупности открытых физикой и химией законов и считает себя вправе принять эти объяснения, судя по тому, что известно о свете, теплоте и электричестве и на основании выводов относительно природы тяготения. Позитивизм же строит свои отрицания на одних своих незнаниях; он говорит: первичной материи мы не можем признать, ибо мы ещё не разложили наших простых тел; эфир мы не можем признать, ибо он не поддается программе нашей системы изучения природы; природа атома

ускользает от наших исследований; умозрения мы допустить не можем, ибо оно заводило нас иногда к ошибочным выводам, и т.д. Одним словом, они желают полного бездействия, боясь впасть в ошибки; это, конечно, одно из радикальных средств, но невозможных в применении к науке. Мы скажем:

1) В пользу сложности элементов имеются хоть какие-то косвенные доказательства, в пользу же того, что они неразложимы – не имеется ровно никаких. Эти косвенные доказательства, о которых говорит Крукс, должны нас привести к заключению, что творческой силой был создан один тип материи. Как-то странно предполагать, чтобы каждый элемент был следствием особого попечения этой творческой силы.

2) Эфир должен быть принят наукой, ибо без него мы не можем себе выяснить ни одного явления природы, так как *qualitates occultae*, или свойства, присущие материи, которые признаёт позитивизм – есть абсурд, ибо они были бы чудом, как выразился Лейбниц, на которое никаких доказательств приведено быть не может и никогда и не приводилось.

3) Будущее может только показать, насколько современная наука ошибается, подходя так близко к основным первоначальным условиям, которые до сих пор хранились в глубочайших недрах вещества; но во всяком случае после всего, что нам известно о нём в настоящее время, вся эта система должна быть признана совершенно логичной, а следовательно, и научной, и должна иметь своё место в науке, пока не отыщутся ей опровержения.

На этом основании мы считаем себя вправе идти дальше и приступить к изложению тех теоретических соображений, которые могли бы выяснить нам сущность притягательной силы. В предстоящих наших доводах мы преднамеренно будем ставить слово «атом» всегда для обозначения элементов эфира, а слово «частица» – для обозначения элементов обыкновенного вещества; так что во всех наших рассуждениях мы можем оставаться при первоначальном понятии, которое установила химия, и рассматривать частицы элементов, как маленькие неделимые кусочки вещества, внутреннее строение которых не оказывает никакого действия на изучаемые явления.

Какова сущность притягательной силы? – Представим себе,

– говорит А. Секки, – что эфир наполняет всё пространство, и атомы его находятся постоянно в поступательном и в очень быстро вращательном движении, а потому сталкиваются между собой.

Затем, предположим, что в какой-нибудь точке этой среды существует какая-нибудь специальная и постоянная причина возмущения, которая сообщает частице весомого вещества колебательное движение. Тогда сотрясения этой частицы будут распространяться по эфирной среде и, вследствие однородности среды, будут именно распространяться по всем направлениям. Атомы, самые близкие к частице весомой материи, будут получать от неё сильные удары, частица с силой будет отгонять их от себя целыми рядами, а следовательно, в центре сотрясения атомы эфира станут редеть, а всего реже будет тот слой, который прямо прилегает к самой частице.

Если возмущающее действие будет продолжаться, то то же действие распространится от стоя к слою по всему пространству. В конечном результате эфир расположится вокруг частицы концентрическими слоями, из которых самые близкие будут всех реже, прочие же будут всё плотнее и плотнее. Не трудно вообразить себе это состояние, начертив следующую фигуру: в самом центре частицу, а вокруг неё сферы атомов, сначала широко расставленных, а потом сближенных всё теснее и теснее. Заметим тут же, что, как всегда при распространении какого-нибудь действия в концентрических сферах, разность плотности смежных слоев будет обратно пропорциональна поверхностям сфер, т.е. квадратам радиусов.

Предположим затем, что в какую-нибудь точку системы таких концентрических слоёв попадает другая материальная частица. Эта частица встретит по направлению к первой эфирные слои менее плотные, чем с противоположной стороны, а так как она кроме того получает со всех сторон удары от атомов эфира, то ясно также, что со стороны первой частицы, она будет получать меньшее число ударов, чем со всех других сторон, поэтому она станет приближаться к первой частице.

Вот каким образом получается причина притяжения. Невьясненной остаётся только первоначальная причина движения частицы. Она не имеет себе объяснения ни в какой науке; это выше

всех возможных познаний. Декарт, Ньютон, Бойль, Фарадей, Кларк, Лейбниц и многие другие совершенно определённо высказались, что первоначальная причина движения есть Воля Божья и что никакой другой быть не может.

Вторая частица движется к первой, потому что с разных сторон её окружают эфирные слои неодинаковой плотности; а энергия этого действия, по причине, указанной выше, должна быть обратно пропорциональна квадратам расстояний обеих частиц. Но это и есть именно тот закон, по которому и действует тяготение.

Сказанное нами об отдельных частицах естественно прилагается и к группам частиц, образующих какое-либо тело. Такое скопище частиц также вызовет в эфире различие плотностей, которые мы описали; и действие будет тем сильнее, чем многочисленнее будут частицы, т.е. чем больше будет масса тела. Мировые тела ничто иное, как громадные тела, которые повинуются тем же самым влияниям, которые заставляют весомые тела на земле падать к поверхности её. В том и другом случае тяготение есть ничто иное, как то самое стремление к сближению, механизм которого мы сейчас описали и причины которого мы свели к внешним импульсам. При сём мы не должны забывать, что расстояние между материальными атомами, по отношению к размерам атомов эфира, чрезвычайно велико и что оно занято эфиром. Однако, при сём не следует впадать в преувеличение, сравнивая частицу с небесными телами, а отделяющие их друг от друга промежутки – с междупланетными пространствами.

Мы полагаем, что все частицы весомой материи постоянно находятся во вращательном движении, но так как форма частиц не сферическая, то вокруг каждой из них должен неминуемо образоваться слой, в котором окружающий эфир будет претерпевать уменьшение плотности, совершенно так же, как при вращении твёрдого тела внутри жидкости, где очень часто известное число частиц принимает коловратное движение; если же это движение очень скоро, то образуются прямо пустоты на задней стороне движущейся частицы, совершенно такие же, как пустоты, образующиеся при движении аэролитов. То же самое может произойти и с эфиром, окружающим весомые частицы, и мы таким образом предположим вокруг этих частиц настоящие эфирные вихри; но в

этом нет никакой крайности, потому что и без гипотезы вихрей можно понять, что эфирная атмосфера частиц должна разрезаться от действия частичного вращения. Во всяком случае мы, для простоты речи, будем это разрежение среды называть вихрями.

Можно положительно считать за доказанное, что между частицами весомых материй не существует одинаковости ни в формах их, ни в размерах: это различие очертаний должно оказывать значительное влияние на вихри, образующиеся вокруг каждой материальной частицы и ничего, следовательно, не мешает нам полагать, что эти вихри разнятся между собой как по своим скоростям, так и по массам; отсюда и объясняется всё разнообразие физических и химических свойств, присущих различным веществам природы.

Совершенно иное представляет эфир. Можно с огромным вероятием считать, что все его атомы обладают совершенно тождественной массой, формой и объёмом, а также и одинаковым вращательным движением, вследствие чего они все развивают одну степень упругости.

Это положение, разобранный здесь вкратце, не есть ещё строгая и вполне доказанная теория, принятая всей наукой; однако надо сказать, что она имеет мало возражений и объясняет все явления сил сцепления и тяготения много лучше всех других и принята многими учёными.

Выясним здесь в кратких словах два важных и, по-видимому, серьёзных возражения против этой вихревой системы. Первое из них следующее: каким образом вращательные вихреобразные движения весомых частиц могут постоянно сохранять одну и ту же степень напряжения, если эфирная жидкость обладает инерцией? Такой результат был бы понятен в пустом пространстве, но частица, двигаясь в известной среде, должна мало-помалу терять свою живую силу, сообщая её окружающим частицам.

Это возражение было бы весьма основательно, если бы мы рассматривали часть эфира, выделенного из остальной массы общего пространства, – в том случае сила быстро истощилась бы. Но в действительности это не так, ибо если некоторые атомы мировой среды уступают часть своей скорости соседним частицам, то, в

свою очередь, эти последние возвращают им соответствующее количество живой силы и эти взаимные уравнивания проявляются в тысячах разных форм. Между множеством процессов подобного рода, укажем на один из самых обыкновенных, например, горение угля. Разве это горение не есть возвращение мировой среде той живой силы, которую солнце сообщало углю при отложении его в земных частях растений, из углекислоты? Путём опыта мы приходим всегда к заключению, что энергия природы никогда не теряется, но только рассеивается между другими телами, стремится уравниваться между ними и когда это повсеместное равенство будет достигнуто, – мировая машина перестанет действовать. Впрочем, пока ещё не представляется никакой опасности. Центры неравной энергии, будучи размешены различно, действуют один на другой, причём абсолютное количество энергии, распространённое во вселенной, остаётся постоянным. Но дело представляется совершенно иначе, если ограничить наблюдения только известным определённым пространством.

Разберём, каким образом вихри могут сохраняться вокруг каждой частицы. Мы не могли бы ещё доказать их строго математическим путём, хотя факты неоспоримы. Мы видим, что круговращательное движение распространяется иногда на большие пространства в водяных массах циклонов, точно также как в воздухе смерчи и вихри пыли пробегают по несколько десятков вёрст без всякого существенного изменения в своей форме. Часто говорят, что смерчи переносятся ветром, но очевидно, что на основании всего вышесказанного, они должны распространяться и другими путями, и действительно в южных морях часто замечали циклоны, которые следовали направлению прямо противоположному нижним атмосферическими течениям.

Второе веское возражение, которое делают против вихреобразного движения частиц и противники эфирной теории, – это то, что эфир в таком виде, как его обрисовывает настоящая система, должен оказывать сопротивление движению небесных тел по своим орбитам. «Быть может, задерживающее влияние и существует, но только мы его не можем заметить», – отвечают приверженцы эфира. Доказано вычислениями, что сопротивление эфира в такой разрежённой форме уменьшало бы ежегодно только на $1\frac{1}{2}$

сажени расстояние от земли до солнца; вследствие такого процесса продолжительность года уменьшалась бы в каждые 6000 лет на одну секунду; как бы ни были точны вычисления, мы в настоящее время столь малого изменения в орбите нашей узнать не в силах.

Обратившись же кометам, масса которых ничтожна по отношению к массам других планет, мы видим скорее подтверждение этой системы, чем опровержение её.

Бесспорно, что для комет, при их лёгкости, сопротивление мировой среды должно иметь большое значение; кроме того, они, вследствие своей разрежённости, подвергаются многим другим возмущениям. Они сильно отклоняются от своей орбиты при прохождении мимо какой-нибудь планеты.

Так, комета Лексея в 1770 г., проходя близко спутника Юпитера, изменила совершенно внезапно период своего обращения, который из 50-ти летнего превратился в $5\frac{1}{2}$ лет. Каким образом можем мы при подобных обстоятельствах верно определить влияние среды на движение комет? Эти условия настолько разнообразны, и притом, можем ли мы поручиться, что знаем их все? Однако комета Энке, наблюдаемая с 1818 года, сокращает периоды своих обращений, причём доказано, что это сокращение – не от влияния планет. На этом основании, не видя других причин, некоторые астрономы высказались, что следует отнести к влиянию среды; но, конечно, этот единственный в своём роде пример не может считаться ещё полным и бесспорным доказательством.

Математический анализ силы тяготения сводит к двум силам те причины, которые порождают криволинейное движение небесных тел: к первоначальной импульсной силе, или к приобретённой скорости, стремящейся дать телам прямолинейное движение, и к силе тяготения, которая непрерывно загибает путь тела. Именно это самое динамическое равновесие, которое было установлено астрономами помимо всяких соображений об эфире, и сделалось сомнительным с тех пор, как физики установили понятие об эфире; явились опасения, что эфир должен нарушить это равновесие двух сил, которое было выведено без принятия в соображение его действия.

Но теперь, когда мы видим, что сам эфир, по-видимому, про-

изводит одну из двух составляющих сил – вопрос изменяется. Теперь нельзя уже говорить, что эфир не принимает никакого участия в установлении равновесия движения космических тел; оказывается, напротив, что мы, сами того не подозревая, уже ввели действие эфира. Поэтому нечего и говорить о каком-то ещё новом сопротивлении, зависящем от эфира. Если мы говорим, что эфир производит тяготение, что он сообщает мировым телам движение в известном направлении, то – значит, мы уже приняли в соображение все его действия, приняли в соображение те удары, которые он сообщает со всех сторон мировым телам.

Если же это так, если справедливо, что эфир не может быть в одно и то же время причиной движения небесных тел и сопротивлением тому же движению, то ничего удивительного нет в том, что астрономы нигде не находят следов действия какой-нибудь сопротивляющейся среды.

Одинаково делается понятным, отчего эфир, обладая материальностью и инерцией, не имеет веса; как может он иметь вес, если он сам составляет причину веса и взаимного притяжения. Вес есть реакция или видимые следствия, проявляющиеся от толчков, которые производят атомы эфира на частички или целые массы тел, следовательно, *как бы эфир ни был плотен, он сам по себе веса иметь никак не может.*

Следует обратить также особое внимание на разницу природы тех вихрей, о которых мы говорим здесь, от тех, которые введены учениями Кеплера и Декарта. По настоящей теории эфир не является действующей причиной движения планет, а только сопровождает их; при этом движении причина вихря находится в самой планете, которая и вызывает вихри окружающего эфира. По Декарту же причиной движения планет являлись вихри, которые своей силой и увлекали планету; – это громадная разница.

И.О. Янковский (Всемирное тяготение, стр. 77 – 83) даёт совершенно новую кинетическую гипотезу, выясняющую совершенно наглядно сущность силы тяготения. Эту совершенно вероятную и в высшей степени логичную и последовательную систему притяжения малых тел к центру больших Янковский строит на свойстве газов пропитывать пористые тела и образовывать в них давление более, чем окружающая их среда. Совершенно так же,

как кусок угля или губчатая платина обладает способностью поглощать в себя грубые газы, так точно и более тонкий газ, т.е. эфир должен обладать той же способностью при соприкосновении с другими родами материи менее скважными. Все тела должны впитывать и сгущать в себе эфир, ибо все наши земные тела по отношению к эфиру могут рассматриваться губчатыми.

Так как это поглощение идёт со всех сторон, то, понятно, оно должно быть больше всего в центре. Тела различного состава поглощают различно эфир, а потому степень его уплотнения зависит от внутреннего строения тел. Но при одинаковом составе тел степень уплотнения зависит от величины, от размеров тела. Чем больше размеры тела, тем больше число тех сообщающихся сосудов, которые будут принимать участие в уплотнении, и, следовательно, тем до большей степени абсолютного уплотнения может быть доведен эфир внутри тела. Размеры тела могут быть мыслимы сколь угодно большими. Мы знаем тела громадных размеров: Юпитер, солнце, звёзды. Исходя из всего вышесказанного, мы должны допустить, что и уплотнение эфира может быть мыслимо сколь угодно большим. Но такому уплотнению эфира имеется предел; при известном уплотнении эфир превращается в первичное вещество, в аморфную массу с громадным запасом скрытой энергии, которая при нарушении равновесия заставляет это первичное вещество распасться и образовать весомую или химическую материю. Так как уплотнение эфира мыслимо сколь угодно большим, то, очевидно, оно может быть доведено и до этого предела. Для этого нужно только, чтобы тело имело размеры некоторой определённой величины. Но во всяком случае должен быть такой размер тела, при котором эфир внутри его дойдёт до полного своего максимального уплотнения и образует первичное вещество.

Вообразим себе теперь, что в эфирной среде появилось тело чрезвычайно больших размеров. Так как оно для эфира пористо, то на поверхности его тотчас же начнётся поглощение эфира. Переходя от поры к поре, эфир наш начнёт всё более и более уплотняться. На известной глубине, наконец, уплотнение это достигнет своего максимума, то есть частицы его прикоснутся одна к другой, движение прекратится, и кинетическая энергия эфира превратится

в скрытую, образуется пласт того, что мы назвали первичным веществом. Эфир в этом виде уже перестаёт оказывать давление на частицы, давящие на него сверху, он связан, он на поверхность возвратиться может, не иначе как распавшись, а при распадении первичного вещества получится химическое вещество, подобное тому, из которого состоит вся масса тела. Эта вновь образовавшаяся масса весомого вещества будет также пориста для эфира, как и вся прочая, а потому будет производить также поглощение и уплотнение. Итак, внутрь тела будут постепенно прибывать всё новые и новые эфирные атомы, которые, по мере своего уплотнения, будут откладываться там сначала в виде первичного вещества, превращающегося затем в весомую материю, давая при этом место для доступа всё новых и новых атомов эфира,двигающихся от поверхности тела к его центру.

Как видим, ряд постепенных логических рассуждений приводит И.О. Ярковского к двум чрезвычайно важным и любопытным заключениям:

1) Так как внутри нашего тела отлагаются всё новые и новые слои весомого вещества, то мы можем сказать, что тело перерабатывает эфир в весомую материю, что тело это растёт.

2) Так как эфир, превратившийся в весомую материю, обратно не может возвратиться на поверхность в виде эфира и может образовывать внутри химические тела, обладающие тем же свойством поглощения и уплотнения эфира, то работа поглощения будет идти постоянно, неустанно, отчего получится как бы постоянный ток эфира от поверхности к центру тела. Эфир из мирового пространства будет двигаться постепенно к центру нашего тела для того, чтобы внутри него на известной глубине превратиться в химическое вещество.

Движение или течение эфира должно оказывать влияние на все тела, попадающие на пути этого течения. Влияние это выразится давлением, направленным в сторону движения эфира. Так как эфир направляется постоянно к центру тела, то направление этого давления будет тоже к центру. Отсюда первый вывод, что все тела, находящиеся на пути движения эфира, будут претерпевать некоторое давление, направленное к центру поглощающего эфир тела.

Эфир, поглощаемый телом, черпается им из мирового пространства, а, следовательно, движение его будет отражаться, если угодно, на бесконечное расстояние, но только скорость движения будет уменьшаться по мере удаления от центра тела.

Так как рассматривавшееся ранее давление на тело, претерпеваемое им от тока эфира, очевидно, будет зависеть от числа частиц эфира, проходящих в единицу времени через единицу поверхности, то мы вправе заключить, что давление это на тело будет находиться в некоторой зависимости от расстояния и будет тем больше, чем ближе тело к центру поглощающего тела, и что величина этого давления будет обратно пропорциональна квадрату расстояния тела от центра.

Давление всякого газа при подобного рода движении было бы пропорционально поверхности тела, потому что газ, например, воздух, настолько груб, что он не может проникнуть внутрь тела, атомы же эфира настолько малы, что они проникают через все мельчайшие поры всякого тела, а потому действие его будет совершенно иное. Он будет проникать внутрь тела, так сказать, омывая своим током всякий атом тела, а потому будет оказывать давление на поверхность всякого атома, так что общее давление выразится суммою давлений на поверхность всякого атома, то есть, оно будет пропорционально количеству этих атомов, заключающихся в теле, или, проще сказать, давление это будет пропорционально массе тела. Все вышесказанное приводит И. О. Янковского к следующим выводам.

1) Ток эфира, поглощаемого каким-либо телом, оказывает давление на все тела.

2) Так как этот ток распространяется собственно говоря, безгранично, то этому давлению подвергаются все тела.

3) Давление это направлено к центру поглощающего эфир тела.

4) Сила этого давления изменяется с расстоянием и находится в обратном отношении квадратов расстояний; и, наконец,

5) Сила этого давления увеличивается в зависимости от числа атомов тела, которое находится на пути тока, то есть она пропорциональна массе этого тела.

Давление, действующее подобным образом, должно заставить, свободное тело двигаться в направлении своего действия, или, проще сказать, тело должно падать к центру, как будто бы оно притягивалось этим центром. Действительно, если бы в центр нашего тела была вложена сила, способная притягивать все тела, то её действие было бы совершенно однородно. Ток эфира, который мы признали неизбежным следствием высказанных положений, должен воспроизвести те же явления, которые мы приписываем притяжению и вообще тяготению.

Если наша земля достаточно велика, чтобы воспроизвести этот ток эфира, то на ней мы должны замечать подобные явления и, действительно, как всякий из нас хорошо знает, явления эти мы наблюдаем, мы их называем притяжением тел к центру земли, или тяжестью. Притяжение это направляется к центру; оно пропорционально массе притягивающегося тела и обратно пропорционально квадратам расстояний тела до центра земли. Это всё совершенно согласно, но нас учат, что это притяжение ещё пропорционально массе самой земли. Подобной зависимости в нашем случае мы не замечаем; мы можем сказать, что это притяжение зависит от того количества эфира, которое наша земля способна поглотить в единицу времени. Если б это количество удвоилось, очевидно, и давление на тела, то есть то, что мы называем тяжестью, должно было бы удвоиться. Но удвоилась ли бы, действительно, эта способность поглощения, если бы могли удвоить массу земли, мы этого не знаем, мы этого сказать не можем, точно так же, как мы не можем утверждать и противоположного – мы не можем сказать, что количество поглощаемого телом эфира не должно быть пропорционально массе тела. Казалось бы, что для допущения такой пропорциональности нет достаточных оснований; более вероятно, что количество поглощения зависит от той поверхности, которая собственно и производит это поглощение; но в настоящее время мы ещё не знаем законов этого поглощения, а потому что-либо утверждать в этом отношении мы не имеем права.

Что такое сила частичного сцепления? – По проявлениям своим сила тяготения и сила частичного притяжения не тождественны. Так, железная проволока может разорваться под влиянием собственного веса только тогда, когда она достигнет длины

5-ти вёрст, из чего мы видим, что тяготение, действующее громаднейшими массами, может преодолевать только сцепление, проявляющееся в каком-нибудь разрезе проволоки. Но что ещё необыкновеннее, – это то, что когда однажды сцепление нарушено и проволока порвалась, то и самого тесного сближения разорванных частей недостаточно, чтобы снова появилось между ними первоначальное сцепление. Следовательно, сцепление, которое несравненно сильнее тяготения, производит действия только на самых ничтожных расстояниях; тяготение же, которое гораздо слабее, действует, напротив, на бесконечно больших расстояниях.

Известно, что, замораживая воду или висмут, при переходе их из жидкого состояния в твёрдое, они могут разрывать железные бутылки в несколько сантиметров толщины.

Химическое сродство проявляет себя также иногда с могущественной силой, например, во взрывчатых веществах; но уже и те действия, которые образуют и поддерживают обыкновенные агрегаты, так могущественны, что трудно составить себе понятие о них.

Мы видели, каким образом частицы, погруженные в эфир, могут притягиваться. Для объяснения же сцепления частиц между собой необходимо какое-нибудь другое начало и это другое начало можно отыскать в гипотезе; что частицы имеют вращательное движение. Основываясь на этой гипотезе, А. Секки вывел множество самых остроумных заключений.

Когда частицы вращаются, то они должны увлекать за собой атмосферу, состоящую из эфирных атомов; это факт, который доказывается ясно, разбирая изменения состояния физических тел, вследствие изменения температуры. Эти атмосферы, впрочем, отнюдь не надо смешивать с теми явлениями, которые заставляют эфир располагаться вокруг частиц в слои различной плотности. Это последнее действие стремится распространяться в бесконечность, между тем как образование атмосфер, о которых мы теперь говорим, простирается лишь на незначительное расстояние в ближайшем соседстве частиц. В самом этом пространстве атомы принимают непосредственное участие в вращении частиц, вне же его они свободны от такого влияния. В теории теплоты показано, как

эти атмосферы действуют, когда тело, утрачивая часть своей теплоты, переходит из газообразного состояния в жидкое, а из жидкого в твёрдое. Заметим здесь, что эта гипотеза объясняет, отчего жидкое и твёрдое состояние наступает внезапно, как только частицы станут на определённые друг от друга расстояния. Пока атмосферы не соприкасаются, – не замечается сцепления, а как только они начинают соприкасаться, – является эта сила. Понятным также становится отчего температуры, при которых происходит плавление или отверждение, неизменны для одних и тех же веществ: эти явления наступают, как только диаметры атмосфер, изменяющиеся с температурой, достигнут определённой величины.

Что такое химическое сродство? – Обратим сперва внимание на способ его действия. Оно действует в течение известного времени с большей или меньшей внезапностью и нарушает данное равновесие тела; телá, находящиеся в соприкосновении, взаимно проникаются, и затем устанавливается опять новое равновесие. Это явление можно объяснить посредством той же самой гипотезы, которою мы тотчас пользовались.

У частиц однородных атмосферы одинаковы, и потому нет никакой причины, чтобы одна из них изменяла другую: от того здесь происходит просто сцепление. Если же частицы разнородны, то атмосферы различны, и эти атмосферы могут взаимно сливаться, входить друг в друга и этим изменять положение частиц обоих тел; является третье тело, расположение частиц которого не похоже на первые два. Таким образом получается химическое сродство.

Чем разнороднее атмосферы, тем более шансов для нарушения равновесия и тем энергичнее химическое действие. Кроме того, различия в атмосферах могут касаться не только их объёмов, но и скоростей, так что является несколько элементов изменения. Естественно, что температура оказывает влияние на состояние атмосфер, а таким образом и на химические действия.

Может случиться, что две частицы будут иметь в известный момент несходные атмосферы, а потому и сильное сродство, а потом, когда температура изменится, атмосферы могут сделаться сходными, и сродство станет незначительно. Может случиться и так, что с возвышением температуры, атмосферы обмениваются свойствами. Этим объяснились бы некоторые вполне известные

аналогии; так, например, бывает, что при очень близких температурах то железо разлагает воду и освобождает водород, то, напротив, водород разлагает окись железа и овладевает кислородом.

Таким образом у химической частицы есть одна оболочка; но это ещё не значит, чтобы не было специальных, своих, атмосфер у элементарных частиц. При том следует заметить, что эти атмосферы суть, так сказать, те внешние проявления, под которыми мы находим самые разнообразные формы движения самих частиц. Равновесие, от которого зависит прочность, устанавливается между всеми этими движениями частиц, частных оболочек и общей оболочки. Составное тело будет тем постояннее, чем меньше шансов для нарушения этого динамического равновесия. Если элементов много, то самое лёгкое изменение температуры внесёт беспорядок в агрегат и разрушит все связи.

Это действие особенно заметно проявляется, когда мы от царства минералов, в котором господствует сравнительная простота, переходим к веществам органическим, строение которых гораздо сложнее. Принимается, что в частице альбумина содержится около 900 элементарных частиц. Не трудно понять, что такие сложные соединения должны легко разрушаться при изменении температуры. Ещё сложнее устройство органических тканей. Оттого каждое растение живёт в своём климате; а если животные имеют более широкое распространение, то это потому, что в них самих есть источник теплоты, вследствие чего температура их может оставаться более постоянной.

Со времени Лавуазье химия развилась как наука масс; можно сказать, что теперь ей остаётся построиться как науке скоростей. Поэтому мы видим, что при настоящем положении физики мы будем более точны и будем находиться ближе к истине, если назовём *«материю продуктом силы»*, чем, придерживаясь старых учений, скажем, что *«сила есть свойство материи»*.

Нельзя отвергать, что химия сделала громадные успехи, развиваясь только как наука масс. Закон определённых пропорций, закон кратных отношений, самое понятие о химической эквивалентности, — естественно выведённые из этих двух основных законов, — всё это совершенно независимо от всякой идеи о движении.

Химики, с весами в руках, проследили все элементарные соединения простых тел и определили шкалу их насыщения. Затем явилась аналитическая химия, основанная сначала на изучении жиров, а потом на анализах алкоголей и эфиров; тогда обнаружилось, что весы недостаточны для того, чтобы проследить за такими сложными явлениями, а, между тем, те теории, которые химик создаёт, приложимы, по-видимому, только к частицам, находящимся в покое. Закон замещений резюмирует собой успехи органической химии. Этот закон, казалось бы, по крайней мере, не предполагает никаких частичных движений, но едва ли представляется необходимостью разьяснять, как недостаточно было бы такое воззрение на химические явления. Процесс образования частиц нельзя сравнивать с кладкой камней здания; если мы желаем рельефно себе представить его, то должны представить вихри, встречающиеся и проникающие друг друга, причём элементы этих вихрей переходили бы при встрече в новое подвижное равновесие.

Притом это вовсе не гипотезы. Обратившись к фактам, мы увидим, что химическое действие производит работу, а работу производят массы, движущиеся с известной скоростью. Почти все наши машины приводятся в движение горением угля, т.е. химическим процессом.

Мы до сих пор не нашли средства для измерения химической работы; можно измерять её только косвенно, через посредство теплоты или электричества; мы умеем судить о химическом действии по внешним его проявлениям. Но для того, чтобы познать самое химическое действие, распознать его сокровенную природу, — необходимо было бы дать точную меру не только молекулярных масс, но и молекулярных скоростей. Когда в нашем распоряжении будет и то, и другое то увидим, что из химии исчезнет всё странное и непонятное, и мы в состоянии будем объяснить себе различные соединения и вытекающие из них материальные свойства. Тогда воздвигнется здание молекулярной механики, которая будет обнимать все явления природы, одна общая динамика будет царить вместо настоящих астрономий, физик и химий.

Вот какое описание природы неорганической материи даёт нам современная физика. Руководствуясь настоящим воззрением, можно отчасти понимать все явления, сопровождающие материю,

проникать в сущность самых явлений и находить разъяснения тем результатам и следствиям, которые являлись до тех пор нам непонятными и загадочными. Учение это даёт ясный и правильный взгляд на природу вещества, на вес, на притяжение, на тяготение и на сродство тел.

Но!!... мы видим, что на нас уже подымается целая гроза со стороны неумолимого позитивизма; нас обвиняют во том, что наша теория ненаучна, что мы вне науки. Позитивизм не допускает даже эфира, а мы уже пошли гораздо дальше: мы доказали невесомость некоторых материй, признали движение причиной существования материи, предположили оболочки в каждой частичке весомого вещества; близки к признанию единства материи и к тому, чтобы свести все явления природы к движению, – к одному движению.

Своё первое veto накладывает Льюис словами Огюста Конта в своей «Философии Наук». Он говорит: «К чему же и в физике для объяснения явлений теплоты, света, электричества, магнетизма употреблять гипотезы без надлежащих предосторожностей и предполагать жидкости и эфиры невидимые, неосязаемые, невесомые и нераздельные от вещества, которому они сообщают свои качества? – Уже самый факт, что существование этих пресловутых жидкостей, по своему существу, не подлежит ни отрицанию, ни утверждению, показывает, что они не подлежат положительной проверке. Вы могли бы точно так же допустить существование элементарных духов Парацельса, ангелов и гениев».

Мы видим, что Эмиль Сеже уже оправдывается в заключении к своей «Современной Физике», – он говорит: «Нам могут заметить, что мы недостаточно строго разбирали явления, что иногда мы выражались утвердительно, когда следовало, по правилам позитивизма, выражаться с сомнением, что мы недостаточно сильно упирали на оговорки, которые нам приходилось делать. Мы не станем и оправдываться в таком заслуженном упреке. Было бы, может быть, лучше, если бы мы оставили в тени некоторые вопросы и ограничились достоверными фактами. Да извинят нам некоторые отважные предположения: *бесспорные результаты, нами полученные, слишком важны* и их не могут компрометировать несколько смелых (но вполне научных и логических) гипотез».

«Нет, – говорит Джон Стюарт Милль, в своей «Системе Логики» (стр. 20), разбирая эфирные гипотезы, – сколько-нибудь осторожный мыслитель *не может допустить* (?), чтобы гипотеза могла бы быть принята за непреложно истинную *только потому* (?), *что она объясняет все известные явления* (?».

А. Секки даже совсем не признаёт никакой гипотезы в этом учении, до того все делаемые заключения он считает близкими к истинным выводам науки. Он говорит (стр. 11): «Единственное мое желание было популяризовать те теоретические взгляды, которые, благодаря более серьёзному изучению явлений, с каждым днём всё более и более входят в сознание мыслящих естествоиспытателей. Развиваемые мною взгляды есть ничто иное, как прямой вывод из работ учёных, составляющих славу нашего века, каковы, например: Мейер, Сеген, Джуль, Томсон, Грове, Гирн, Ламе, Муанью, Тиндаль, Клазиус, Дюма, Кантони, Фузиньери, Зантедески, Бичио, Турацца, Грэхем, Бунзен, Фуко, Депре и пр., и пр., которые в небольшой промежуток времени так много сделали для развития, разъяснения и утверждения механической теории теплоты. Уже один этот факт, не говоря о бездне других, ясно показывает, что в смысле научного прогресса нашему веку не в чем завидовать прошлым эпохам, даже в самые цветущие их дни».

«Я старался, – говорит А. Секки, – насколько возможно, не вводить в книгу своих личных мнений и позволял себе делать это лишь там, где научные пробелы, остающиеся в естествоведении, за недостатком или невозможностью наблюдений, давали мне право сделать некоторые дополнения к работам и теориям других учёных. Позволяю себе думать, что такой образ действий ни в каком случае не может быть назван произвольным обращением с научным материалом».

Мы закончим этот научный спор словами Тиндаля, сказанными им в Лондонском Королевском Обществе: «Строго говоря, без участия воображения все наши сведения о природе ограничились бы одной классификацией фактов, из которых можно было бы заключить только о совместности их существования и порядке следования друг за другом. Конечно, мы знали бы о смене дня ночью, одного времени года другим и т.п., но сила, эта душа вселенной, была бы изгнана из области наших представлений; отношения

причин к их действиям рассыпались бы в прах, а вместе с этим рухнула бы и самая наука, главная цель которой состоит в установлении связей между различными частями природы и исследовании её, как одного организованного целого».

«Наконец, – говорит Броди, – физические исследования, кроме своих многочисленных преимуществ, показывают нам истинную цену и научную роль воображения, этой чудесной способности, которая, будучи предоставлена самой себе, без всякого постороннего контроля, уносит нас в непроходимые дебри ошибок и заблуждений, но, руководимая строгим опытом и трезвым размышлением, делается благороднейшим атрибутом человека, источником поэтического гения и могущественным орудием открытий, без помощи которого Ньютон никогда бы не изобрёл своих «флюксий» (дифференциального и интегрального исчисления), Дэви не разложил бы металлов, земель и щелочей, а Колумб не пустился бы в отдалённые поиски за „Новым Светом“».

Что можем мы добавить от себя в свою защиту? Мы скажем, что мы не стоим достаточно близко к науке, чтобы вмешаться в качестве компетентного эксперта в научный спор, в котором участвуют такие столбы знания. Поэтому мы и не будем касаться существа данного предмета.

Мы взглянем с другой, незаинтересованной в научном споре стороны, как посторонние свидетели, как должно было бы отнестись человечество, говоря вообще, к такому несогласию мнений у людей науки касательно своей науки.

Мы скажем, что, с одной стороны, полная понятность, неопровержимость и необыкновенная логичность, с другой – авторитет и большинство на стороне новых воззрений, а потому менее шансов впасть в ошибки, придерживаясь приведённой нами теории, чем следовать за положительными науками. Позитивизм уже доживает свой век, его придерживаются только по привычке так называемые люди старого закала.

Разве может наука иметь свои принципы и привычки? – Где принципы и привычки, там начинается царство рутины и умственного застоя, там прогресса, образования и умственного развития уже более быть не может, – нет этих главных атрибутов и двигателей науки. Научные воззрения, которые удовлетворяли в детском

и первоначальном состоянии науки, не могут остаться неизменными и, по мере развития наук, по мере предъявления к её расследованию новых фактов и явлений, как взгляды, так и система доказательств должны быть изменены, придуманы и применены новые способы, новые приёмы для исследований, для доказательств и для контроля знания. Конечно, способы изучения предметов, принятые наукой не сотни, а, по Гумбольдту, уже тысячи лет тому назад, в настоящее время не могут удовлетворять нас; это ясно, ибо наука должна же идти вперёд.

Но, кроме того, обратимся к нашей собственной логике; мы имеем перед собой вполне здравые выводы, вполне научные доказательства и должны отказаться от них только потому, что, например, эфир ничего не весит на наших весах и не виден нашему глазу. Есть ли в этом малейший смысл? Разве мы видим когда-нибудь силу? Разве она тоже весит что-нибудь? А однако принимается положительными науками. Нам скажут, силу можно вычислить, мы видим её по проявлениям. А разве мы не вычисляем световую эфирную волну? Разве мы не видим её одинаково по проявлениям? Надо только удивляться подобного рода научным запрещениям, этому «не хочу» принципа ради.

Мы видим перед собой прекрасные научные положения, основанные всегда на фактических доказательствах, почерпнутых из прямого опыта. «Нет, – повторяют позитивисты за Огюстом Конттом, – человек психически несостоятелен, положительные науки не идут так далеко».

Как это так? Здесь кончается всякая логика, здесь прямо подрывается весь авторитет человеческого разума и здравого смысла; как может наука отказаться от расследования какого-либо факта или явления? После этого солдат откажется идти в атаку, должник откажется платить по векселю.

Если мы принуждены в настоящее время принять за доказанное существование таких жидкостей, которые невесомы, невидимы и не занимают места в нашей грубой материи, то делается ясным, что все три непогрешимых контролёра положительных наук – мера, вес и глаз человека – должны получить отставку, или, по крайней мере, быть заменены в известных случаях чем-нибудь другим, более соответствующим природе того вещества, которое

подлежит нашему анализу и изучению. Не можем же мы отказаться от изучения эфира единственно потому что положительные науки ещё не придумали непогрешимого способа контроля, тем более, что позитивизм и не выказывает к тому ни малейшей склонности.

Для научных исследований нужно именно это научное благоразумие, – строгий опыт и трезвое размышление, которого требует Броди; без него наука не пойдёт вперёд, и никакие автоматические контролёры и вековые принципы не помогут делу.

Всё вышесказанное убеждает нас, что, хотя наука ещё далеко не выработала окончательного понятия о сущности материи, но, во всяком случае, приведённое здесь учение современной физики много ближе к истине, чем то, которого придерживаются положительные науки. На этом основании мы совершенно уверенно в дальнейших наших рассуждениях можем смело опираться на него, без боязни заслужить упрёк в недостаточной основательности приводимых нами доводов или отступлении от научных истин.

Органическая клеточка.

Установив наш взгляд на природу неорганического царства, перейдём к органическому и постараемся себе выяснить физическое сложение человека.

При изучении неорганической материи мы встретили двоякого рода затруднения: во-первых, со стороны трудности и сложности самого предмета изучения, требующего точных и разносторонних наблюдений и чрезвычайной осторожности выводов, вследствие сбивчивости и загадочности фактов, подлежащих нашему расследованию, а во-вторых – со стороны привычек и принципов учёных, которые, изучая неорганическую материю столько времени, ввиду даже самых очевидных фактов, не могли решиться высказаться за то, что материя в основе своей не имеет ничего весомого и материального. Переходя затем к обзору органического мира, мы должны сознаться, что затруднения не только удешевляются, но положительно делаются непреодолимыми. Труд-

ность изучения самого предмета возрастает неимоверно, сложность самих материальных частичек увеличивается, условия образования их усложняются, жизненные условия требуют для своих объяснений введения жизненной силы, которая почти совсем не расследована наукой. Условия поддержания и возобновления органических частичек положительно ускользают от самых точных наблюдателей, а вместе с тем принципы и привычки учёных и обычаи разных школ положительно вооружаются на смелых, которые могли бы хотя попробовать начать исследования этих трудных и вполне загадочных для нас явлений. Казалось бы, совершенно логичным, что если мы, при изучении даже неорганической природы, приходим к отвлечённостям, как их называют в положительной науке, то при изучении сложной машины живых организмов мы должны ещё гораздо дальше проникать в область, положительными науками запрещённую. Как бы всё это ни было для нас ново и загадочно, и как бы это ни казалось нам отвлечённым и, пожалуй, духовным, – мы не имеем права отказываться от изучения его и считать его не подлежащим нашему расследованию, ибо всё это составляет проявления материи, это всё ещё тот путь, на который должна наука ступить. Однако, до сих пор ещё всякий, который искушался этим предметом, нападая на выводы, столь ненавистные положительным наукам, должен был или рисковать своей научной репутацией, или отступить от изучения этих предметов; на этом основании нет до сих пор даже целой науки, где бы были сгруппированы все физические проявления органического царства; органическая физика сама напрашивается в число наук, но ничего ещё не сделано для неё, никаких усилий для точного изучения природы всех подобного рода явлений.

Правда, во всех параллельных науках, можно встретить самые разнообразные попытки к указанию на явления, сопровождающие органическое царство, но только в виде отдельных соображений и догадок; поэтому даже при усиленном желании людей, истинно преданных науке, перейти эту заветную черту отвлечённостей представляются непреодолимые трудности.

На это нам могут возразить, что физические явления обоих царств одинаковы, поэтому нет необходимости в какой-то органи-

ческой физике. Ответим на это, что дело не в названиях, а в возможности выяснения себе известной группы фактов органического мира, которого нам физика не даёт; равно этого выяснения мы не находим ни у физиологов, ни у естественников. Мы видим, что по сложности этих явлений физика отказывается от них, и тем более понятию, что во всех этих явлениях проявляется совершенно новый для неё деятель, который положительно видоизменяет физические явления, – это жизненная сила. Физиология также не разбирает их, ибо считает, что они прямо касаются свойств материи, предмет изучения которых не входит в программу занятий физиологии. Естественные науки подавно не признают эти явления подлежащими их ведению и только указывают на них.

И в самом деле, возьмём для примера два совершенно, по-видимому, схожих вещества, одно из царства животных, другое из неорганической природы, а именно: кости животного и хотя бы искусственно приготовленное и совершенно тождественное по своему химическому составу вещество; одним словом, перед нашими глазами лежат два куска, совершенно схожие по наружному виду, по цвету, по весу и, пожалуй, по объёму, разница лишь в том, что один из них вынут из тела животного, другой – приготовлен в лаборатории, и спросим: одинаковой ли природы эти два куска?

Ещё так недавно положительные науки с полным апломбом ответили бы: «никакие сомнения здесь неуместны, – это решительно одно и то же». Но успехи современной науки отвечают иначе и говорят: по химическому составу своему оба эти куска совершенно одинаковы и состоят из известных химических соединений извести с фосфором, удельный вес их и наружный вид тоже не имеют различия, в сложении их мы найдём незначительную разницу; но условия образования и внутренняя жизнь их, – природа этих обоих кусков, – не имеет ничего схожего. То, что мы высказали о частичном состоянии нашего неорганического куска, о природе вихрей, составляющих его, – проявляется в органическом куске или в кости животного с значительными усложнениями и изменениями, имеющими свой, совершенно специальный, жизненный характер.

Трудно себе представить до чего деятельна жизнь в этом, по-видимому, неодушевлённом куске, до чего быстро производится

обмен, какая происходит кипучая работа в перемещениях материальных частичек. Наглядное доказательство тому мы находим в трудах Флуренса. Он кормил животных мареной, которая имеет свойство окрашивать кости живых тварей в красный цвет. Через месяц весь скелет животного получает красный цвет. Если потом кормить животное обыкновенной пищей, то кости делаются вновь белыми. Переход от красного цвета костей к белому делается не постепенным изменением цвета, а вновь нарастающая часть кости нарастает уже белой, старая же остаётся того же цвета. Вскрывая этих животных, он убедился, что в течение месяца у каждого из них кости окончательно меняют состав своих частиц. Он ясно и наглядно видел, что кость нарастает изнутри кнаружи. Внутри образуется слой белый, который подвигается, утолщаясь, всё дальше к наружной поверхности кости; следовательно, каждая частичка материи, из которой состоят кости, находится в постоянном движении, а не имеет всегда одного постоянного положения по отношению к своим соседкам, как это мы видели в неорганических телах. Через каждый месяц все кости человека и животного меняют наличный состав своих частиц, не остаётся ничего старого; каждый элемент кости, каждый атом в течение месяца успел образоваться, постоянно подвигаться кнаружи и, наконец, исчезнуть совсем, заменённый другим.

Ещё поразительнее этот обмен в остальных тканях живых организмов. Вот как рассуждает об этом Катрфаж: «В тайных глубинах живых существ господствуют два противоположных тока: один постоянно уносит частицу за частицей и отнимает что-нибудь из организма; другой – восстанавливает потерю, которая, ежели бы слишком увеличилась, привела бы неминуемую смерть».

Молешотт говорит, что через 22 дня в человеческом организме не остаётся ни одного старого атома, – все заменены новыми. По опытам Либиха, этот обмен производится в 25 дней.

Мелешотт и Марфель нашли, что цветные шарики крови баранов, впрыснутые в большом количестве в кровь лягушки, вполне исчезли через 17 дней. А так как обмен материи у лягушки происходит медленнее, чем у животных теплокровных, то можно предполагать, что красные шарики человеческой крови вполне возобновляются меньше нежели через 17 дней.

Молетотт в своём сочинении «Круговращение жизни» говорит, что, согласно выводов из наблюдений, полученных из трёх различных оснований, можно назначить 30 дней для полного возобновления человеческого тела. Было бы слишком большой несообразностью, если бы мы согласились с давно существующим мнением, что для полного возобновления всех атомов в человеке необходимо 7 лет. Как бы на первый взгляд ни показалась удивительной эта быстрота обмена, – говорит он, – эти наблюдения во всех отношениях непреложно верны.

Шталь говорит, что жаворонки теряют в продолжение дня весь жир, который образовался в них в продолжение ночи. Развитие клеточек в крови происходит в течение 7 или 8 часов за счёт веществ, доставляемых питательным соком. Кому не известно, что человек в несколько дней может так похудеть, что его не узнаешь?

Чем больше увеличивается деятельность, тем быстрее происходят реакции. При сильном движении у человека выделяется через поры его кожи в 9 часов то количество углекислоты, которое в спокойном состоянии у него выделилось бы в течение 24 часов. Когда лошадь бежит рысью, то у неё выделение бывает в 117 раз больше, нежели в то время, когда она стоит. Человек же, по свидетельству Молешотта, летом теряет в 24 часа $\frac{1}{14}$ часть веса своего тела, а зимою $\frac{1}{12}$.

Как можем мы себе представить, что каждый день от нас, от тела нашего и мускулов отлетает отживших частиц и заменяется новыми в летний день $\frac{1}{14}$ часть, а в зимний день $\frac{1}{12}$ часть всего веса нашего тела, – ведь это 15 или 17 фунтов материи, долженствующей занять объём около полуведра; даже каждый атом наших костей подвинулся в течение дня на $\frac{1}{30}$ её толщины, и всё наше тело находится в непрерывном молекулярном движении, напоминающем скорее рой пчел или кучу муравьев, чем отвечающим понятию, которое мы обыкновенно имеем о твёрдом теле.

Бюффон говорит: «что и основу нашей организации составляют не мускулы, не артерии, не вены, а внутренние силы. Вместо того, чтобы исследовать силы, основываясь на их действии, учёные стали отвергать всякое понятие о них и хотели изгнать их совсем из философии. Но вот они вновь явились и с ещё большим блеском, чем когда-нибудь».

«Этот жизненный вихрь, – говорит Кювье, – непрерывно происходящий в нашей коже и под нею, в нашем мозгу, в нашей крови, в костях, в лице, во всём теле, есть как бы одежда, которая сама собою возобновляется. Тело 60 или 80 летнего старика существует только один месяц, совершенно столько же времени, как тело ребёнка, только что начинающего ходить.

Следовательно, тело всегда бывает новым, и мы не можем не удивляться этому мудрому закону природы. Однако, же неоспоримо, что на земле есть люди всех возрастов, от колыбели до могилы. И если правда, что наше тело возобновляется ежемесячно, – что же в нас состаривается? – Конечно, это не частицы, образующие наше тело. Частицы, которые очень ещё недавно не принадлежали нам, а составляли часть курицы, куропатки, хлебного зерна, соли, быка, барана, вина, кофе, или чего-нибудь другого, что мы ели или пили; частицы, которые, как мы знаем, неизменны и, как мёртвые, никогда не могут стареть. Значит, в нас есть что-то другое, кроме этих частиц».

«Материя есть только вместилище силы, – продолжает Кювье, – которая заставляет будущую материю идти тем же путём, как и прежняя; следовательно, *форма тела гораздо существеннее материи, потому что материя постоянно изменяется, тогда как форма тела остаётся одна и та же*».

Как выясняет наука всё это? Ведь, большая разница знать, каким образом проявляется известное действие, или определить причину явления и природу действующего начала.

При полном нашем и самом усиленном стремлении отыскать какое-либо определённое объяснение, касающееся *существа* явлений, мы должны признаться, что во всех отраслях знания мы встречаем одно гробовое молчание, одни указания на факты без всяких разъяснений, хотя бы гадательных и гипотетичных. Позитивисты маскируют свои дальнейшие незнания явлений природы одними общими фразами и говорят, что явления эти, сами по себе свидетельствуя очень многое, вполне будто бы открывают глаза на строй органической материи, и затем вся эта кипучая во всех отношениях жизнь без всякого подробного и тщательного изучения сливается ими в общую кучу свойств материи. Не могут законы

природы кончатся именно там, где прекращается знание человека; такое предположение было бы не более как натяжка и имело бы своё начало в человеческом тщеславии; человек науки очень неохотно сознаётся в своём незнании. Во всяком случае, мы принуждены заявить, что позитивизм никаких дальнейших объяснений нам дать не может и что знания его далее этого не простираются.

Как последний научный довод, мы приведём слова профессора Пурготти, прекрасно очерчивающего условия жизни живых организмов, не касаясь, конечно, как и всегда, существа и природы явлений. Он говорит: «Мы видим в живых организмах присутствие начала, которое, будучи выше материи, управляет её реакциями. Физические силы снабжают его агентом первой необходимости, а именно—движением, составляющим основание всех актов организма. Действия сил, подчинённых влиянию этого начала, не тождественны с теми, которые они проявляют в независимом состоянии, так что животные отправления слагаются из движений гораздо более сложных и утончённых, чем в растительных процессах и принадлежат поэтому, так сказать, к высшему порядку. Это то самое начало, которое заставляет переходить известное количество движения от одной точки индивида к другой и позволяет этому движению сообщаться внешним предметам, причём оно всецело сохраняется, как элемент общего движения материи. Одним словом, в животных движение всегда играет только роль аппарата или средства, находящегося в распоряжении высшего начала и направляемого им согласно желаемой цели. Для лучшего уяснения нашей мысли позволим себе привести, сравнение. Представьте себе самый совершенный локомотив; какой бы он ни был идеальной конструкции, он никогда сам собою не придёт в движение и не станет действовать со свойственной ему правильностью; для этого необходим механик, который бы открыл в надлежащую сторону кран и стал управлять рычагом с целью сообщить ему передний или задний ход, и т.д. То же самое можно сказать и про животных, одарённых произвольным движением. Они не только обладают этим движением, составляющим атрибут, неразрывно связанный с грубой материей, но, кроме того, наделены ещё направляющей силой более высокого порядка, чем материя. Как

только это движение приостанавливается в организме, он тотчас же умирает.

«Отсюда некоторые заключают, – говорит профессор Пургогги, – что силы, действующие в живом организме, отличны от тех, которые действуют после смерти. Но это заблуждение было победоносно разбито ещё Мейером, знаменитым основателем термодинамики. Он совершенно верно заметил, что при жизни животного в нём происходят те же самые химические реакции, как и после смерти. Всё различие состоит лишь в том, что живой организм может удалять от себя вещества, сделавшиеся бесполезными и вредными для его тканей, тогда как мёртвый лишён этой способности. Отсюда накопление веществ не только бесполезных, но и прямо вредных для экономии, которые, быстро прибывая, скоро производят изменение самых органов и делают их неспособными к действиям, свойственным здоровому и живому телу».

Эфирные тела.

Вот те данные, которые должны служить нам основанием для уяснения себе интересующего нас в настоящее время вопроса: далека ли наука от признания эфирных двойников человеческого тела, о которых говорят нам Евреи, Египтяне, теософы, буддисты и спириты? Противоречит ли понятие о двойниках учениям науки и идёт ли оно в разрез со всеми научными воззрениями на природу органической материи?

Для более определённого представления согласимся ещё в некоторых научных данных.

Если мы признаем основой каждого тела движение, производящееся в среде однородных атомов эфира, то математика и механика – две непогрешимые и абстрактные науки – должны дать нам самые точные сведения по этому предмету.

И действительно, когда мы обращаемся к ним, то видим, что они, составляя уравнения, с целью определить по известным условиям возможность разных сочетаний, для получения разнородных движений, приходят к самым изумительным выводам.

Математикой и механикой можно, конечно, выводить все известные нам виды движения материи, как-то: свет, звук, движение планет, световые волны и т.д., но можно ещё, вводя в вычисления известные уже нам физические законы, получать многие неизвестные и совершенно для нас новые движения, которые все имеют возможность существовать в действительности. Мы не можем сказать, какие из них существуют действительно в природе, ибо мы их не знаем и не улавливаем, они не поддаются нашим чувствам и нашей трёхмерной аналитике, ибо многие из них переходят в четвертое, пятое и т.д. измерения.

Мысль о возможности не только четвертого, но большего числа измерений пространства подтверждена даже известным философом Кантом. «Наука об этих возможных видах измерения пространства была бы – говорит он – бесспорно высшей геометрией, которую ум человека мог когда-либо построить». (*Gedanken von der wahren Schätzung der Kräfte*). Над этой же гипотезой много работали известные математики Гаусс, Болиай, Риман и наш знаменитый математик, профессор Казанского университета Николай Иванович Лобачевский.

Лобачевский и Гаусс указывали на то, что в обыкновенной (евклидовой) геометрии, не идущей далее трёхмерного пространства, некоторые положения не могут быть строго доказаны, и решения их заходят в другие высшие измерения. Они, конечно, не имеют фактических данных для утверждения существования другого мира, тем не менее принуждены рядом с этим материальным миром признать другой. Назовёте ли вы его духовным или четырёхмерным, пятимерным, – дело не в названии; но, во всяком случае, такой мир, аналитика которого могла бы наглядно изобразить высшие измерения. Профессор Бутлеров придавал возможности знания такого мира первенствующее значение в ряду человеческих знаний и называл её геометрией абсолютных пространств.

Мы охватываем своим пониманием только три измерения, а потому должны сказать, что всё препятствие в познании многих из этих движений единственно в недостатке наших чувств, ибо по математике все они имеют право действительного бытия.

Самое разрежённое тело, которое поддаётся анализу, это водород, самое плотное – платина. Вот пределы, за которые не идёт

наше понимание, но природа этим не ограничивается. Неоспоримо, что на других планетах есть тела более плотные, – а также и более лёгкие, и если они существуют, мы не можем их видеть, ибо водород мы не видим; также как и воздуха, который в 14 раз плотнее водорода.

Однако, не все эфирные тела нам не видны; мы видим на небе кометы, которые служат вечным укором наших чувств. Некоторые кометы двигаются с ужасной быстротой уже многие тысячелетия кругом солнца, не меняя формы своего хвоста, а между прочим, какая их плотность? – По наблюдениям Джона Гершеля, эти загадочные для нас миры имеют хвосты длиной по нескольку сотен миллионов вёрст и в поперечнике около сотни тысяч вёрст, а вес их такой, что можно было бы, спрессовав и сгустив их в одну массу, имеющую вес наших земных тел, увезти каждую на одной подводе. Тиндаль, поправляя в этом отношении Джона Гершеля, говорит, что, по его мнению, в один чемодан можно было бы спрятать целый десяток комет.

Астроном Фай, вычисляя плотность субстанции таких комет, нашёл, что она в 250 миллиардов раз реже, чем плотность нашего воздуха под воздушным колоколом, в котором $\frac{1}{1000}$ разрежения. Теперь, как представим мы себе, что подобной плотности комета 1843 года пронизала фотосферу солнца, обогнув его в течение двух часов, причём она не изменила даже ни формы своего хвоста, ни скорости своего полёта и показалась на другой стороне солнца совершенно такой же, как она за него скрылась, несмотря на то, что скорость конца хвоста была 500 миллионов вёрст в час, т.е. $\frac{1}{2}$ скорости молнии. Всё это заставляет признавать, что кометы при всей их разжиженности – настоящие тела (никто, впрочем, из современных астрономов и не оспаривает того).

Подобных комет на небе неисчислимо количество. Когда о числе их спросили Кеплера, он ответил, что «комет на небе столько, сколько рыб в океане». Араго говорит, что тех комет, которые приближаются к солнцу не далее Нептуна около 20 миллионов; но так как собственно сфера притяжения солнца простирается ещё гораздо дальше, то астрономы по приближению насчитывают их миллиардами.

Что значит перед этим поражающим количеством число

наших грубых материальных планет, вращающихся в солнечной системе? Их насчитывают едва до 70 (считая астероиды за одну планету), а следовательно, мы смело можем принять, что число материальных планет, более или менее похожих на нашу землю или солнце, по отношению к количеству эфирных небесных тел, совершенно ничтожно, и что эфирные тела в миллионы раз более распространены в природе, чем твёрдые планеты. Кроме того, мы можем легко предположить, что возможность видеть нашими глазами столь разрежённые тела не есть общий закон природы, и что на каждую видимую нами комету в действительности найдётся ещё много других на небе, нам невидимых; но, не говоря уже об этих невидимых телах, мы скажем, что и миллиарды комет для нашей солнечной системы составляют весьма веский довод в пользу оживлённости и обилия совершенно новой, незнакомой нам и недостижимой эфирной жизни межпланетного пространства.

Итак, ко всем бесспорным данным науки мы можем прибавить ещё два:

1) что эфирные тела в природе существуют; что наш водород не есть самое разжиженное тело, что есть тела, которые при всех обстоятельствах сохраняют свою определённую форму при страшных скоростях, с которыми они двигаются, и разрежённость их в миллиарды раз больше наших земных тел; это составляет новое и весьма веское доказательство того, что разнообразие природы идёт дальше нашего чувственного понимания её;

2) что математически можно доказать существование ещё многих родов движений, кроме тех, которых мы знаем через наши чувства и через нашу материалистическую науку, и что кометы составляют только один вид из массы других, нам пока ещё неизвестных, видов движения.

Эфирный элемент в строении человеческого тела.

После всего вышесказанного мы не можем более представлять себе твёрдое тело так, как понимали его в древности, т.е. куском материи, в котором все частички крепко сплочены между собой и

находятся в вечной неподвижности по отношению к своим соседкам, таким же однородным, как и они, частичкам. Напротив, мы должны себе представлять каждое тело состоящим из миллиардов частных вихрей, ничем не связанных между собой и находящихся на очень значительных друг от друга расстояниях, по отношению к своему собственному объёму и к величине соседних частичных вихрей. Каждый подобный вихрь имеет скорость, конечно, превышающую скорость света и электричества и окружён своей специальной эфирной оболочкой, обуславливающей характер движения и, следовательно, видимую форму его. Эти вихри плавают в пространстве, наполненном эфирными первичными неупругими атомами, находящимися тоже в движении, – во вращательном и в поступательном. Эти атомы под влиянием движения этих частных частичных вихрей, слагаются в общие оболочки и сдавливают вихри в одну общую кучу, что производит видимое для нашего глаза твёрдое тело. Для наглядности представления сравнивают подобное строение материи с циклонами, носящимися в воздухе, с роем пчёл, с кучей муравьев, с летящей саранчой, застилающей иногда всё небо. Единственная при сём неверность в представлении состоит лишь в том, что все эти рои не становятся в такое зависимое положение по отношению к окружающей их среде, а потому не достигают должной связности между собой.

Обращаясь к органическим телам, мы видим больший порядок, бóльшую целесообразность движения тех же самых приведённых в вихревое движение частичек материи. Мы видим бóльшую сложность их движения и правильный строй в общем состоянии каждого живого организма; он управляется чем-то, в нём есть нечто, распределяющее каждый из этих частичных вихрей, не только по роду его, но и по достоинству. Мейер говорит, что «силы, действующие в живом организме те же, что и в неорганическом теле, но только живой организм обладает способностью удалять вредные и отжившие части из организма». Он сохраняет и распределяет годные, следовательно, это «нечто» находится в связи с каждой материальной частичкой нашего тела, иначе это «нечто» не могло бы подвигать каждый атом, даже атом кости нашей наружу, по мере изнашивания каждого из них, и затем упразднить его за

негодностью. Это ясно, других объяснений мы не в состоянии сделать.

Что это за форма, которую требует Кювьё? Он говорит, что форма важнее материи, ибо материя меняется постоянно, а форма остаётся неизменной для каждого индивидуума. Если это «нечто», что требует Мейер, проникает всё тело, управляет каждой частью и остаётся всегда, во всю жизнь особо, постоянным, оно и должно составлять ту форму, которую требует Кювьё. Вопрос, конечно, что это за «нечто», – эфирный ли это двойник человеческого тела, или нет, – во всяком случае подобное объяснение само напрашивается и чрезвычайно было бы логично. Что может мешать такому предположению, если доказано, что в природе эфирных тел много?

Подобное допущение объяснило бы нам многое из жизни организмов: 1) мы получили бы разъяснение на положение Бюффона, – он сказал, что основу нашего тела составляют силы; но силы не могут передаваться через пустоту, не могут действовать вне тела, значит они передаются через что-нибудь по всем направлениям к каждой частичке тела, к каждому частному вихрю, и при том вполне целесообразно. Эта целесообразность должна быть доведена почти до разумности, сохраняя породу, вид, форму существа или зародыша и всякой органической клеточки, коей принадлежность она составляет.

Эта короткая фраза, сказанная Бюффоном, включает в себе целый мир затруднений. Сосредоточие целесообразных сил, управляющее миллиардом вихревых частиц, ничем между собой не связанных, дающих жизнь целому организму, не может состоять из чего-либо разрозненного, оно неминуемо должно быть само правильно организованным организмом, и наилучшее представление, которое мы можем себе составить, есть именно та форма эфирного тела, проникающая весь организм, которая и называется: Церковью – душой, спиритизмом – полуматериальной оболочкой духа, теософами – астральным телом.

2) Кювьё утверждает, что тело 80-ти летнего старца состоит из частиц, настолько же новых и свежих, как и ребёнка, только что начинающего ходить, и спрашивает, что же в нас состаривается? – Теперь мы можем ответить: – стареется основа наша, сосредоточие

жизненных сил в нашем эфирном теле, оно отживает свой век и постепенно потухает, оно стареется и делается неспособным удовлетворять всем потребностям организма; стареется в нас то, что производило в нас видимый организм, – стареется в нас жизненная способность эфирной оболочки души, управляющая всеми частичными вихрями, образующими наше видимое тело.

Что не нервы передают мозгу ощущения, – высказывали уже многие учения. Они находили, что нельзя предполагать, чтобы сами нервы при передаче ощущений колебались бы, как музыкальные струны: это колебание происходит не в нервах, а в эфире, проникающем их и все ткани нашего тела.

1) Первый высказал это, как предположение, **Ньютон** в двух своих произведениях: в первый раз – в конце своих «Principia», а в другой раз в «Optics».

2) **Гэртли** подробно и многосторонне доказывал это. Приводим его подлинные слова (Conjec q. de Sensu, p. 41), как окончательный вывод его системы передачи чувств: «Внешние предметы, действуя на чувства, вызывают сначала в нервах, испытывающих их влияние, – а потом и в мозгу, – колебание мелких, или, как можно выразиться, бесконечно малых частиц мозгового вещества. Колебания эти суть движения взад и вперед и подобны колебаниям маятника или дрожанию частиц звучащих тел. Необходимо представлять себе эти колебания крайне короткими и слабыми, так что они решительно не могут действовать или приводить в движение всю массу мозга и нервов. Было бы в высшей степени нелепо предполагать, что нервы колеблются всей своею массой, подобно музыкальным струнам».

3) Швейцарский натурфилософ **Шарль Боннэ** в своей «Contemplation de la Nature» порицает тех физиологов, которые думали иначе. «Они хотят, – сказал он, – заставить нервы колебаться как струны, для того чтобы передать ощущения мозгу. Но ведь нервы дрожать не могут, их природа совершенно не та, они мягки и вялы». (Льюис, т. II, стр. 219, 220).

4) «Никто не станет отвергать, – говорит **Дарвин** (Zoonomia, 111, 112), – что мозговое вещество головного мозга и нервов имеет известную форму; вещество это, будучи распространено почти по всему телу, должно иметь и форму приблизительно такую же, как

и тело. Но так как животворящий дух, или жизненный принцип, заключён именно в этом веществе, то и он имеет такую же форму, как и оно, т.е. приблизительно форму тела. Когда в нас возникает ощущение твёрдости, то это значит, что в это время какая-либо часть органа осязания, занимающего огромную поверхность, сжимается тем или другим внешним предметом, и при этом сжатая таким образом часть чувствительности вполне принимает форму сжимающего его предмета. Поэтому, когда мы приобретаем понятие о твёрдости, в нас вырабатывается и идея формы. Эта идея формы, или движение части осязательного органа, совершенно походит по своей форме на форму предмета, вызвавшего эту идею, и таким образом последняя даёт нам точное понятие об этой стороне внешнего мира».

Гэртли и Шарль Боннэ принимали эфирные токи, заключающиеся в нервах за посредников передачи ощущений в чувствующий и сознательный центр. Мы видели, что Дарвин идёт дальше, он считает способность эту прямо свойством этого сознательного центра, который он прямо и без всяких научных обиняков называет *духом*, не упоминая о посреднике, ибо, по его мнению, этот посредник должен быть нераздельной частью существа самого духа и должен он непременно состоять из эфира; «ибо всеобъемлющий дух, – говорит Дарвин, (*Zoonomia I, 115*) – передавая или получая движение от твёрдых тел, должен и сам обладать свойством твёрдости. Затем этот дух, воспринимая другого рода движение, получаемое им от света, должен обладать свойством света передавать это движение, обуславливающее собою видение. Равным образом дух обладает и свойством передавать возбуждения вкусовые, обонятельные, осязательные и слуховые». (Льюис, г. II, стр. 227).

С другой стороны, если наука признала душу, – элемент чисто отвлечённый и источник мысли, разума и воли, не имеющий ничего материального и вещественного в своём сложении, который проявляет своё полное влияние и могущество над телом и играет совершенно ту же роль, по выражению профессора Пурготи, как и машинист для паровоза, то является совершенно понятный вопрос: чем связано грубое тело, или каждая неодушевлённая и не-

разумная частица тела с этим отвлечённым и чисто духовным элементом? Совершенно логично предположить, что связь эта заключается именно в эфирном теле, заполняющем все промежутки материального тела и составляющем вместе с тем и сосредоточие тех сил, которые требует Бюффон в живом организме; эта связь, по крайней мере, нам была бы понятна и наглядна.

Т. Креббс, в «Превращении энергии» (стр. 83), говорит: «Основатель атомистики философ Демокрит (500 лет до Р. Х.) учил, что душа состоит из само-мельчайших и самых гладких атомов, что жизнь есть результат движения душевных атомов, по телу. Совершенно то же проповедовал Эпикур; и нельзя отвергать, что теперешнее естествознание во многих отношениях согласуется с воззрениями этими. Наука в последнее столетие встречала на каждом шагу подтверждения этого учения».

Если сохранение состояния неорганической частички требует уже особой эфирной оболочки, обуславливающей форму частного, вихреобразного движения, то совершенно логично, что с приобретением лишних условий своего существования и эти оболочки более соответствуют характеру явлений, являясь в сложных органических телах более усовершенствованными эфирными телами. Ведь нет никакой необходимости предполагать, что эти двойники, при всей своей эфирности, вместе с тем имеют такое же крепкое сложение, как, например, костяная основа нашего материального тела, чтобы быть в состоянии осилить давление воздуха, свой собственный вес и другие материальные препятствия. Не забудем, что эфирные тела веса не имеют, ибо они по природе своей невесомы, они занимают пространство между нашими материальными частицами и сами составляют причину веса нашего весомого тела, следовательно, они сами по себе вполне активны и деятельны, но природа этой деятельности совершенно другая, чем та, которую имеют частицы нашего тела.

Многие материалисты, между прочим Мольдер, смеются над учением о жизненной силе и сравнивают её с битвой, в которой участвуют тысячи сражающихся, однако ж, так, будто там действовала только одна сила, которая стреляет из пушек, рубит саблями и проч. «Совокупность этих выводов, – прибавляет Мольдер, – не есть результат одной силы, – силы сражения, но совокупность

многих действующих сил». Из этого они заключают, что жизненная сила не есть начало, а только следствие.

Они и сами не подозревают, как они близки к истине. Сравнение тела человека с правильно организованным полком совершенно верно и наглядно обрисовывает нам внутреннюю жизнь человека.

Если необходимо, чтобы войском распоряжался один начальник и для единства тысячи солдат нужна самая строгая дисциплина, – тем более необходима сила, которая бы управляла материей и приводила в гармоническое единство миллионы частиц, составляющих тело. Эта-то одна сила и даёт жизнь телу, также как полку – управляющая им власть. Рекруты приходят, старые солдаты возвращаются домой, и через один месяц составляется новый полк. В течение этого времени отпуска, частные вербовки производят изменения в составных частях войска. Всякий солдат, всякий офицер есть не больше как номер, – личность каждого ничего не значит.

Солдаты, офицеры и полковники переменяются, а полк остаётся в прежнем своём составе. Военная иерархия есть единица, – это и составляет её силу. Что касается до составных частей этой единицы, – их не берут в расчёт. Неоспоримо также, что командующий полком в службе значительнее простого солдата, также как атом мозгового жира значительнее кусочка ногтя. Но то, что составляет ствол или узел разветвления дерева, не составляет ещё всего дерева. Таким образом сравнение наших противников скорее подтверждает, чем опровергает нашу мысль.

Но полком командует воля; эта воля, изливаясь в форме устных приказаний, действует на расстоянии на каждую частичку полка, или на каждый номер, ибо эта частичка существо разумное, мыслящее и повинуетя разумно этой воле; частички же, составляющие наше тело, не обладают разумом, а поэтому приказания воли должны быть передаваемы иначе, они должны выражаться в вещественном воздействии на них: извне эта воля должна выражаться силой, порождающей движение; в этом отношении ещё нет научных затруднений, – это ясно; затруднения начинаются лишь с того момента, как мы спросим: что передаёт волю и производит это кипучее движение? По-нашему, бесспорно, это – эфирное тело,

или полуматериальный двойник наш; материалисты же смеются и отрицают, но взамен никаких объяснений не дают, никаких теорий, хотя бы даже каких-либо научных опровержений.

Проследим, нет ли в самом деле в науке серьёзных свидетельств, могущих подтвердить наш вывод? – Конечно, есть, но ни одно из них не было принято позитивизмом; мы почерпнём их из статьи «Астральное тело, как субстанция человека», написанной одним из выдающихся и чрезвычайно популярных современных германских философов и мыслителей, бароном Карлом дю-Прел (Sphinx, 86 г., март). Он приводит нижеследующие свидетельства.

1) Аристотель положил в основание своего учения о душе следующее воззрение: «Если душа не только мыслит, но и организует, то форма существ должна быть её делом». Эта «форма» является у него не простой абстракцией, а организующим материю принципом, и хотя у него отношения формы к душе часто совершенно не ясны, тем не менее, смысл его учения в том, что форма – результат деятельности души. То, что скрыто в веществе, как простая возможность, превращается формой в действительность, и потому-то Аристотель называет душу энергией или энтелехией вещества. Когда же он говорит, что душа составляет энтелехию тела (De an. II, 1), то приравнивает этим отношения между душой и формой к отношениям между органом и деятельностью. Форма вещей, в качестве творческой силы, должна им предшествовать; она-то и составляет действительную сущность вещи и заключена внутри самой вещи. Если мы попробуем определить форму вещи, то выразим этим самую сущность её, которую невозможно представить себе независимо от формы вещи. Поэтому жизнь не представляет собой простого соединения души с телом, но душа способна столь же мало разъединяться от тела, как, напр., глаз и способность зрения.

«Если способность к организации переживает смертный организм, потому что смерть поражает лишь проявление, а не причину, то тело делается тем самым как бы бессмертным. Существующая уже в материнском чреве способность души проявляться телесно должна сохраняться за ней и после смерти тела, перевоплощение должно быть возможно. Если между душой и телом существует необходимое соотношение, и если тело составляет лишь внешнее

выражение того, что представляет собою живущая в нём душа, то и эта душа должна быть существом, в известном смысле обладающим формой, и которое, в свою очередь, нам приходится представлять себе так или иначе материальным. Необходимость такого логического вывода ничуть не пугает Аристотеля; он действительно приписывает душе вещественность, называя составляющее душу вещество, которое, по его мнению, совершеннее и тоньше каждого из четырёх элементов и родственно эфиру, то теплотой, то пневмой». (Gen. an. II, 3).

2) «**Теофраст второй** называет также божественное тело души эфирным». (Zeller. Philosophie der Griechen, II, 2, 3, 7).

3) «**По мнению стоиков**, душа также обладает вещественной формой и занимает пространство. Она уже потому не может быть бесформенной, что распространена в теле по всем трём измерениям; а то, что обладает протяжённостью, несомненно, должно быть вещественным». (Там же, III, 194, 708).

4) «**Эпикурейцы** учили о взаимодействии души и тела, чтобы иметь возможность вывести из этого взаимодействия воздухообразную телесность души». (Там же, III, 1, 417).

«Это для нашего столетия столь парадоксальное воззрение, однако, разделявшееся всеми средневековыми мыслителями, к которому должно прийти каждое мистическое учение, казалось греческим философам столь естественным, что они для обозначения тела человека даже имели два различных названия: „саркс“ и „сома“: словом „саркс“ обозначалось тело, в отличие от души; душа же, насколько она телесна, называлась „сома“». (Там же, III, I, 443). (Ребус 89 г., стр. 265, 266).

5) «**У неоплатоников** астральное тело составляет как бы колесницу души, её невидимое одеяние, эфирное, бессмертное, воздушное тело. Наше физическое тело, рассматриваемое как материя, как изображающее душу вещество, чуждо нашей душе, и подобно палатке, в которой мы не дома, хотя в то же время и не на чужбине; но то же тело, рассматриваемое как форма, принадлежит душе, потому что бессмертна не только мыслящая, но и организующая душа. Организующий принцип, лежащий в основе нашего организма, со смертью тела не разрушается: его действие – вещественное тело – погибает, причина же – остаётся».

6) «По Ямблиху и Порфирию, эфирное тело переживает физический организм; оно определяется Ямблихом, как неизменяющееся световое тело, не нуждающееся ни в чём для своего сохранения». (De myst. Aegypt. 1. 8. V. 10).

7) «Философ Прокл говорит, что эфирное тело после смерти, смотря по качественному состоянию души, остаётся более или менее чисто, и с этой чистотой он связывает возможность явления духов людям». (Zeller. III. 2. 314).

8) Барон Карл дю-Прель в своей статье поясняет, что не у одних древних греков астральное тело добыло себе право гражданства. «За исключением дубоватых материалистов, – говорит он, – все философы и естествоиспытатели приняли существование организующего принципа, как различно ни называли и ни определяли они его, начиная с идей Платона и до внутренней основной формы Бюффона, жизненной силы виталистов, и метаорганизма Гелленбаха, чем и утверждается потенциальная способность не находиться в зависимости от материала, которым орудует, – создание тела из органических клеточек является лишь одним из возможных самоизображений души».

«Кто не в состоянии удовлетвориться неосуществимым представлением только мыслящей души, т.е. такой, в которой мышление является не столько функцией, сколько самой сущностью, и где душа обращается в простую мысль, тот а priori должен допустить существование носителя душевного мышления, который можно себе представить лишь обладающим формой. Вот почему Эпикур полагал, что даже за богами нужно признать образность, но что этот божественный образ, вследствие тонкости составляющих его элементов, не может быть воспринят нашими чувствами и доступен нам лишь духовно. (Plutaeh. De plac. phil. I. c. 7). По его мнению, те, которые объясняют душу невещественно, говорят вздор, потому что, если бы душа была действительно такою, как они полагают, то не могла бы ни действовать, ни ощущать».

Это представление, по отношению к которому средневековый дуализм составлял шаг назад, было у греков господствующим: душа строит тело из самой себя, тело составляет её делимую часть и входит в понятие о душе, и только про известное вещественное тело, самый материал, можно сказать, что она получает

его извне. Отсюда различие вещественного тела от тела, собственного душе.

Древние греки, при их эстетической манере одеваться, при характере их искусств, танцев, общественных игр и находящемся в связи с климатом их родины отсутствии ложной стыдливости, были бы до крайности удивлены скудостью принципов нашей физиогномики; они совершенно не поняли бы, почему мы ищем согласования между внутренним и наружным лишь в особенностях одной части нашего тела – голове, и сделали бы нам совершенно основательное возражение, что не одна голова, а весь организм составляет видимое проявление души.

Форма нашего организма должна иметь в оформляющей душе свой трансцендентальный прототип, и вступление в земное существование трансцендентального субъекта представляет собой лишь уплотнение размеров этой схемы. Вот то воззрение, которое существовало у древних греков под понятием астрального тела – (юхема). Это астральное тело составляет неизбежное логическое следствие всякой попытки объяснить человека.

Дальнейшие определения астрального тела, в виде заключения в греческой философии, мы находим в библейской антропологии, где делается два различия.

Первое представляет выражение чувственно-вещественной субстанции тела, которая, подобно материи, преходяща (изменячива), составляет источник и естественное основание зла и заблуждений и уничтожается смертью. Ему противопоставляется пневматическое тело, которое, правда, тоже не совсем лишено субстанциальности, но состоит из небесной, световой субстанции.

Идеями Аристотеля определилось направление и дальнейшее развитие философских учений. Одно только естествознание ничем не содействовало разработке идеи астрального тела.

Ещё на первых вселенских соборах астральное тело сделалось предметом догматических определений, но Церковь, желавшая, по всем понятным причинам, удержать идею бессмертия и не расположенная к естественно-научным воззрениям, не видела необходимости особенного напирания на организующую способность души и передвинула действительное соотношение особенностей

души, склоняясь на сторону дуалистического учения. На халкедонском и четвёртом лютеранском соборах настоятельно предлагалась дихотомия; трихотомия же была отвергнута, как вредная ересь, почему позже отцы церкви, отнюдь не оказавшиеся от астрального тела, присоединяли его то к духу, то к физическому организму. Наконец, собор в Виенне, в 1311 году, постановил в духе учения Аристотеля, „считать еретиком всякого, кто позволить себе отрицать, что душа составляет форму тела“. На этом соборе, постановления которого были направлены против лжеучения Ивана Петра Оливы, было провозглашено, что дух человека так тесно соединён с его телом, что образует не одно только внешнее, но и внутреннее единство и потому составляет существенный фактор человека». (Реб. 1889 г., стр. 281, 282).

В силу данных естествознания мы должны приписать душе протяженность по меньшей мере в том смысле, в каком эта протяжённость признаётся за растительным зародышем, как потенциальная способность, как сила пластическая и созидательная, в смысле Аристотелевой формы. Скрытая в зародыше способность обратиться в растение только тогда и мыслима, если сам зародыш уже предварительно дифференцирован морфологически и состоит из органически соединённых частей. Под физическим влиянием внешнего мира и чрез питание совершается рост зародыша. Невозможность непосредственного наблюдения такой микроскопической, атомистической систематики может нам столь же мало помешать признать её, как мало невозможность непосредственного наблюдения атомов помешала физику признать их существование. Форма, в качестве образующего принципа, должна быть приписана зародышу не идеально, а реально, и эта реальная образность должна рассматриваться действующей под влиянием внешних жизненных условий причиной будущей реальной оформленности.

«Разнообразие животного и растительного царств, – говорит дю Прель, – заставляет нас допустить необходимость систематического расположения самих атомических составных частей вещества (развивающихся впоследствии в организм), хотя микроскопическое исследование и не обнаруживает нам ничего подобного. Замечательное разнообразие растений и животных и их видовое бо-

гатство должно обуславливаться уже этой атомистической систематизацией».

9) Лейбниц совершенно также глядел на этот вопрос и благодаря этому воззрению, вероятно, и был принужден к признанию существования астрального тела.

«Наблюдения естествоиспытателей, – говорит он, – позволяют принять, что существование созданий не начинается, как то обыкновенно полагают, с зарождения их, но что семенные животные, или оживлённое семя, уже существовали с самого начала вещей; порядок же и рассудок требуют, чтобы всегда существовавшее в прошлом никогда не переставало существовать и в будущем. Следовательно, зарождение составляет лишь увеличение в объёме заранее сформировавшегося и развившегося существа, а потому и смерть только уменьшение переформированного и свернувшегося создания, составляющего неизменяющуюся основу всех этих метаморфоз, подобно тому, как, напр., гусеница и бабочка составляют одно и то же животное». (*Betrachtungen über einen allgemeinen Geist*).

10) Парацельс говорит: «Поймите же меня хорошенько: у человека два тела: одно – состоящее из элементов, другое – из астральной материи, почему их и следует различать.

После смерти человека его элементное тело, с его духом (жизненной силой) зарывают в могилу, астральное же тело сливается с эфиром, и дух изображения возвращается к тому, кем было сотворено изображение. Человек обладает двумя телами – элементным и астральным, но оба тела составляют одного, единого человека. Смерть разъединяет совместную жизнь этих телес. (*Philosophia sag. I. 3. T. II*).

Парацельс считает астральное тело свободным от всех недостатков физического тела, а трансцендентальное сознание – от всех недостатков чувственного сознания: «и если природа и ошибётся, где-нибудь, то на душу и дух эти ошибки не простираются, – они от воплощения не изменились. Например: вот один родился кривым и хромым, без ног, так что принуждён ползать по земле; а вот другой здоровый, могущий бегать. Который же будет хромым на том свете? – ни тот, ни другой. А который будет дураком? Тоже, ни тот, ни другой. И вот потому-то не следует никого считать или

называть глупцом или дураком, так как ошибка здесь лишь со стороны физической природы, которой мы подпали», (*De generatione stultorum* W.W. II, 180).

11) Эттингер тоже не может себе представить духа не обладающим телесностью: «Никакая душа, никакой дух не могут существовать без тела (*Vom der Verbindung d. Seele d. Körpers.* 10), и никакая духовная вещь не может быть совершенна, не обладая телесностью. Всё, что дух, – вместе с тем и тело. (Эттингер видит в телесности созданий не недостаток, а, наоборот, совершенство). Телесность составляет реальность или совершенство, если только эта телесность очищена от недостатков, свойственных земной телесности».

12) Философов Боодер говорит: «Если я, живя ещё сам земной жизнью, познаю все земные тела, .тишь как предметы и сопротивления, которые я принуждён устранить, сломать или разделить, чтобы иметь возможность существовать в телесном образе, то внезапное превращение моего тела в динамическое (астральное) имело бы для меня то последствие, что все эти земные тела сделались бы для меня призрачными телами, и моё собственное тело перестало бы для них существовать, как не могущее, по своей тонкости, ощущаться ими. В материализованной природе прикосновение обуславливается непроницаемостью, а видимость – непрозрачностью; прямая противоположность этому существует в материальной природе». (Там же).

Как ни парадоксально для нас понятие об астральном теле, тем не менее оно подвергалось всесторонней обработке, не только философами, медиками, теологами и мистиками, но и народным сознанием.

Отрицание дуализма силы и вещества и признание их лишь разными сторонами одного и того же основания (первого начала) мы находим и в среде материалистов, напр. у Бюхнера. Но такого рода монизм – лишь словесный монизм. Если бы утверждение Бюхнера было им сколько-нибудь логически продумано, он был бы вынужден перейти от него к метафизическому индивидуализму или, по крайней мере, к пантеизму.

«Но наш просвещённый век, – говорит барон Карл дю-Прель,

– собравшись совсем похоронить всякую мистику, в действительности не мог даже вычеркнуть из задач философии астрального тела. Разработке его посвятил свои умственные силы целый ряд философов и естествоиспытателей, как то видно из литературных списков, приведённых Генингсом, Даумером и Фезнером; при этом последний сам оказывается вынужденным признать существование астрального тела. В новейшее время заслуживают особенного внимания труды Фихте младшего и Форшлаге».

Германский мыслитель Фихте младший, в своём психологическом учении, дошёл философским путём до понятия о душе, как о внутреннем теле человека, т.е. до тех же двойников человеческого тела.

Приведём его взгляд из книги «Современные направления в науке о душе (СПб. 1886 г.) профессора Влаславского». – Фихте младший, объясняет автор, желал примирить в своей философии односторонности двух направлений: идеального и реального; эту односторонность сознавали и заявляли раньше Фихте многие другие германские мыслители. Областью приложения этой теории служит не одна психология, но и вся философия. Фихте считает душу реальным существом, т.е. признаёт за нею качественное, определённое, действительное бытие, а никакое качество не мыслимо без того, чтобы оно не заключало в себе количественной формы, определённой известными свойствами.

Душа, по его теории, сама создаёт себе в теле свой пространственно-временной образ и, конечно, созданием души, в этом случае, нельзя считать обыкновенное тело – собрание веществ, управляющих известными физическими и химическими законами.

Разбирая человека с этой точки зрения, Фихте естественно пришёл к понятию органической силы. Вполне целесообразность устройства нашего тела, до мельчайших подробностей приспособленного к деятельности души, подтверждает, по убеждению Фихте, его идею о внутреннем теле. И так, внутреннее тело есть нечто среднее, посредствующее – между душой и физическими элементами, составляющими видимое тело. Психология оставалась бы, по его мнению, крайне неполною наукою, если бы она не пыталась раскрыть смысл душевной жизни и разгадать загадку бы-

тия. «Мы живём в этой жизни, – говорит Фихте, – только для будущей, даже уже отчасти будущей жизнью; ибо как же иначе понимать внутреннее неразрешимое разногласие между истинными потребностями и желаниями человека, и тем, чего он вообще здесь может достигнуть?.. Короче, настоящая жизнь понятна лишь, как отрывок будущей. Поэтому психология и антропология должны заканчиваться в теософии и служит для неё основанием. Человек должен знать вечное, но он может найти его только в Боге».

Не логично ли заключить из всего вышесказанного, что понятие об астральном теле, или о полуматериальной оболочке души, не может идти в разрез с данными всякой логической науки, каких бы положительных знаний ни желал держаться человек; ибо все выводы бесспорно клонятся к признанию его?

На этом основании мы считаем себя в праве, в дальнейших наших рассуждениях, говоря о душе, всегда воображать её облечённой в некоторую эфирную оболочку, которая и есть орудие передачи разума, воли, мысли и чувства, составляющих проявления или принадлежность разумного и духовного начала, или нас самих и нашего чувствующего и сознающего «я».

Глава VIII.

Полуматериальная оболочка.

На основании всего вышесказанного, мы принуждены принять, как более вероятное и логичное, что существо человека составляют не три элемента, но четыре, а именно:

- 1) Материальное тело.
  - 2) Жизненная сила, или начало.
  - 3) Духовное и разумное начало, или наше сознательное «я».
- и в 4) Полуматериальная и эфирная оболочка нашего сознательного и отвлечённого «я». Её часто называют двойником человеческого тела.

Первые два элемента нужны человеку для возможности жизни на земле; без них он не мог бы быть человеком и не мог бы проявлять своей земной деятельности. Эти два элемента имеют чисто земной, временный характер и после смерти человека уничтожаются безвозвратно. Последние два элемента остаются неприкосновенны для смерти, и существо духа, освободившись от тела, делается свободным и независимым от законов вещества.

В обыкновенном разговорном языке принято называть *душой* совокупность последних двух элементов в то время, когда они находятся в теле человека, живущего на земле; и ту же совокупность называть *духом* после смерти человека. Мы будем придерживаться этой номенклатуры и, говоря дух, или душа, будем подразумевать субъективное наше «я», всегда облечённое в некую эфирную оболочку. Живёт ли человек на земле, или избавился уже он от атрибутов земной жизни, это не мешает душе во многих отношениях быть совершенно тем же духом, но поставленным временно в несколько другие, более трудные и стесняющие его условия.

Принимая эту номенклатуру, мы считаем, однако, долгом оговориться и предупредить читателя, что слова: душа и дух разными учениями и верованиями понимаются иначе, и потому, чтобы не впасть в крупные недоразумения в сём, и так уже весьма шатком вопросе, следует всегда обращать особое внимание на понятие, которое подразумевается авторами каждого учения под словами: душа и дух.

Мы не имеем никакой возможности представить себе дух, или душу, иначе, как чисто отвлечённым существом, но всегда облечённым в некую полуматериальную оболочку, которая более или менее эфирна, тонка и разжижена, а потому более или менее ограничивает район жизненной деятельности духа в известной сфере, или в какой-нибудь одной определённой области загробного мира. Мы не можем себе представить, чтобы эта свобода не была бы ничем ровно ограничена для всех духов, даже для тех, уровень развития которых находится ещё на низшей степени иерархии духовного мира. Не может быть представлена им одинаковая возможность пребывания во всех отдалённейших уголках вселенной и во всех беспредельных областях бесконечного загробного мира. Один Бог Беспределен, Бесконечен и Вездесущ, духи и слуги Его неминуемо должны быть ограничены в проявлении своей жизненной деятельности своими собственными качествами и свойствами, выражающимися степенью эфирности их полуматериальных оболочек, не дающих им возможности удаляться за пределы области, положенной для жизни каждого из них. Люди ограничены ещё больше духов. Ведь в сущности человек тот же дух, но он временно прикован к земле своим земным телом, которое заставляет его жить и проявлять свою деятельность только на поверхности земли, влача всюду за собой груз своего тяжёлого и крайне неповоротливого тела. Это тело при жизни духа на земле играет роль механического тормоза, связывающего динамическую свободу духа; но, кроме того, оно в состоянии, парализовать совсем, или только до известной степени, некоторые духовные чувствования и понимания, которые имел дух до входа в это тело.

Духи, хотя бы и самого низшего духовного и нравственного развития, несравненно более свободны, чем люди, и чувства их и понимание себя и окружающей их природы не стеснены так

сильно их эфирным телом. Однако, эта эфирная оболочка составляет и у духов (до некоторой степени, конечно) так же, как и у людей, динамический тормоз их передвижениям по мировым пространствам и удерживает их в тех пределах или районах заоблачного мира, которые предназначены каждому для проявления их жизненной деятельности.

Свойства, качества и степень эфирности этих полуматериальных оболочек во всём должны соответствовать степени духовного, нравственного и разумного развития духа; иначе было бы невозможно ему проявлять своих способностей, удовлетворять своим желаниям и стремлениям и преследовать свои жизненные цели свободно и самостоятельно.

Чем дух духовнее, чем чище и возвышеннее его желания и стремления, чем он более способен проникать в глубь тайн природы и предначертаний Божьих, тем более он по составу существа своего должен приближаться к идее чистой отвлечённости и духовности, каким мы должны себе представлять Бога Бесконечного и Вездесущего, не имеющего ничего материального и вещественного в Своём Бесконечно и Абсолютно – Чистом Существо. По мере того, как интеллектуальное развитие духа удаляется от Идеала Вездесущности, и полуматериальные оболочки их, вместе с уменьшением степени развития, делаются менее эфирны, менее разжижены и менее чисты, а следовательно, всё более и более стесняют деятельность духа и ограничивают район возможности пребывания его в мировых пространствах.

Чем дух менее интеллигентно развит, чем привязанности, привычки и особенности характера его более сосредоточиваются на предметах вещественных и земных, чем вкусы его грубее, чем он сам эгоистичнее, порочнее и носит на себе бóльший отпечаток земных разнузданных страстей, – тем и мысли его и цели жизни, и желания, и стремления более вращаются вокруг того, что могла бы ему дать одна земля, а следовательно, для выполнения задачи его загробной жизни и не требуется большой эфирности полуматериальной оболочки; она у подобного рода низших духов, говоря относительно, плотна, тяжела и стесняет в высшей степени район их жизненных отправлений.

Теософы называют эти полуматериальные оболочки духов и

душ – астральными телами на том основании, что, будто бы, качества этих астральных тел соответствуют способности духа иметь временное пребывание на разных планетах. Они полагают, что чем больший район деятельности охватывает дух в беспредельных мировых пространствах, тем и оболочка эфирнее, легче и удобоподвижнее, дающая духу возможность пребывания на большем числе планет и солнечных систем. У низших же она до того груба, тяжела и мало подвижна, что не позволяет им удаляться из пределов атмосферы одной какой-либо планеты. Это учение об астральных телах весьма правдоподобно и вполне соответствует логическому выводу, построенному на вышеприведённых научных данных.

Говоря, что эфирная оболочка груба или легка, разжижена или тяжела, мы применяемся только к человеческому языку и земным номенклатурам, которые решительно неприменимы к небесным сущностям, а очерчивают нам их весьма неточно и только отчасти. Точного понятия о них человек не может себе составить, у него нет для этого ни достаточной прозорливости, ни соответствующих чувств, ни понятия об измерении высших степеней, ни, наконец, соответствующих в его лексиконе слов для выражения своих понятий, дабы иметь возможность передать другому то, что кому-нибудь одному удастся иногда видеть, ощущать или чувствовать, – но зато у человека есть разум и воображение, которые могут дать ему возможность приспособить свои понимания природы аналогичными сравнениями; через это он иногда может составить себе кое-какое представление, приводящее его к заключению о возможности допущения в природе того, что выходит из пределов познаваемости человека.

Разбирая же вопрос о степени эфирности тел, мы уже по самой строгой науке, не удаляясь ни на йоту в своих умозаклечениях от давно известных научных данных и идя вполне логическим путём мышления, можем прийти к возможности допущения не только эфирных материй, более плотных и более лёгких, но и к допущению такой среды, которая ещё более легка, чем эфир, ещё более тонка и играет в природе для образования эфира ту же роль, какую эфир играет при образовании нашей весомой материи.

Для указания возможности допущения существования в природе подобного рода в высшей степени разжиженных материй высших порядков или измерений, которые были бы настолько реже эфира, насколько эфир реже нашей материальной среды, нам придётся вернуться опять к вопросу о сущности вещества и разобрать его на основании тех данных, до которых доходит В. Татаринов в своём строго математическом труде «О свойствах эфира».

Если от принятых В. Татариновым данных, выведенных на основании строго математического анализа, подвинуться логическим путём только на один шаг, то получаются уже вполне ясные подтверждения возможности допущения целого ряда тел, жидкостей, эфирных сфер, и вообще таких состояний материй, одна другой разжиженнее и могущественнее (ибо одно состояние материи служит причиной существования другой), что по неволе придётся заключить, что в этих до бесконечности разжиженных материях и кроется самая суть нашей жизни и самый смысл бытия.

Сущность вещества.

Начнём обзор сущности материй с данных, принятых В. Татариновым. Он говорит:

«В настоящее время механикой признаются следующие факторы: материя, движение и сила.

Из них, как говорят, материя не подвергается никаким изменениям, а сила может перейти в движение и обратно: движение может перейти в силу. Так, по крайней мере, говорят. Но вместе с тем говорят также: *материя и движение суть вечны.*

Силы разделяются на два класса: 1) силы, действующие, по видимому, на расстоянии (всемирное тяготение, магнетизм, электричество) и 2) силы, действующие при соприкосновении материи (живая сила удара, частичное сцепление, химическое сродство). Кроме того, существует понятие, касающееся свойства материи: это инерция материи, на основании которой объясняют явление центробежной силы. Мы хотим сказать, что понятие о центробежной силе не есть понятие о какой-либо новой силе, а есть просто

представление о свойстве материи сохранять полученное движение.

Все известные силы, действующие на конечном расстоянии, подчиняются одному закону: *их напряжение обратно пропорционально квадрату расстояния.*

Относительно одной из них – электричества – мы видели, что действие её распространяется собственно от частицы к частице, а не есть действие на расстоянии.

Понятие о магнетизме неразрывно связано с понятием об электричестве, а потому и его действие должно передаваться собственно от частицы к частице.

Остаётся одно всемирное тяготение. Но ввиду того, что его действие подчиняется тому же закону убыли с увеличением расстояния, – является необходимое обобщение, что и оно передаётся от частицы к частице.

Таким образом, оба вида сил сводятся к одному, т.е. все силы действуют при соприкосновении материи. Поэтому за тип силы можем принять силу удара, другими словами, само движение. Такой взгляд тем удобен, что уменьшает число факторов и, следовательно, упрощает все задачи. Удар, как известно, обладает отталкивательными свойствами, и потому может родиться вопрос: *как же объяснить факт притяжения?* – Постараемся ответить на него следующим образом.

Для удара необходимо движение. При поступательном движении тело отталкивает передние тела, а сзади себя оставляет пустоту, в которую попадут соседние тела, отталкиваясь в свою очередь друг от друга. Наблюдателю же будет казаться, что движущееся тело притягивает задние тела. Это – во-первых.

Во-вторых, есть ещё вид движения без перемены общего занятого телом пространства, это – вращение около неподвижной оси. Этот вид движения обладает свойством отталкивать в одном направлении сильнее, а в другом слабее. А именно: все ударяющиеся о вращающееся тело частицы после отражения приближаются к экватору. Следовательно, вращающееся тело как бы уничтожает те частицы, которые подходят к его полюсу и выпускает новые в

направлении ближе к экватору. Поэтому к полюсу будут подходить всё новые и новые частицы для замещения прежних, а наблюдателю будет казаться, что полюс вращающегося тела притягивает их.

Все эти явления могут существовать только в среде, частицы которой находятся в движении. Но частицы всякой известной нам среды действительно находятся в движении, и потому во всякой среде эти явления будут замечаться.

Материю, подобно силам, разделяют на два вида: весомую и невесомую. К первому относят то, что называют телами, ко второму – эфир. Прежде предполагали, что и эфир есть весома материя. Такое предположение выводили из того умозаключения, что если бы эфир был невесом, то и все тела, составленные по новейшим гипотезам из атомов эфира же, были бы тоже невесомы. Но теперь пришли к заключению о неправильности этого умозаключения, показав возможность получения весомых частиц из частиц невесомых, и составить гипотезу о различии между весовыми и невесовыми атомами.

К главным или первичным свойствам материи относят: непроницаемость, делимость и инерцию. Понятие о непроницаемости и инерции настолько сродны нашему уму, что относительно их не было высказываемо сомнений. Что же касается делимости, то хотя и она присуща нашему уму, но относительно неё учёные расходятся. Одни говорят, что делимость материи может продолжаться бесконечно до одной математической точки. Другие говорят, что её можно производить сначала до одной частицы, не изменяя вида тела; затем, с бóльшим уже трудом при одновременном изменении вида тела, можно частицу разделить на атомы, которые дальше уже не делятся. Можно бы было обе гипотезы согласить, допустив, что атом составляет математическую точку. Но такая гипотеза была бы чересчур абстрактна и малопонятна. Поэтому мы примем следующее математическое определение: *атом есть бесконечно малая величина очень большого порядка.*

К свойствам материи весомай относят удельный специфический атомный вес.

Это учение выражает два понятия: во-первых, оно предполагает, что атомы различных тел обладают разной способностью

притяжения; во-вторых, что масса их, количество заключающейся в них материи может быть разное. Но так как последнее допущение не согласуется: с одной стороны, со свойством делимости материи, и с другой – со свойством непроницаемости её, – то правильнее будет удельный атомный вес объяснять согласно другой существующей гипотезе тем, что деление материи, в случае получения различного атомного веса, произведено до разных пределов. Мы будем придерживаться этой гипотезы, развив её следующим образом.

Атомы мировой материи, из которых состоят все тела, весомые и невесомые, – одинаковы между собой. Это суть первичные атомы. Атомы же весомай материи или тел – состоят каждый из нескольких первичных атомов. Масса этих сложных атомов зависит от числа входящих в их состав первичных атомов. Вся эта среда находится в постоянном движении, различие между атомами весомыми и невесомыми заключается лишь в виде движения и разных скоростях. Атомы различных тел могут обладать разной скоростью вращательного движения, чем обусловится разная степень притяжения их.

Рассуждая о весомай материи, различают тела более или менее плотные. Понятие о плотности неясно именно ввиду существования гипотезы различного атомного веса. Дело вот в чём. Если мы берём одно и то же тело под разными давлениями, в различных состояниях, то все учёные сходятся в определении плотности и говорят, что при более плотном состоянии одного и того же тела расстояния между его частицами меньше, чем при менее плотном его состоянии. Но когда сравнивают тела разнородные, то одни учёные продолжают говорить то же, только относя свои рассуждения не к частицам, а к атомам материи; другие же утверждают, что изменяются не расстояния, а массы атомов.

Мы отклонили гипотезу о разном атомном весе, как несогласную со свойствами делимости и непроницаемости материи. Равным образом в понятии о плотности мы будем придерживаться учения об изменении её только с расстоянием между атомами. Но ввиду того, что частицы тел находятся постоянно в движении, мы дадим другое более научное определение плотности, а именно скажем так: *мерой плотности среды в данной точке может служить*

отношение времени, в продолжение которого точка бывает занята материей, ко всему времени наблюдения.

Кроме плотности в телах различают упругость их или давление, производимое ими на прикасающиеся к ним другие тела.

По отношению к газам все согласны, что упругость их определяется их плотностью и количеством движения, сообщённого их частицам. Другими словами, все признают, что давление, производимое газом, пропорционально нормальной слагающей количества движения его частиц, ударяющихся о тела, составляющие оболочку. Каждая точка этой оболочки получит число ударов, пропорциональное плотности, и сила каждого удара будет пропорциональна скорости каждого атома газа.

Те же рассуждения распространяются и на случай сжатого твёрдого тела, представляющего пружину.

Так как всякое изменение формы твёрдого тела сопровождается местными, но подчинёнными известному порядку расширениями и сжатиями его, т.е. увеличением и уменьшением его плотности, то, следовательно, напряжённое состояние пружины есть не более как изменение количества движения в различных его местах.

Представим себе две упругие перегородки и бросим между ними шар с известной скоростью так, чтобы он последовательно отражался то от одной, то от другой из них. Положим, что он при этом совершает в секунду по 20 ударов о каждую. Уменьшим теперь расстояние между перегородками вдвое. Тогда число ударов о каждую из них увеличится до 40, т.е. количество движения, совершившееся прежде на известном пространстве, теперь производится на пространстве вдвое меньшем, и перегородки получают вдвое большее давление. Таково значение изменения формы пружины, и вообще вида всякого тела.

Задача состоит в том, чтобы узнать, к каким колебаниям способна данная среда, и определить места, в которых будут отброшены те или другие атомы, чем-либо отличающиеся от атомов среды. Отсюда мы видим, кроме того, что для весомости материи нужно только одно качество её: её атомы должны чем-либо отличаться от атомов среды. Это-то обстоятельство и заставило отказаться от предположения, будто эфир должен быть весомым. Достаточно, чтобы атомы материи состояли из нескольких атомов

эфира, и чтобы каждый из них был бы вследствие этого больше атома эфира.

Представим себе следующий случай, следующее стечение обстоятельств.

1) Два атома движутся навстречу друг другу, но не по одной линии, а по двум параллельным линиям, с равной скоростью. Массы атомов, конечно, равны между собою.

2) Грани, которыми они соприкоснутся при ударе, перпендикулярны к направлению скоростей (это нужно, дабы после удара атомы не сохранили тангенциальных скоростей и не могли бы разойтись).

3) Точка приложения давления удара расположена так, что линия давления касается эллипсоидов инерции обоих атомов.

4) Главные оси инерции одного атома соответственно параллельны осям другого, и в каждом из них одна ось перпендикулярна к направлению скоростей.

Вследствие двух последних условий эти оси инерции могли бы обратиться после удара в свободные оси вращения для каждого. Но, так как они вращаться отдельно друг от друга не могут, то и будут вращаться вместе около оси, проходящей через центр удара, причём ось эта, в силу 3-го условия, сделается одной из главных осей для всей системы, и будет, следовательно, свободной осью вращения.

Это, понятно, не есть единственный случай. Можно вообразить и другие; но для нас пока достаточно показать возможность такого факта, как соединение двух первичных атомов в одно целое.

Раз атомы соединились, нужно ещё большее стечение обстоятельств, чтобы разъединить их. Мало того: это разъединение первого и второго атома может произойти в большинстве случаев только при одновременном соединении одного из них с третьим, и, притом, соединении более тесном.

Чтобы убедиться в том, как велико должно быть стечение обстоятельств для обратного разъединения атомов, обратим внимание на то, что угловая скорость вращения атомов – бесконечно ве-

лика. В самом деле, она определится из условия равенства количества движения до и после удара, т.е. из уравнения.

$$2 M. r. w = 2 M. v$$

или

$$r. w = v.$$

где скорость поступательного движения до удара v = есть величина конечная (пропорциональная скорости света), а радиус вращения r , пропорциональный размерам атома – есть величина бесконечно малая высокого порядка. А потому, предположив даже, что r есть, величина бесконечно малая первого порядка, найдём, что угловая скорость w есть величина бесконечно большая.

Равным образом мы можем представить себе случаи, в которых не два, а несколько атомов образовали одно целое. Тогда найдём точно также, что разложение, разъединение их может произойти или при одновременной замене одного соединения другим, более прочным, или без таковой замены, в виде распада, но как исключительный случай.

Всякое подобное соединение первичных атомов мы можем считать атомом материи весомой и невесомой – безразлично.

Что же такое частица материи? Но для нас это уже деталь совершенно излишняя. Все учёные, дававшие свои объяснения относительно строения материи, говорили, что каждая частица материи есть конгломерат или один или другой вид движения многих соединённых между собой весомых атомов. В. Татаринов того же мнения, он только несколько специализирует своё объяснение и говорит: «Подразделяться на частицы может только материя, не составляющая среды, отличная от неё. Частица может состоять из нескольких одинаковых или различных атомов, расположенных в соответствующих узлах вибрирующей среды и заполняющих целую серию этих узлов. Другую серию узлов будет заполнять другая частица».

Сферы Высших жизней.

Если мы для простоты понимания обобщим сущность *строения* всего видимого и вещественного мира, то увидим: что вся основная сущность его заключается в двух или трёх спаренных невесомых атомах первичной материи, находящихся в среде нескольких сотен им вполне подобных подруг атомов одиночек, состоящих из совершенно той же невесомой первичной материи. Вся эта масса кипит движением. Высшая Воля Создателя управляет невидимым образом движением каждой из них и придаёт каждому роду этих атомов особый вид и силу движения. Спаренные атомы ничем другим не отличаются от одиночек, как только большей массой и видом движения и только это одно отличие порождает в них ту особенность, которая делает их видимыми для нашего глаза и вообще ощущаемыми для наших чувств.

Все спаренные атомы расположены отдельно друг от друга совершенно независимо, и каждое такое соединение получает своё движение особо; эти спаренные атомы больше и сильнее своих подруг одиночек, но одиночки гораздо многочисленнее. Спаренные толкают, ударяют и стараются разбрасывать своих малых соседок, но и те далеко не бездействуют: они сопротивляются, теснят больших числом своим; мало того, они осиливают их, сжимают, соединяют в известные кучи и сдерживают их в этом постоянном положении. Этот натиск малых атомов на спаренные и образует, собственно говоря, самое вещество; он то и порождает те явления, которые мы называем весом, тяжестью, притяжением и тяготением.

Мы приписываем все эти явления способностям и качествам самой материи и думаем, что сама материя производит их, что она сама сжалась в известные кучи и образовала сама себя. Но думая так, мы никогда не обращали внимания на то обстоятельство, что никогда никакой физико-математический анализ ещё не подтверждал подобного положения или подобной теории; напротив, математические выводы всегда показывали, что причины: 1) которые должны обжимать частицы твёрдого тела, 2) которые должны производить из отдельных частичек самостоятельное вещество и 3) которые должны придавать каждой частичке вещества свой особый динамизм — должны лежать вне самих частичек и вне самой материи. Не так ли мы в настоящее время и видим? Вся активная

роль в акте образования материи принадлежит всецело атомам одиночкам, ибо без их участия и без их совокупного действия все частички материи разлетелись бы в разные стороны, и вещество распалось бы и исчезло. Вся видимая и весома часть вселенной видима и весома только благодаря деятельности невидимой и не-весомой материи, т.е. того, что мы называем эфирной средой, окружающей каждую частичку твёрдого тела. Всё состояние твёрдого тела зависит всецело от состояния эфирной среды: при повышении температуры она уменьшает натиск, производимый ею на частицы, и тело расширяется; при уменьшении температуры она сжимает тело; то же происходит при переходе тела из жидкого состояния в твёрдое или газообразное; одним словом, нет ни одного явления или факта из области каких-либо манифестаций материи, чтобы все причины не скрывались в действиях и в состояниях этой эфирной среды. А потому, если кто хочет правильно изучить материю, не имеет другой возможности, как сосредоточить всё своё изучение и наблюдение исключительно на этой эфирной среде и необходимо должен начать с неё и кончить ею; а тот, кто изучает материю, не принимая во внимание эфир, никогда до правильных умозаключений дойти не может.

Вот правильное философское понятие, которое должен себе составить каждый, желающий в своих убеждениях и взглядах быть ближе всего к вероятному строю и составу материи.

Но что такое эфир? Атомами эфира или первичной космической материи мы назвали те частички – одиночки, из которых при соединении их по несколько штук образовались частички видимой и весомой материи. В настоящее время мы желали бы знать, какая природа и сущность этих атомов первичной космической материи? Составляют ли они простые тела или тоже сложные; если они сложные тела, то из чего они состоят? На это мы ответим: ничто не даёт нам права и возможности отрицать, что эти частички – одиночки первичной материи не были бы совершенно такой же продукт вторичной космической материи, ещё гораздо более тонкой и более эфирной, чем первая, которая разлита во всей вселенной между атомами первичной материи. Эта вторичная среда окружает атомы первичной и образует из своих атомов одиночек

– спаренные атомы; сила Создателя даёт каждой из них своё особое движение. Одним словом, образование, атомов первичной материи из вторичной совершается на подобие того, как первая космическая материя образует нашу земную весомую материю.

Премудрость Божья бесконечна в полном смысле этого слова. Мы не смеем предположить, чтобы вся Премудрость Божья и все тайны творения ограничивались тем, что понимает и чувствует человек, или чтобы природа кончалась там, где кончается разум и представление человека. Такое допущение должно было бы быть названо высшей степенью гордости и тщеславия, которых не имеет право позволить себе человек, занимающийся серьёзно научным изучением природы и желающий извлечь из неё свои познания. Тайны природы идут дальше познаваемого человеком. Для существа Бесконечного нет ничего ни малого, ни большого, ни слишком разжиженного и эфирного, ни твёрдого и плотного, для Него сама мысль, сама идея также материальна и наглядна, как для нас камни и металлы: Он одинаково свободно присутствует как в каждой мысли, так и в камне; Он всюду, везде и во всём.

Как в самых отдалённых сферах вращаются солнца кругом невидимых и непостижимых нами центров, как кругом этих солнц вращаются мириады невидимых нам планет со своими невидимыми для нас спутниками; как кругом каждого солнца вращаются и пробегают мириадами видимые и невидимые нам кометы, так точно и частички материи имеют каждая свои особые движения и жизнь в среде своих товарок; так, в свою очередь, и эти последние имеют свою причину существования в ещё отдалённых тайниках природы. Мы, конечно, многого чего не видим, не чувствуем, не сознаём, но ведь мы знаем, что причина нашей слепоты есть несовершенство наше и ограниченность: зная же это и находясь в постоянной борьбе с своим несовершенством, мы обязаны для расширения своего кругозора и для просветления своего ума выяснять и дополнять умозаключениями всё, что нам удаётся подметить в природе, всё, что может быть возведено на степень вероятного и возможного, проливающего свет на Бесконечную Премудрость окружающих нас тайн природы. Если же мы допустим, что каждый атом первичной космической материи произошёл из ато-

мов вторичной материи приблизительно так же, как атомы весомой материи произошли из атомов первичной материи, то ничто не мешает нам представить себе:

1) Что первичная космическая материя имеет тоже свой вес и своё притяжение, тяготеющее к неизвестным нам центрам. Этот вес, конечно, не передаётся ни на наши весы, ни на вторичную космическую материю.

2) Что вторичная материя своим внешним и механическим давлением среды соединяет спаренные свои частички в одну кучу и через это образует тела первичной материи, а род движения каждой отдельной частички первой материи порождает разнообразие видов этих материй совершенно так же, как род движения весомой материи порождает на нашей земле различие между гранитами, металлами, деревом, воздухом, водородом, водой, золотом и т.д.

3) При подобном рода допущении нам выяснилась бы сущность строения так называемых нами в настоящее время эфирных тел. Мы могли бы себе представить: строение комет, полуматериальных оболочек наших чувствующих и сознающих «я»; различие между разного рода электрическими, гальваническими, динамо-электрическими жидкостями; различие между статическим и динамическим электричествами и между магнетизмом. Одним словом, мы могли бы себе представить новый мир или, лучше сказать, другую новую сферу жизни, разделённую тоже на природы органическую и неорганическую, ибо она состояла бы также из предметов и существ. Эта новая сфера жизни могла бы служить причиной нашей жизни, а вместе с тем проявляла бы себя совершенно самостоятельно на том же самом месте, где живём и мы, решительно не стесняясь и не замечая нашего присутствия на нём, совершенно также, как в настоящее время, и мы не замечаем их присутствия и их жизни, которая вся группируется кругом нас и в нас самих.

Мы не хотим даже ограничиться только этим одним предположением. Мы идем дальше и утверждаем, что совершенно логично допустить, что атомы вторичной космической материи суть также продукт ещё более разжиженной и ещё более могущественной, третичной, космической материи, которая образует вторую

сферу жизни; сферу ещё более интеллигентных существ и ещё более лёгких материй. Вторая сфера вызвана к жизни третьей, третья сфера – четвёртой и так далее, до бесконечности. Кто положит предел Премудрости Божией и тайнам бытия? Един Бог знает число блаженных небес, которыми Он награждает любящих Его. Все силы в этих высших сферах иные, чем в нашем мире; всё значение их архиэфирных тел для них иное, чем наше; однако для них самих их тела, как бы они ни были легки и эфирны, должны быть так же реальны и ощутимы, как и нам реальны наши материальные тела; и для них они должны играть совершенно ту же в сущности роль, как и наши, ибо это их природа и их сущность.

Существа каждой сферы должны относиться к существам сферы, находящейся на одну ступень выше их так же, как и мы относимся к жителям загробного мира, т.е. они не должны иметь возможности ни понимать их, ни знать, ни постигать ни одним из своих чувств и должны считать их фиктивными, сказочными и чудесными существами, ибо сами они не стоят ещё на всей высоте того духовного и умственного развития, при которой могли бы понимать и постигать всю премудрость жизни их. Тем не менее та жизнь и то существование, которое было бы невысказано одним слепым и мало развитым существам, возможно другим Существом, Которым сообразно высокому развитию их Бог даёт возможность приводить в исполнение их Высшие способности, Высшие намерения и желания с меньшими стеснениями и ограничениями и налагает меньшие тормозы при проявлении их деятельности, позволяя им расширять район пределов их жизненной деятельности до отдалёнейших и высочайших областей Всезнания, Всепредвидения и Могущества, придав их Высшим телам плотность мысли и воли.

Развивая только такой взгляд на природу материи, можем мы удовлетворить понятию о бесконечном Промысле Божиим, управляющем и руководящем всем сущим во вселенной. Миры созданы для возможности проявления каждым созданным Богом существом своей жизненной деятельности. Несовершенные существа, живя на одном или другом месте вселенной, через свои заблуждения и ошибки доходят до понимания и до усваивания в себе самих

добрых качеств, через что кругозор их увеличивается, и они получают возможность с помощью Бога переходить к лучшим жизням.

Первоначально души, созданные Богом как мало ещё интеллектуально развития, принуждены жить на материальных планетах в своих весомах телах. Через проявление своей деятельности они, с одной стороны, улучшают самую ту планету, на которой живут, подготавливая более удобную жизнь для последующих её обитателей, с другой, они улучшают сами себя, свою душу и подготавливают возможность себе более лёгкой жизни за гробом в более лёгком и более способном выполнять их желания эфирном теле.

В загробную жизнь или в первую сферу мировых жизней сходит человек в той полуматериальной оболочке, какую создал сам себе через свою более или менее праведную жизнь на земле или через свои пороки, дурные качества, необузданные страсти и злые дела. Чем менее духовно развит человек, тем и его полуматериальная оболочка менее эфирна и обладает более грубым сложением, дающим менее простора проявлению деятельности духа. Духи, более развитые, пользуются эфирными телами более лёгкими и, наконец, духи, достигшие высших, возможных для земли, совершенств, получают оболочки эфирнейшие и легчайшие, какие только способна им дать эта первая сфера духовной жизни. Следуя строго логически, научным путём от вышевысказанных данных строения эфирных материй, мы можем весьма легко представить себе разные состояния материй, состоящих из атомов первичной космической материи; одни из них могут быть весьма плотные и мало чем отличающиеся по своей субстанции от нашей весомай материи; другие можем допустить разреженными до высших пределов; в этом ничего невероятного нет, ибо, если наша грубая и весомай материя образует тела разных плотностей от водорода до золота, то, подавно, космическая материя должна вместе со степенью своего разрежения представлять и большие пределы разнообразия свойств и качеств полуматериальным оболочкам духов. Это ясно и логично.

Живя в этой первой сфере духовной жизни, следуя законам всеобщего мирового прогресса, духи должны улучшаться и совершенствоваться в своём духовном и умственном развитии через

свою жизненную деятельность и успешное выполнение возлагаемых на них жизненных задач. Улучшаясь постепенно и приобретая новые познания и совершенства, духи незаметно для самых себя утончают свою полуматериальную оболочку, ибо она несомненно должна отвечать каждой вновь приобретенной духом, вследствие его усовершенствования, способности. Пройдя все степени развития, существующие в этой первой сфере, дух несомненно, чтобы перейти во вторую сферу духовной жизни, должен будет пройти через таинство смерти.

Нет возможности предположить, чтобы духи не умирали для своей сферы и не возрождались для следующей. Их смерть, конечно, не может иметь столь тяжёлого для них значения, какое она имеет на земле; она не может сопровождаться чрезвычайно невзрачным актом разложения их трупа, так как вся субстанция их эфирна; она, наконец, не может быть болезненна, ибо для них смерть есть награда за успешно выполненную задачу жизни, а следовательно, она должна быть в высшей степени приятна и отрадна для духа. Тем не менее это есть смерть для первой сферы духовной жизни. Это есть исчезновение его из этой сферы и возрождение в следующей. Дух делается уже существом более высшего порядка в иерархии духовных существ, он делается более блажен и более чист, а следовательно, более разумен, силён и сведущ, и задачи жизни, возлагаемые на него, становятся сложнее и премудрее.

Главная задача всех сфер духовной жизни несомненно одна и та же: степени её выполнения лишь разные. Жители всех сфер должны работать над своим самоулучшением, состоящим в более успешном преуспевании в добре, в любви и в милосердии, и единственно через это они научаются истинному познанию дел Божьих в чём и состоит Высшее Блаженство и Высший Покой существа их, сливающий их с источником Добра и Любви. Успехи их развития приближают их к Высшему Совершенству и к Богу, и позволяют им прогрессировать в иерархии духовных существ, переходить из сферы в сферу, причём каждый подобный акт перехода делается всё более радостным и отрадным и встречается со всё большим благоговением и бесконечной благодарностью Богу за всё, соделанное Им для спасения грешных душ.

Вникните, читатель, и вдумайтесь глубже в эту величественнейшую, таинственнейшую и премудрейшую картину сущности природы, открывающуюся перед Вами. Отрешитесь на время от Вашего педантично-чёрствого и сухого позитивного взгляда на природу и дайте некоторую свободу своему научному воображению, или, говоря научным языком, примите индуктивный способ мышления, и тогда проницательности Вашего умственного взора станет открываться, если не самая премудрость бытия, то некоторое весьма близкое подобие её, могущее составить положительное торжество возвышенного разума над ограниченностью и слепотой.

Как бы ни была велика вселенная, однако все манифестации видимой и весомой материи, существующей в ней, мы признаём возможным свести в своём представлении к одной материальной частичке и говорим, что если изучим её, то будем знать сущность всего бесконечного числа подобных ей частичек, образующих всю видимую вселенную. Через все предыдущие научные доводы мы дошли до возможности признания каждой частички материи особым мирком с своим собственным и самостоятельным движением. Эти частички, соединяясь вместе, образуют сложные тела, тела существ, живущих на земле, все органические и неорганические земные царства.

Причина существования этого видимого и вещественного мира и всех явлений и фактов природы таится не в самой этой материи, но в материи, окружающей каждую частичку вещества – в области первичной космической материи. Она образует и руководит всем видимым миром, она, как всякая причина, должна быть мощнее, премудрее и разнообразнее своих следствий, но, в сущности, она опять новый мир, находящийся внутри нашего мира – это сфера разумной жизни, служащая причиной существования нашей материальной среды.

Она тоже, как и наш мир, состоит из атомов и частичек, подчиняющихся так же, как и мы, законам Божиим; может быть, законы эти другие, чем законы материи, или, может быть, она также, незначительно видоизменены, это решительно всё равно, это не препятствует тому миру, или этой первой сфере обиталища духов-

ных существ, составлять одно стройное целое, один гармоничский мир, со всеми атрибутами, удовлетворяющими требованиям как причины существования всего весомого мира, так и возможности жизни в ней существ, живущих в этой первой сфере.

Район этой сферы, конечно, не может ограничиваться пределами одной какой-нибудь планеты или последним атомом окружающего планету воздушного пространства, но должен идти неизмеримо дальше. Обитатели этой сферы, конечно, заселяют все её уголки и имеют одинаковую возможность жить и проявлять свою целесообразную деятельность. Их не может стеснять даже наша грубая материя, они одинаково чувствуют себя свободно, как внутри нашей планеты, как на поверхности её, как в воздушном пространстве, так и за пределами нашей атмосферы. Везде в природе, где только разлита эта первичная космическая материя, составляющая сущность этой первой сферы, везде могут жить и пребывать существа, принадлежащие этой сфере. Наша весомая материя должна производить на жителей первой сферы впечатление, подобное тому, которое мы испытываем, прогуливаясь по туману: все движения наши свободны, всюду мы имеем возможность проникать, но среда немного гуще, кругозор ограниченнее, и мы чувствуем себя несколько стесненными.

Причиной существования атома первичной космической материи мы назвали вторую космическую материю, которая должна окружать каждый атом первичной и образовывать из него тела и оболочки существ и вместе с тем служить совершенно такой же причиной существования первой заоблачной сферы жизни, как и первичная материя была причиной существования нашего материального мира. Почему все сочетания атомов вторичной космической материи не были бы тоже новой второй сферой жизненной деятельности, которая давала бы возможность проявляться существам высшей иерархии духовных существ? Почему не могли бы мы допустить ещё несколько таких жизненных сфер, служащих одна причиной другой? Каждая новая и более возвышенная сфера могла бы обнимать всё большие и большие мировые и междупланетные пространства, которые своими жизненными условиями всё более и более подходили бы для существования и пребывания в них существ ещё более высших иерархий духовных веществ, всё

более и более приближающихся к идее Абсолютной Чистоты, Совершенства, Всеведения и Вездесущия.

Каждая из этих сфер проникала бы своею жизнедеятельностью все предыдущие, ниже себя, жизненные сферы; каждая жила бы в них, руководила бы ими, наполняла бы их и сама простиралась бы далеко в областях междупланетного пространства, наполняя жизнью всё бесконечное междупланетное пространство, которое не может быть не заполнено жизнью и жителями.

Вся вселенная населена, нет в ней пустого пространства, всё в каждом уголке вселенной кишит жизнью, деятельностью и всё живёт друг для друга и одно в другом. Вся вселенная составляет одно целое, и всё стремится к одной Высшей, Вездесущей Первосущности, объясняющей все сферы, все развития, все жизни и всё сущее одновременно, так как для Него нет ни времени, ни пространства, и всё в Нём, и Он во всём.

Мы не можем себе представить междупланетные пространства пустыми и необитаемыми, иначе мы должны прийти к заключению, что вселенная это абсолютная пустыня, что не согласно с идеей Бесконечной полноты творений Божьих.

Возьмём, для примера, хотя бы нашу солнечную систему. Объём солнца, всех планет и их спутников едва достигает 125 000 000 000 000 000 кубических вёрст. Эта масса весомой материи положительно теряется в беспредельности пустого пространства, окружающего её. Чтобы сделать себе хотя слабое представление, насколько этот объём весомой материи ничтожен по отношению к окружающей его среде, мы укажем на следующее:

1) Если окружающим солнечную систему пространством мы назовём призму, поперечный разрез которой был бы многогранник, углы граней которого составляли бы точки равного притяжения солнца и ближайших к нему звёзд, а высотой этой призмы мы приняли бы весь путь, пройденный солнцем со времени его существования, то отношение объёма этой призмы к количеству весомой материи было бы в полном смысле слова бесконечно.

2) Если же мы примем только, что пространство, окружающее солнечную систему есть шар, радиус которого есть точка равного притяжения солнца к ближайшей от солнца звезды, а в созвездии Центавра – то и тогда объём этого пространства будет неимоверно

велик в сравнении с количеством весомой материи, а именно: объём этого шара будет равен числу кубических вёрст, которое должно быть выражено цифрой 55 с приставленными к нему семьдесятю пятью нулями с правой стороны.

Из этого простого соображения вытекает тот вывод, что на каждую единицу объёма весомой материи приходится такое число единиц пустого пространства, которое должно быть выражено цифрой 44 с пятьюдесятью восемью нулями, приставленными с правой стороны. Это ничтожное количество весомой материи, находящееся во вселенной, не должно ли заставлять нас предполагать эти беспредельные пространства заселёнными и наполненными той природой, теми существами, которые выходят из пределов познаваемого человеком? Всё в этих беспредельных областях скрыто от человека, одни кометы служат для нас безмолвными свидетелями того, что это пространство не пусто и этих комет на небе бесчисленное множество, столько, сколько рыб в океане, как выразился астроном Кеплер. Если бы не было даже и этой улики, то здравый смысл должен бы был подсказывать человеку: ищите в этих безднах жизнь и бытие, ибо без полноты этих пространств мы не понимаем полноты творений Божьих.

Связь души с телом.

От беспредельных междупланетных пространств вернёмся к жизни человека на земле и укажем некоторые детали функций полуматериальных оболочек при жизни души в материальном теле.

Когда дух должен водвориться в каком-нибудь человеческом материальном теле для жизни на земле, тогда с первых моментов зародышной жизни образуется роковая органическая связь между атомами зародыша и атомами полуматериальной оболочки духа. В силу этой связи образуется единство их взаимодействий, могущее быть нарушенным только смертью.

По мере того, как зародыш развивается через посредство жизненной силы, дух укореняется в зародыше, проникает его и охватывает всё материальное тело. Эта связь настолько крепка, что каждый невесомый атом оболочки духа прирастает к весоному

атому земного тела. Подобная связь не может не отразиться на формировании жизненной силой самого организма; качества и способности духа должны влиять на сложение материального тела, как бы сильны ни были органические процессы и наследственные начала, и сложение тела. Дух во многом изменяет строение того тела, в котором поселяется, и вносит в него все те особенности, которыми сам владеет. Ко времени рождения человека связь между телом и духом устанавливается окончательно, и образуется одно нераздельное, связанное и гармоничное существо.

Во время жизни человека на земле, этот полуматериальный двойник служит проводником мысли духа; через него дух приводит в движение все части тела, силой своей воли и своего желания; через него передаются духу все внешние впечатления тела.

При смерти происходит совершенно обратное действие, чем при рождении. Когда жизненные силы мало-помалу перестают действовать, умершие частицы тела отпадают и разъединяются с частицами полуматериальной оболочки и, как зрелый плод, отрываются от своего стебля. Смерть всегда происходит не от того, что дух покидает тело, но дух необходимо должен покинуть тело, ибо оно стало негодно к жизни.

Со времени смерти тела дух в своей оболочке делается независимым, единичным и цельным существом. Его способности, как ничем более не стеснённые, проявляются независимее, полнее и отчётливее; только в этом состоянии может человек сказать, что он именно такой, для чего он жил и страдал, всё ли он сделал в земной жизни, что ему надлежало сделать, чтобы выполнить с достоинством свою жизненную функцию, — а пока он не достиг этого предела, на его долю выпадает возможность только догадываться и между сомнительным искать вероятного.

Глава IX.

Жизнь человека.

«Скажу тебе: одно убеждение вынес я из опыта последних годов – жизнь не шутка и не забава, жизнь, даже не наслаждение... жизнь тяжёлый труд. Отречение, отречение постоянное – вот её тайный смысл, её разгадка; не исполнение любимых мыслей и мечтаний, как бы они возвышенны ни были, исполнение долга, вот о чём следует заботиться человеку; не налог жив цепей, железных цепей долга, не может он дойти, не падая, до конца своего поприща».

(Фауст, Тургенева).

Человек образованный, до некоторой степени развитый духовно, мыслящий свободно без предвзятых принципов, могущий вникнуть, до какой степени велика вселенная и что такое вечность по отношению ко времени – не может допустить, чтобы наше существование на земле было бы окончательным, и что жизнь человека не связана ни с чем вне её самой.

С одной стороны, жизнь человека на земле чрезвычайно кратковременна; средняя продолжительность жизни на земле, по новейшим исчислениям, не превышает 40 лет; одна четверть людей умирает, не достигнув 7-ми лет, и половина – не достигнув 27 лет. Что значат эти малые промежутки времени в сравнении с общим временем и с продолжительностью существования нашей планеты, или всего света? Это менее одной секунды для вечности. – Это ровно ничего.

Вспомним только, что первоначальная температура земли определяется приблизительно в 55 000 градусов по Цельсию; период охлаждения земли от 2 000 градусов до 200 продолжался не менее 350 000 000 лет. Сколько же времени длилась борьба падавшей и испарявшейся воды, прежде чем мог начаться хотя перво-

бытный физиологический процесс? Миллионы лет прошли от появления первой растительности на земле, на образование гигантских лесов, на периоды пребывания на ней гигантских животных, до появления человека; появление человека на земле было приблизительно около 50 000 лет тому назад». (К. Фламарион «Les terres du Ciel», стр. 297).

А.Р. Уоллес (в своей книге «Естественный подбор», стр. 330) говорит, что человек ещё гораздо древнее этого, что есть основания предполагать, что прошло уже десяток тысяч веков со времени появления первого человека на земле, а может быть и больше.

С другой стороны, физические условия нашей жизни в самом деле ненормально трудны. Человек подвержен всевозможным мучениям, зависящим частью от несовершенства его тела, частью от трудных окружающих его условий. Мы страдаем от излишней жары на экваторе, от невыносимых морозов на севере, мы совершенно не можем достигнуть наших полюсов, до того условия жизни на них не соответствуют нашей природе. Мы слабы, жалки и беспомощны, рождаемся на свет голыми, беззащитными и совершенно не приспособленными выдерживать климатические условия. Ни одно животное, ни одна тварь земли при своём рождении не находится в таком абсолютно неблагоприятном для своей жизни состоянии. Без посторонней помощи не выжил бы ни один из нас, без усиленных мучений матерей над своими детьми прекратился бы род людской.

Это постоянное попечение и надзор в течение всего периода молодости, воспитания и образования длятся около половины нашей средней продолжительности жизни, т.е. двадцать лет. Следующие двадцать или тридцать лет работает человек с полной силой и энергией; но затем начинается уже заметная кульминация его; он начинает стариться, становится хранилищем всевозможных болезней и недугов, силы постепенно оставляют его, и он также как ребёнок требует попечения ему близких людей, забот и ухода, как за ребёнком. В среднем, на одного работника приходится шесть человек, не имеющих возможности доставать своё пропитание. Если бы работники не захотели делиться плодом своих трудов с другими, то опять прекратился бы род людской. Из

чего следует, что жизнь для других есть одно из условий, необходимых для поддержания человеческого рода на земле; ибо без этого условия человек исчез бы с лица земли так же, как без воздуха и воды.

Человек на земле – это настоящий мученик. Если в некоторых местах нашей планеты интеллигентные государства и сумели дать более мягкую жизнь богатому классу своего населения, обеспечить его более лёгким существованием, облегчить ему его участь и даже сделать её во многих отношениях приятной – то ведь того же далеко нельзя сказать о бедных классах и о всех людях вообще. Вглядимся в жизнь Азии, Африки Австралии. Вспомним жизнь человека в первые периоды человечества; какая была их жизнь? Это один бесконечный ряд сплетений разных мучений, опасностей и лишений, ни минуты отрады, ни минуты надежды на что-нибудь, могущее облегчить их участь, ибо условия человеческого существования так же скверны и невыносимы в нравственном отношении, как и в физическом.

Факт вполне доказанный, что блаженство на земле невозможно. Человек живёт на этом свете для мучений. Он страдает в своих привязанностях, в своих неисполняемых желаниях, в стремлениях души ко всему хорошему и высокому, и всегда встречает бесчисленные препятствия во всём, что бы он ни предпринял; несколько минут отрады и приятных ощущений покупаются долгим горем и ожиданиями. Всякий честный, благородный поступок есть налог на его благосостояние, купленное ценою тяжёлого труда и усиленной физической работы. Одна надежда на лучшее будущее может поддержать ослабевающую энергию человека от уныния и отчаяния.

Мы решительно не имеем права думать и предполагать, чтобы наше существование было окончательным: порядок, гармония и покой, царствующие в физической природе, бесспорно убеждают нас в необходимости того же порядка и последовательности и в нравственной природе. На этом основании, видя около себя вечные мучения, постоянное господство несправедливости и произвола, грубую физическую силу торжествующей, слабых и бедных жертв умирающих под рукой притеснителей, мы должны быть в

высшей степени нелогичны и непоследовательны, если не признаем всё наше земное существование – состоянием временным и переходным, посылаемым нам Провидением, как мера к испытанию и к исправлению нас, ведущая нас к лучшей жизни и к высшим целям, для которых и предназначается человек.

Вникнем более подробно в условия жизни человека на земле.

Земля наша есть планета солнечной системы, она помещается между Венерой и Марсом и находится в совершенно той же зависимости от солнца и в совершенно том же положении, как и все другие планеты.

Если мы проследим всю солнечную систему, начиная от солнца, то увидим, что первая планета будет Меркурий, вторая Венера, после – Земля. Затем идут Марс, Юпитер, Сатурн, Уран и последняя из них Нептун.

Все эти планеты одинаково вращаются вокруг солнца под влиянием силы тяготения, все они одинаково пользуются животворной теплотой солнца, все они имеют свои дни и времена года.

Мы не можем, к сожалению, приписать земле ни большего значения, чем другим планетам, ни какой-либо особенности, могущей чем-либо отличить её от других её сестёр-планет. Одинокая в бесконечном пространстве, она вертится вокруг солнца в расстоянии от него 150 миллионов вёрст.

Как все остальные планеты, наша земля летит с ужасной быстротой. Представьте себе шар в пространстве без всяких поддержек, посреди пустоты, которая простирается от него во все стороны на бесконечное пространство.

Да!.. на бесконечное пространство... во все направления! Как понять такую беспредельность? – Предположим, что мы хотим смерить бесконечность и вылетели для этого с земли в любое от неё направление со скоростью в тысячу раз большей, чем молния. Мы могли бы лететь года, столетия, тысячелетия и целую вечность, и перед нами открывались бы только одни новые пустые пространства.

Послушная солнцу земля вертится, проходя в год 940 000 000 вёрст, или 108 000 вёрст в один час. Самые скорые поезда железных дорог редко доходят до скорости 100 вёрст в час. Поэтому мы

видим, что земля летит в 100 раз скорей. Никакие скорости на поверхности земли не могут нам дать понятия о быстроте, с которой двигается земля; пушечное ядро летит в 75 раз тише земли.

Мы помещаемся на поверхности этого шара в виде бесконечно малых инфузорий, приклеенных к нему силой притяжения; мы увлечены поверхностью земли и участвуем в этом движении, а потому ни видеть, ни познавать этого движения мы не можем.

Этот шар имеет диаметр по экватору 12 000 вёрст и окружность 36 000 вёрст. Его поверхность равна 450 000 000 квадратным вёрстам, считая в том числе воду, сушу; последняя одна занимает 130 000 000 квадратных вёрст, или 13 000 000 000 десятин. Объём этого шара около 864 000 000 000 кубических вёрст, его плотность почти в $5^{1/2}$ раз более, чем вода и весит 367 секстиллионов пудов (367 000 000 000 000 000 000 000 000 000 пуд.).

Как бы ни казались великими эти цифры, но солнце ещё тяжелей в 324 000 раз, а объём солнца ещё в 1 279 000 раз больше, чем объём земли.

Атмосфера, окружающая землю, весит 391 квадриллионов пудов (391 000 000 000 000 000), т.е. почти в один миллион раз легче, чем самый шар. Под этой тяжёлой толщиной воздуха ползаем мы, как устрицы на дне моря, претерпевая давление воздуха на наше тело больше чем 1 000 пуд. Кроме движения вокруг солнца, земля имеет массу других движений, а именно: 2) кругом своей оси; 3) качательное движение земли, вследствие уклонения оси земли или эклиптики на 23–37°; 4) изменение земной орбиты; 5) перемещение перигелия; 6) движение, устанавливающее процессию равноденствия; 7) нутация земной оси; 8) притяжение вследствие приближения земли к Венере или к Юпитеру; 9) перемещение всей солнечной системы, вследствие неправильного движения солнца; 10) поступательное движение всей солнечной системы. Солнце не неподвижно: оно летит по направлению своей оси вращения, уклоняясь в сторону под углом 38 градусов, со скоростью 800 000 вёрст в сутки.

Законы движения заставляют предполагать, что солнце двигается кругом какого-то центра, которого мы пока ещё не знаем. Но очень легко может быть, что солнце имеет просто поступательное движение в бесконечность, увлекая за собой в строгом порядке все

планеты и кометы своей системы.

Предположив даже это движение прямолинейным, оно всё же могло бы продолжаться целую вечность без того, чтобы достигнуть предела этого безграничного небесного пространства.

Выводы астрономии служат главным основанием для наук; а они записали нашу землю в разряд планет солнечной системы, несмотря на протест чувств наших, несмотря на заблуждения прежних лет во взглядах на положение земли в природе, несмотря на главный протест со стороны людского тщеславия.

Итак, земля, подверженная всем этим силам, вертится в пространстве, качается, кланяется своим сёстрам-планетам и летит с громадной быстротой к неизвестной нам цели.

С тех пор, как земля существует, она ещё ни разу не прошла по одному и тому же месту, так как в сумме поступательное движение солнечной системы по направлению оси солнца с некоторым отклонением вбок и вращательное вокруг солнца дают некую винтовую линию, удаляющую землю постоянно от того места, где она уже раз была.

Какую бы ни чувствовал человек привязанность к жизни на земле, однако все, вдумавшись немного в условия её, признают их далеко не лучшими, какими мог бы себе представить человек. Как много недостатков, абсурдов и несообразностей представляются каждому наблюдательному глазу, который вздумал бы анализировать несколько с философской точки зрения жизненные условия нашей планеты.

Земля обитаема не потому, что это её исключительное преимущество, а потому, что обитаемость есть свойство всякой планеты.

Очень возможно, что астрономы Сатурна и Юпитера признали нашу землю необитаемой; это более чем вероятно, если вспомнить, какое впечатление производит наша земля, наблюдаемая с Сатурна.

Сатурн есть превосходный шар в 864 раза больше земли. Прекрасные кольца, возвышающиеся над головами жителей Сатурна одно за другим, далеко прорезают его небеса. Солнце кажется им гораздо меньшим, чем нам, и сила его света в 9 раз меньше; но зато восемь громадных спутников вертятся по тому же направлению,

как и он, давая разные оттенки света. Звёздное небо почти такое же, как и наше, но чрез него проходят три великолепные планеты, которые мы видим совершенно иначе, – это Юпитер, Уран и Нептун. Год у них в 30 раз длиннее нашего и состоит из 25 069 дней.

Земля почти не видна жителям Сатурна; она видна им менее, чем нам видны спутники Юпитера. Это маленькая бледная точка, отстоящая от них в расстоянии 1 200 000 000 вёрст и может быть им видна лишь при том условии, если мы предположим у жителей Сатурна очень хорошие и, во всяком случае, более сильные телескопы, чем у нас.

Эта точка блуждает вправо и влево от солнца, никогда не удаляясь более чем на 6 градусов, а следовательно, находясь всегда в сфере яркого освещения солнца. Земля может быть видна жителям Сатурна только тогда, когда она проходит через диск солнца, тогда они могут видеть землю в виде чёрного пятнышка на диске солнца, – не более как укол булавки и то, собственно говоря, не жители Сатурна, а только их астрономы, через хорошие телескопы.

Вот впечатление, производимое нашей землёй на жителей Сатурна. Что же можем мы сказать о том, что думают о ней жители Урана или Нептуна?

Мы не можем себе представить таких инструментов, которые могли бы отыскать или видеть её. И жители этой маленькой ничтожной точки столько времени думали, что творчество Всемогущего Бога ограничивалось ею одной.

Как размером своим, так и весом, плотностью, расстоянием от солнца, величиною года, временами года, положением своим, – земля не имеет никаких преимуществ, отличающих её от других планет. Напротив, мы видим в других планетах несравненно лучшие условия, которых у земли нет. Условия жизни на каждой планете должны вполне зависеть от тех условий жизни, которые даёт сама планета; иначе и быть не может, так как эти-то самые условия и породили именно такую жизнь на этой самой планете. Эта жизнь не может быть перенесена на другую какую-либо планету, ибо она при всех других условиях непременно погибнет.

Очевидно, что невозможно было бы перенести какое-нибудь существо с земли на Уран; перемены условия жизни немыслимы

ни для одной твари, ни для одного растения. Даже у нас на земле мы не можем перенести рыбу на воздух; следовательно, ни о каком частном случае мы говорить не будем, а разберём этот вопрос с общей физиологической точки зрения.

Всякие новые физиологические условия порождают и жизнь иную, которая, опять-таки, может существовать только при этих, а не при других условиях. С этой точки зрения мы будем разбирать и землю, ибо для тех животных и людей, которые живут на земле в настоящее время, необходимы именно эти условия, а не какие-либо другие. Для сравнения же условий жизни на земле и на других планетах нужно разобрать общие физиологические условия. Если бы на земле могли бы быть другие условия жизни, явились бы, конечно, другие существа – лучше старых или хуже, смотря по тому, лучше или хуже были бы эти новые условия жизни.

Разберём сперва влияние времён года. Бесспорно, что зима на земле нужна для некоторых растений, например: для винограда, для хлебных и некоторых других прорастающих, цветущих и созревающих растений. Но было бы ошибочно заключить, что Юпитер необитаем именно потому, что на нём нет зимы.

Влияние времён года, конечно, помогает некоторой земной растительности, но большие изменения температуры, большие морозы, в общем их результате, пагубно действуют как на животных, так и на растения, ясное доказательство чему мы видим в том, что на земле наибольшее развитие флоры и фауны достигает там, где совсем нет морозов.

Предположим, что ось нашей эклиптики была бы не так уклонена, как теперь, тогда царство растительное и царство животных были бы более чувствительными. Не подвергаясь таким большим изменениям температур, всё живущее было бы менее грубо, было бы менее случайностей и, конечно, всё шло бы лучше.

Три четверти земного шара покрыты водой и только одна четверть его обитаема. Из этой одной четверти сколько пространства совсем недоступно для жизни: на полюсах – по причине невозможных морозов, и на экваторе – от непомерной жары! Конечная же цель планеты быть обитаемой; если же теперь, в наш цивилизованный век, условия жизни нашей планеты так ограничены, что же

можем мы себе представить о первых временах существования человечества, когда жизнь начинала зарождаться и развиваться?

Нет, наша мать земля очень скудно кормит своих детей. Надо усиленным трудом вырывать у ней пищу. В этом странном свете надо, чтобы существа поедали друг друга, чтобы быть сытыми.

Из 90 000 людей, умирающих ежедневно, большинство умирает от чрезмерного труда, от дурных условий жизни, или, в конце концов, можно сказать, что они умирают от истощения, или, выражаясь короче – просто от голода. Причину тому надо, конечно, искать в том факте, что наш шар был всегда бесплодным и сам по себе не может давать столько питательных веществ, сколько того нужно для жизни. Насколько упростился бы вопрос жизни, если бы атмосфера могла сама питать нас!

Кислород, смешанный с азотом, дают нам три четверти всех питательных веществ, необходимых нашему организму. Неустанным действием произвольного акта дыхания наша кровь восстанавливает свою жизненную способность и совершенно даром поддерживает самые основания нашего существования. Но дыхание не может удовлетворить всей питательности организма, наша природа требует хлеба, которым мы должны наполнять желудок, что могло бы считаться при других условиях совершенно излишним.

Голода тогда, конечно, не существовало бы, и животные, развиваясь под этими новыми условиями, имели бы совершенно другую форму. Челюсти, желудок и его принадлежности, занимающие половину нашего туловища, были бы совершенно лишними. Все существа не походили бы на своё настоящее положение и, конечно, новое их состояние было бы несравненно лучше и совершеннее.

Утопия! Бред! Химера! воскликнут многие читатели, прочтя эти слова. Нет! совсем нет, в астрономической физиологии нет ни бреда, ни химер, ни утопий. Если кто, не выдав ничего, кроме своей деревни, желал бы, чтобы весь свет походил на неё; если кому-нибудь случилось тонуть в море и на этом только основании он хотел бы объявить, что жизнь в море невозможна, – это всё ещё не основания! Разберём вопрос подробнее. Всякий согласится, что где живут одни твари, – умирают другие. Вы не можете жить там, где живут рыбы, а рыбы не живут там, где вы. Даже у нас на земле, на

которой все питаются желудком, есть существа, которые живут без еды, питаясь окружающей средой, таковы многие червеобразные животные из семейства солитеров (*tenis, gregorina*).

Физиология позволяет нам пояснить несколько этот вопрос. В настоящее время питание производится чрез прохождение пищи по трубам, заключающимся внутри нашего тела; переваренные желудком частицы грубой пищи, проходя по ним, всасываются чрез стенки труб в организм. Не то же ли самое было бы, если бы всасывание могло производиться через поры поверхности нашего тела снаружи во внутрь? – Обмен материи и все прочие отправления могли бы быть совершенно так же, как и теперь. Этот способ был бы менее груб и бесспорно более совершенен.

С другой стороны, наши лёгкие сами могли бы, непроеводительным актом вдыхания, черпать из воздуха и передавать организму остальную четверть нужных нам питательных веществ; совершенно так же, как мы теперь получаем необходимый нам азот и кислород. Разберём этот вопрос: сколько нужно действительно человеку питательных веществ для замены им расходуемой материи? Собственно, для поддержания наших сил и возобновления расходуемого нами запаса материи нужно очень мало вещества; всё же остальное, принятое человеком, может считаться излишним и совершенно непроеводительно утяжеляющим его организм.

Трудно положить норму в этом случае и назначить границу между необходимым и излишним, ибо это много зависит от климата, образа жизни и количества работы, производимой человеком. Но, во всяком случае, человек может обойтись несравненно меньшим количеством пищи, чем он в действительности теперь потребляет.

Человек возвёл принятие своей пищи на степень удовольствия, а потому он ест не столько, сколько нужно для возобновления его сил, а сколько позволяет ему исправность его желудка. Когда желудок отказывается переваривать то, что съедено, человек принимает разные средства, искусственно усиливающие пищеварение. И это ненормальное развитие способности желудка переваривать съеденное доходит у некоторых людей до колоссальных размеров.

Наоборот, мы видим людей, которые очень мало едят. Мы видим аскетов и целые аскетические касты, или сословия, которые, из поколения в поколение, долгим упражнением доводят свои потребности до очень ограниченных размеров. Как пример в этом случае, приведём факиров и браминов. Закон не позволяет им есть более чем одну горсть риса в день после заката солнца; кроме этого риса, они могут пить известное количество воды, а затем всякая другая пища или принятие пищи в бóльшем количестве им положительно запрещено. Есть из них люди, достигшие высших степеней священства – Гуру и Иерофанты, – которые до того довели отправления своего тела долгими упражнениями в воздержании, что этой порции им достаточно на целую неделю.

Такое воздержание не расстраивает их здоровья или организма. Это доказывается тем, что, пробыв до 80-ти лет на подобной диете, они покидают священство, и срок всех их прежних обетов для них кончается; они освобождаются от всяких духовных обязательств и начинают обыкновенную светскую жизнь в полном удовольствии за счёт пагоды, или церкви их. Пагода, после 80-ти летнего их возраста, окружает их всюю роскошью, которую может доставить только Индия; и нередко такие старцы живут ещё не один десяток лет со здоровьем и желудком, которым позавидовал бы всякий из нас. Результатом этой жизни являются даже многочисленные семейства, так как вся погода, не исключая и сотен ба-ядерок, всегда к услугам заслуженного Гуру.

Горсть риса, – это не более 8-ми лот или 24 золотника. Человек, делая 20 вдыханий в минуту, делает их 3 000 в сутки. Если бы разложить эти 24 золотника равномерно на 3 000 вдыханий, то каждый раз человек должен бы был вдохнуть $\frac{1}{120}$ часть одного золотника. Это в 20 раз меньше одного грана, т.е. самой малой аптекарской единицы веса – это величина совершенно для нас неуловимая, она гораздо больше того количества пыли, разных бактерий и микроорганизмов, которые вдыхает человек при каждом вдыхании и которые он выдыхает обратно, как нечто лишнее, ему не нужное – и эта незначительная только часть питательных веществ должна заключаться в том объёме воздуха, который вдыхает человек каждый раз.

На это нам могут возразить, что аскеты ведут малодеятельную

жизнь; многие из них днём совсем не выходят из своих жилищ, тело их от долгого воздержания истощено и приспособлено к этому. Это совершенно верно, – организм их, действительно, из поколения в поколение выработался в этом направлении; но ведь то же самое мог бы сделать и всякий другой организм, если бы в этом была необходимость. Что же касается до малодетельной жизни их, то если бы для людей деятельных удесятить и даже удвадцатерить эту порцию, то всё-таки она была бы очень мала, так как не превышала бы одного грана.

При нормальном дыхании своём человек пропускает через свои лёгкие около 9 куб. футов воздуха в час. Что составляет в сутки 216 куб. фут. или 500 вёдер воздуха. Обыкновенный воздух заключает в себе около 65% водяных паров, или в этих 500 вёдрах воздуха проходит через наши лёгкие ежедневно 30 фунтов воды.

Следовательно, наши лёгкие, пропуская через себя каждые сутки 30 фунтов, или около ведра воды, всё же не в состоянии даже утолить жажду человека. Это количество в 80 раз больше по весу, чем горсть риса, которой удовлетворяется факир. Из этого надо заключить, что существует полная возможность питаться без участия желудка, но что мы не имеем возможности вследствие недостатка собственной организации и состава нашего воздуха. Легко предположить, что во вселенной могут быть такие существа, которые по всем своим остальным способностям подходя очень близко к нам, питаются не так, как мы.

Мы едим, а потому желаем, чтобы всё живущее в природе ело; чтобы все делали так, как в нашем муравейнике. Нет, на земле едят, *ибо она несовершенна*, только в этом и можно видеть главную причину нашего столь грубого и тягостного питания.

Мы можем представить себе условия ещё хуже. Мы сказали, что дыхание даст нам три четверти из всего того количества питательных веществ, которые необходимы для нашего существования, преобразовывая и восстанавливая нашу кровь. Этот акт произвольный и дан нам природой безвозмездно. На каком же это основании мы дышим даром? Мы могли бы быть ещё более несчастны, чем теперь; мы могли бы быть осуждены приобретать себе и эти элементы жизни. И кто уверить нас, что нет и таких пла-

нет, где жители их принуждены сами доставать все четыре четверти необходимого им для питания вещества, совершенно на том же основании, как мы теперь приобретаем свою одну четверть. Очень возможно, что они получают тот же кислород и азот, но не в виде воздуха, а в каком-нибудь другом виде. Поэтому и строение их тела изменено сообразно. Совершенно так же, как строение нашего тела зависит от способа питания и других условий жизни на нашей планете, мы должны заключить, что люди, живущие на других планетах, при других условиях, не имеют строения нашего тела.

Коснёмся полноты чувств человека: – мы видим, что у многих животных их два, у других – три, у более высших пять, у человека – тоже пять. Мы ограничиваемся этим и удовлетворяемся. Мы думаем, что на атоме кончается всё творчество Божие, и что будто уже нет нигде никого в мире, кто обладал бы шестью чувствами. Да, совершенно то же думают и животные, которые обладают двумя чувствами: они уверены, если только можно так выразиться о них, что не может быть третьего, ибо понять то чувство, которого мы не имеем, абсолютно невозможно.

Но наука и разум говорят иначе, и открывают громадные пробелы в наших чувствах. Не будем говорить о философских и метафизических доказательствах, – их слишком много; укажем только на одно, которое очень наглядно и опытным путём откроет нам глаза на наши способности.

Что такое звук? – Это чрезвычайно быстрое движение. Если заставим какой-нибудь предмет двигаться так, чтобы он давал нам 32 колебания в секунду, мы получим первую басовую ноту в нашем ухе, как результат этого колебания. Усиливая движение, мы будем постепенно получать и ноты сообразно выше и выше. При 36 000 колебаний мы получим резкий звук, или дискантовую ноту, и затем как бы мы быстро ни заставляли колебаться этот предмет, мы никакого больше звука не услышим; 37 000–38 000 колебаний человеку недоступны.

Что такое свет и теплота? Свет и теплота – это совершенно то же, что и звук – это движение, но движение ещё более быстрое. Не свет и не теплота распространяется в пространстве: мы видим, что свет и теплота, проходя по междупланетному пространству, не

освещают его и не греют; оно имеет ледяную температуру и остаётся тёмным, в чём мы можем убедиться, смотря на небо ночью. Свет и теплота – это свойство, это быстрое движение или колебание эфира, которое может, сокрыто от нас, распространяться до бесконечности, пока не встретит какое-либо препятствие, которое заставит их проявиться и сделаться доступными нашим чувствам в виде света или теплоты.

Колебания эфира делаются нам опять видимы, когда они достигают 450 триллионов колебаний в одну секунду и тогда они познаются нами уже не ухом, а глазом, и мы называем их световыми явлениями. Возьмём кусок железа и будем его нагревать; когда он достаточно нагреется, он приводит в движение эфир, его окружающий, колебания которого необыкновенно скоры. Длина световой волны такова, что на одном сантиметре их помещается 15 000, если они раскалятся до ярко-красного цвета. Принимая во внимание, что свет двигается со скоростью 300 000 вёрст в секунду, мы должны заключить, что в одну секунду мы получаем 450 000 000 000 000 световых волн в наш глаз.

Увеличивая число колебаний до 700 триллионов, мы будем получать постепенно впечатление 7-ми цветов спектра, как говорили во время Ньютона; ныне же, после применения спектрального анализа Кирхгофа и Бунзена, в спектре стали насчитывать несметное количество цветов.

Если мы будем производить колебание больше 700 триллионов, – наш глаз не будет видеть ничего ровно.

Но нас спросят: чем же можно доказать, что существуют в природе колебания ещё более скорые 700 триллионов в секунду, – это такая быстрота, что трудно себе представить бóльшую?

Фотография подтверждает это. Луч света, пропущенный через спектроскоп, разлагается по количеству колебаний им производимых; глаз человека видит только те лучи, которые имеют от 450 до 700 триллионов колебаний; но фотография, или разложение химических реагентов, идёт дальше без всякого перерыва, – и гораздо дальше; мы получаем отпечатки и должны убедиться, что колебание существует.

Конечно, чтобы их видеть, нам, может быть, нужно было бы

получить шестое чувство, или сообразное развитие одного из старых чувств.

Совершенно то же мы можем сказать относительно разложения тепловых лучей. Теплота луча, проходя через призму спектроскопа, тоже разлагается и даёт своего рода спектр, невидимый глазу, но оглушаемый головкой термометра. Максимум и минимум его напряжения, его начало и конец, можно очень ясно исследовать термометром и нарисовать на бумаге совершенно так же, как и химический спектр. Все эти три спектра, нарисованные на бумаге, показывают свою полную независимость один от другого и имеют разные углы преломления. Из чего мы должны заключить, что и для познания тепловых явлений необходимо иметь ещё седьмое чувство, которого у нас нет.

Рождается ещё невольный вопрос: два совершенно тождественных явления познаются двумя отдельными нашими чувствами. Колебания эфира от 32 до 36 000 познаются ухом, а колебания от 450 до 700 триллионов – зрением: разве нет в природе промежуточных колебаний, т.е. от пределов 36 000 в 1 секунду до 450 триллионов? – В природе перерыва нет, природа сохраняет всегда во всём постепенность, – колебания существуют всякие, более резкие, чем 36 000, что доказывают нам опыты Лиссажу над дрожанием пластинок для получения геометрических линий, обозначающих разные звуковые волны при изучении гармонии. То же самое доказывают нам опыты итальянского учёного Меллоли над искусственным дрожанием пластинок. Всякое движение на земле должно сопровождаться звуком или светом. Отчего мы слышим движение пули или ядра, но не слышим движения луны вокруг земли, движения земли вокруг солнца, которые ещё гораздо стремительнее и, наверное, производят впечатление на более совершенных существ. Ещё Пифагор сказал, что эту музыку сфер физические уши не могут слышать, но понимают их только интеллектуальные уши. Все постепенные переходы колебаний от 36 000 до 450 триллионов в природе существуют – это несомненно, но познавать их могут более совершенные существа, чем мы.

На первый взгляд, может показаться странным предположение, что существуют в мире такие звуки, которые могут быть не слышны человеку. Неужели есть звуки, которых ухо не слышит? –

Неприменно есть. Чтобы выяснить этот вопрос, разберём строение уха у человека. В книге профессора Сеченова «Психические Этюды», стр. 53-я, мы находим: «В части уха, называемой улиткой, слуховой нерв рассыпается на отдельные нервные волокна, и каждое из последних находится в связи с эластическим телом клавишей. Принимают, что клавиши эти, подобно струнам в музыкальных инструментах, настроены в правильном музыкальном порядке, и что колебанию каждой клавиши соответствует определённый музыкальный тон. Клавишей этих у человека считают до 3 000».

Далее, в том же сочинении, на стр. 54, сказано: «Как бы это ни было, а всё дело слухового анализа сводится на различие нервных волокон, служащих для восприятия частей звуковых впечатлений. В сущности, механизм тот же, что и в глазу».

Следовательно, всякое существо способно воспринимать и познавать только те отдельные звуки, для которых оно имеет соответствующие клавиши в слуховом своём органе; остальные звуки остаются непонятны. Человек может познать своим ухом из 36 000 только до 3-х тысяч, следовательно, только $\frac{1}{12}$ часть даже из тех звуков, которые считаются ему доступными. Мы видим, что у многих животных слух развит менее, чем у человека, и что предел распознаваемых им звуков ещё более сжат. Они не слышат многих звуков, которые слышит человек; это может быть очень просто объяснено тем, что у них отсутствуют ушные клавиши для принятия известных звуков или колебаний эфира.

Наоборот, мы видим филина, сову, кошку и многих других животных, у которых зрительные органы способнее наших, – они принимают и познают такие световые колебания, которых человек не видит. Эти животные видят ночью в то время, когда человек не может видеть. Это доказывает: во-первых, то, что те предметы, которые нам не видны, в сущности имеют цвет, ибо только при этом условии они могут сообщить колебание окружающему их эфиру, фактически действующее на глаз кошки или филина; если бы они не обладали способностью вызывать колебания эфира, то, конечно, были бы для всех одинаково невидимы и неуловимы; а во-вторых, что человек познаёт только те цвета или колебания эфира,

которые соответствуют способности его глаза, – а не все существующие в мире. Способности зрения летучей мыши начинаются именно там, где способности человека кончаются, – она видит только те колебания эфира, которых человек не видит.

Мы очень легко можем предположить совершенно то же относительно звука, – что животные, не слыша некоторых звуков, которые мы слышим, могут слышать те, которых мы не слышим, т.е. звуки, производимые колебанием эфира 38 000 – 39 000 и т.д. раз в одну секунду, и даже те звуки, которые находятся в пределах человеческой способности, но которые остаются ему не слышны, т.е. от 36 до 36 000. Этим многое объяснилось бы в жизни животных. Мы часто задаем себе вопрос: «Неужели животные не говорят? Какие невидимые нам знаки употребляют они, чтобы понимать друг друга? Эти вопросы не раз уже занимали человечество и не находили, однако, никакого объяснения.

Кому из охотников на драхв не удавалось видеть целое спящее стадо, причём все они держат головы спрятанными под крылья и кажутся вполне погруженными в свой сон, одна лишь сторожевая драхва бдительно расхаживает кругом и юрко осматривается. Вот подползает охотник, или тихо подходит, спрятавшись за искусственным переносным кустом: одно неосторожное движение – и сторожевая драхва уже почуяла опасность, она вытянула шею, повернула голову по направлению охотника, не издав ни малейшего звука, и всё стадо моментально поднялось и полетело. Каким образом передала она стаду впечатление своего испуга? Таких примеров безмолвной передачи мыслей между животными можно привести множество, которые получают своё объяснение только тогда, когда мы предположим, что они объясняются, но при тех колебаниях эфира, которые остаются человеку недоступны.

Относительно способности некоторых животных видеть ночью, нам могут возразить, что тёмные лучи света сами по себе не производят непосредственного впечатления на глаз кошки и филина, что у всех животных, которые видят ночью, есть лишняя плёнка в глазу, называемая «глазным ковриком», которой нет в глазу других существ. Это совершенно верно, но это служит только подтверждением нашего положения, а не опровержением его.

Существование этого коврика было открыто давно, но не находили связи между ним и возможностью видеть тёмные лучи; только в последние годы в Германии заметили, что, например, ультрафиолетовые лучи, пропущенные в абсолютной темноте через раствор хинина, дают даже в глазу человека впечатление голубого цвета. Совершенно так же некоторые растворы других металлоидов преобразовывают и другие цвета спектра, находящиеся в абсолютной темноте, а следовательно, нам невидимые, в цвета светлые, уловимые нашему взору. Химический анализ показал, что как раз все эти металлоиды находятся в химическом составе этого коврика, а следовательно, можно предположить, что невидимые тёмные лучи, проходя чрез него, преобразовываются в глазу филина и кошки в видимые; это доказывает, во-первых, что они существуют, если могут преобразовываться в другие; в настоящее же время мы только и хотим доказать существование таких лучей, которые человеку не видны, ибо мы не занимаемся анатомическим строением глаза; а во-вторых, – то, что, в конце концов, способности филина и совы идут дальше в распознавании колебания эфира, чем способности человека.

Мы совершенно свободно можем предположить, что у более совершенных существ, чем человек, и пределы познаний этих колебаний больше, как и при распознавании звука, так и при распознавании света, и, наконец, – вполне совершенные существа должны познавать все колебания; именно так: они и видят, и слышат все колебания, т.е. у них для слуха и для зрения один и тот же, но вполне совершенный орган, познающий все явления одного и того же разряда, но проявляющийся лишь с разными напряжениями.

Неразвитость и неполнота чувств наших доказываются ещё тем, что даже грубые тела могут пропасть у нас из глаз. Возьмите пластинку и заставьте её колебаться более 15 раз в секунду, – вы её более не увидите; струна, колеблющаяся и издающая звуки, нам тоже не видна; даже спицы большого колеса при скором их вращении исчезают у нас из глаз. Мы не будем разбирать, почему эти колеса и пластинки исчезают, от того ли, что виды их сливаются в один от скорости движения, от того ли, что скорость сама по себе

велика и недоступна нашим глазам, — это положительно безразлично, ибо одинаково доказывает недостаток наших чувств, несовершенство их. Не всё ли равно, отчего я не вижу этого громадного стопудового колеса, которое в двух шагах от меня вертится со скоростью совершенно ничтожной в сравнении, например, со скоростью вращения земли и других скоростей, существующих в природе. Если для наших чувств могут быть невидимы целые колёса, то мы уже не знаем, как ещё более может над нами, бедными жителями земли, издеваться природа. Мы можем, следовательно, не замечать проходящей мимо нас целой толпы существ, лишь бы все они были одеты в те цвета, которые недоступны нашим чувствам, лишь бы они двигались со скоростью, недоступной нашему глазу, и говорили громко, но при тех дрожаниях воздуха, которых мы не ощущаем, и т.д., и т.д.

Из всего вышесказанного можно вывести целый ряд заключений не в пользу большего развития чувств человека. Не будем касаться существ, стоящих выше человека в своём развитии, но упомянем о существах, стоящих ниже человека, т.е. возьмём опять в пример животных.

Есть чувства у животных, или, скорее, степень развития наших чувств, которые нам положительно непостижимы; например, обоняние развито у охотничьих собак до такой степени, что наше воображение ничего большего себе представить не может. Как понять этот, хотя и заурядный, факт: собака чувствует запах зайца или птицы, которая несколько часов тому назад прошла по этому месту и теперь находится уже за несколько вёрст. Собака знает даже: в какую сторону бежало животное, или улетела птица. Зрение, например, у орла и у других хищных птиц должно нас удивлять не менее. Птица царит под облаками и видит свою небольшую добычу на земле, в одно мгновение ока она бросается по совершенно отвесному направлению, нисколько не отклонившись от первоначального принятого направления. Осязание летучих мышей доходит до удивительного развития. Лишённая зрения днём, летучая мышь так же хорошо летает, обходя все встречающиеся ей на пути препятствия, как будто это ночью, когда она хорошо видит, ибо она осязает своими крыльями издали приближение к предметам и так же хорошо отыскивает обратный путь к своему

жилищу, как будто она пользуется зрением.

Ничего подобного в человеке мы не видим, а следовательно, он имеет полное право позавидовать животным в развитии некоторых чувств, превосходящих в значительной степени силу тех, которыми он владеет. Но этого мало, – он должен бы был считать себя вполне счастливым, если бы превосходство животных ограничивалось бы только одним сложением организации. Мы хотим указать на то, что многие – почти нравственные или общежитейские – способности животных должны претерпеть ту же участь, ибо они весьма отчётливо превосходят всё то, на что способен человек.

Обратите внимание на порядок, господствующий в каждой муравьиной куче или в каждом улье пчёл, и вы должны будете признаться, что как ни просты отношения между муравьями или между пчёлами, однако нам, людям, личностям разумно-нравственным, обладающим всеми высшими средствами и способностями, никак нельзя не только стать выше их, но хотя отчасти поравняться с ними.

Что может быть проще: все послушны своей царице, все подчиняются беспрекословно, все работают, все трудятся, все самым добросовестным образом складывают свои заработки в одно общее место, из которого пополняются потребности как каждой отдельной личности, так и всего общества. Всякий правильно распределённый и совместный труд, в особенности при содействии, оказываемом другими и общем согласии, гораздо благодарнее, легче и спорей, чем тот же труд, но производимый отдельно каждой личностью, в особенности, если окружающие относятся к нему со злобой и завистью.

Муравьи и пчёлы хорошо это поняли, а потому относятся честно и добросовестно к своему делу, приносят домой всё, что собрали и наработали, всё поступает в общее пользование, никто из них и не думает украдкой утягивать часть из этого в своё собственное распоряжение, как гарантию на чёрный день, никто не желает возвышаться над другими, никто из них не предьявляет своих прав на господство и не находит причины, по которой он мог бы считаться выше других, – этот вечный повод ко всем междоусобиям, существующим у людей, ещё не известен пчёлам. У

них сильный поддерживает слабого своей бóльшей работой и бóльшими трудами, общее попечение и симпатии направлены на детёнышей, и никто из них не разбирает – это мой, а потому он лучше других и достоин большей порции, у них все получают один и тот же кусок.

Сколько было людских общежитий, и больших, и малых, в истории человечества? Какой был им конец? Не всегда ли они кончались общим раздором и полным разорением общественной кассы в пользу наживы отдельных лиц? – Это понятно, скажут нам, человек умнее пчелы и потому соблюдает свой собственный интерес, чего не может делать пчела. – Но! Неужели ум может мешать человеку облегчать свой труд, обеспечивать себя, жить ровно и спокойно, а следовательно, гораздо более счастливо, чем теперь? Кроме того, тогда не было бы нуждающихся, все были бы довольны судьбой своей, не было бы зависти, ибо всякий довольствовался бы тем, что имеет общество, был бы порядок, ибо не было бы злоупотреблений.

Действительно, не мешало бы людям хотя отчасти воспользоваться тем примером, который дают им пчёлы; надо думать, что этот порядок вещей установил бы хотя отчасти нравственный принцип между людьми, при котором все члены общества вырабатывали бы, кроме своего экономического благосостояния, тёплые чувства участия и самые благородные стремления взаимной дружественной помощи по отношению друг друга; сильный через свою силу избавлял бы слабого от непосильного труда, слабый, недужный и старый, оберегая общее имущество, способствовал бы, сбережениям того, что нажито другими; умный руководил бы, направлял бы всем; сироты не чувствовали бы своего печального положения, и не было бы бедности на земле. Между людьми всё это могло бы быть много лучше и совершеннее, чем это у пчёл и муравьёв, а между прочим пчёлы довели свою жизнь до совершенства, а люди ещё и не подумали осуществить это на деле, несмотря на то, что такой способ жизни может быть приложен и к целому государству, и к обществу и даже отдельным семействам и кружкам, так как он несомненно принёс бы материальное благосостояние и способствовал бы нравственному развитию людей.

Но люди думают иначе. Нравственный порядок никогда не составлял для них приманки; освободить страну от нищеты и от нищей братии никогда не возводилось ими на степень идеальной цели их стремлений, которую взялось бы преследовать всё общество. В совершенную противоположность тому, мы у людей встречаем лень, гордость, тщеславие, эгоизм, злость, зависть, укрывательство чужой собственности, лицепрятие, общее несогласие, упорство в своих, часто совершенно глупых, мнениях и полное нежелание подчиниться чужим, иногда, очень умным, требованиям, вражду и, наконец, месть со всеми ужасными от неё последствиями. Все эти качества составляют прямые тормозы человеческого благосостояния, которые мы ни у муравьёв, ни у пчёл не встречаем, почему мы фактически ничего подобного между людьми устроить не можем и зачастую покрываемся или оправдываемся тем, что муравьи и пчёлы ведут слишком простую жизнь, и подобное поведение у людей было бы недостойно высокого ума их.

Нет, человек – не последнее звено творения, он не может назваться венцом живых и разумных существ, он не идеал совершенства. Всмотритесь в его жизнь, как в частную, так и общественную, разве это не целый и бесконечный ряд курьёзов, ни с чем не сообразных: ведь всякий себя медленно убивает; все народы мало-помалу себя разоряют; все общества погрязли в непроходимых абсурдах и связали себя по рукам и ногам совершенно ненужными предрассудками, принципами, тенденциями и обычаями; причуды, в которых они запутались, заставляют страдать каждого из них и миллионы народов, стоящих в зависимости от них.

Не будем вдаваться в первые времена существования человека на земле, в какие-нибудь эпохи пещерных медведей или в каменный период, в котором были бы понятны разного рода неровности человеческого характера и даже дикость нрава, ибо можно было бы сослаться на грубые условия жизни; но вспомним несколько последних страничек нашей новейшей истории, о том, например, как каких-нибудь лет двести тому назад инквизиция истязала и умерщвляла ежегодно десятками тысяч ничем не повинных людей; какие выдумывала она сложные и вполне замысловатые орудия пытки и казни для того, чтобы больше заставить страдать и

мучиться этих бедных жертв во Имя Всемилостивого и Всеблагого Бога, – идеала добра, кротости и любви! Вспомним действия англичан в Индии, историю коммуны во Франции, которую закончила последняя франко-прусская война; вспомним все наши войны с их губительными последствиями; вспомним тысячи примеров самого варварского обращения с ни в чём не повинным человеком, хотя бы недавно законом отменённое рабовладельчество, но которое фактически существует и в настоящее время в виде господства сильного над слабым, в виде самых разнообразных видов эксплуатации бедности, нищеты, недуга, порока, страсти, привычки и нужды; вспомним процент убийств, самоубийств и других преступлений и сравним их с количеством общественной благотворительности; – все страны, все общества, все семейства и, за малым исключением, можно сказать, что все повально люди загрязнены в таких историях, что ясно и наглядно показывают насколько, несмотря на современное образование, на эпоху господства ума и анализа, на глубокое значение науки, прошедшей даже до нашей ежедневной и обыденной жизни, на количество учёных коллегий, университетов, высших и низших школ, – человек решительно не умеет распоряжаться собой и своим ближним. Всё это показывает полное отсутствие тех знаний, которые могли бы хотя сколько-нибудь облегчить его жизнь, сделав её несколько лучше, мягче, ровнее и обеспеченнее, дать правильную цель его жизни, стараясь достигнуть которую путём опыта и навыка, человек мог бы сам делаться лучше, добрее покорнее своей судьбе, снисходительнее к ближнему и строже к себе.

Для образования себя в этом направлении надо было бы человеку укорениться в началах нравственности и приобрести некоторое развитие сил душевных, без которых никто отчётливо сознавать не будет те высшие понятия о правильных отношениях своих к другим, единственно через которые человек может приобрести задатки мира на земле. Только подобное развитие могло бы точно указать ему, что никогда общество не может быть дружно, если есть ещё в нём личности гордые, самолюбивая, тщеславные, завистливые, и если всякий член его не будет жертвовать хотя частью своего личного расчёта, своим покоем и своими трудами в пользу других.

У личностей, нравственно слабых, потребности организации преобладают над стремлениями души; они легче понимают всё, что охватывается разумом, или поддается анализу ума, чем то, что составляет влечение сердца их. Расчёт и практическая логика заглушают в них то, что изредка, как луч света, осеняет их, проявившись совершенно для них непонятным образом откуда-то, из какой-то непонятной и не признаваемой ими глубины их существа, как нечто совершенно неподходящее, противоречащее всем их воззрениям, идущее прямо в разрез с их страстями, с их эгоизмом, с их обыкновенным хладнокровием, с которым они привыкли смотреть на страдания ближнего, находя их в порядке вещей.

Как всё это жалко и ошибочно!.. Ведь в настоящее время можно признать вполне доказанным, что счастье людей не приобретается одним умом и расчётом, что развитие одного ума не приводит к познанию истины и правильных отношений человека к природе. Наука ведь вырабатывает единственно законы материи, вся деятельность её только тем и ограничивается и нисколько не затрагивает ни одного из тех вопросов, которые способствуют человеку достигать довольства собой и чистую совесть. В этом случае можно сослаться на вполне компетентный авторитет великого русского сердцеведа и профессора К.Д. Кавелина, который в своих «Задачах этики» очень определённо выясняет этот вопрос; он говорит: «Что дало науке такое первенствующее положение, создало ей роль верховного трибунала истины?

Её орудие есть ум, мышление. Сначала он считался единственным источником знания. Его выводы и заключения признавались за единственное и безусловное мерило истины. Логика заняла между науками первое место.

Это было высшим торжеством мыслящей способности человека; но и с нею произошло потом то же, что с развенчанной ею непосредственно данной истиной.

Сперва против безусловного авторитета разума и мышления восстало опытное знание, которое доказало, что мышление, само по себе, бессильно и впадает в ошибки, что оно есть действительная сила и даёт в результате истину только тогда, когда оперирует над данными — явлениями и фактами. Отсюда пришли к заключе-

нию, что для получения истины надо поверять выводы и заключения ума, наблюдениями и опытом.

Это был сильный удар, нанесённый авторитету ума. Он, привлекавший всё к своему суду, сам был призван к суду фактов и опытных наблюдений.

С этого времени всемогущество ума было поколеблено. С разных сторон он начал терпеть поражение за поражением. Прежде всего от него отложились естественные науки, потом психология, право и науки социальные. Наступает пора критической переработки и логики по началам опытной психологии.

В наше время всемогущество разума и мышления обратилось уже в предание, которое скоро совсем забудется. Цикл полного его развития совершился, и ему подводятся итоги. Выяснилось, что мышление – не всё для человека; что ум есть одна из способностей психической человеческой природы: мышление – одна из её функций; что рядом с нею есть и другие, которых она заменить не может; что в общей экономии человеческого существования она занимает особое место, имеет своё особое назначение, свой круг действия, свои сильные и слабые стороны.

Пока опытное знание доканчивало дело с безусловной властью мышления и вытесняло её следы из всех отраслей науки, казалось, будто возникает новая сила, которая овладеет умами и так же будет руководить ими, как прежде вера, потом чистый разум. Но скоро пришлось в этом разубедиться. Опытное знание есть, но принципу, то же знание, как и прежде, чисто логическое, метафизическое, выдававшее себя за обладателя безусловной истины, – но знание, приближенное к людям, менее отвлечённое, более для них полезное и практическое. И логическое, и опытное знание одинаково объясняют общие условия и общие законы бытия вещественного мира. Противники знания поняли это их сродство, но не поняли того, что борьба опытного, индуктивного знания с логическим и метафизическим была междоусобием и громадным шагом вперёд к развенчанию злейшего их врага – разума и мышления, к обращению его из безапелляционного судьи, безусловного распорядителя и устроителя человеческих судеб в одно из прирожденных свойств человеческой природы. Нового руководящего при-

шита опытное знание с собою не несло и не поставило, но, приблизив отвлечённое мышление к действительному живому человеку, стало служить ему, удовлетворять его разнообразным нуждам и потребностям и открыло широкую дверь развитию прикладных наук, техники и технического искусства по всем отраслям, в которых прежде о рациональном применении знания никто не думал и даже не смел мечтать.

В таких условиях стоит человек у порога двадцатого столетия. Они обрисовывают его положение и ближайшие задачи будущего» (стр. 140 –142).

Он говорит далее: «А если это так, то не в одних вещественных условиях существования, а вместе с ними и в жизни индивидуального, единичного лица, следует искать причины зол, удручающих человеческий род, следовательно, не один вещественный мир должен быть улучшен и исправлен, а вместе с ним, в то же время, и единичный, действительный человек. Поняв настоящее значение вещественного мира и то, в чём заключается тесная его связь с единичным, живым человеком, мы должны рано или поздно убедиться, что сам по себе отдельно взятый, оторванный от почвы, на которой вырос, т.е. от психической жизни индивидуального лица, для которой он существует, вещественный мир не имеет смысла и не может самостоятельно существовать в понятиях человека, как собственная его тень, или как облака и тучи, с дождями, грозами и градами, образуемые испарениями суши и вод.

Но специфическое то, что отличает человека от природы и от него самого, как животного организма – это его сознательная психическая жизнь и деятельность, рождаемая способностью перерабатывать внешние впечатления и внутренние ощущения в новые формы и приводить их в новые сочетания. Условия, вносимые этой способностью, неизвестны остальному миру; только человеку доступны формы и комбинации, рождаемые сознательностью. До сих пор мы имели дело с продуктами сознательности, как с вещественными явлениями; наступает пора обратить внимание на роль этой способности в жизни и деятельности индивидуального лица и в устройении его личной судьбы среди внешней природы и других людей, в организованном сожителстве.

Таким образом, развитие самого знания приводит нас снова к

религии и научной нравственности. Обе, сначала отвергнутые, оказываются двумя различными путями к устроению личной судьбы, жизни и деятельности единичного, действительного человека, как выработка так называемого вещественного мира есть лишь путь для устроения судьбы, жизни и деятельности, мы не можем остановиться ни на религии, как на догматическом учении, ни на этике, как на научной системе, а должны спуститься ещё ниже, сделать ещё один последний шаг, – осуществить в жизни, на самом деле, то, чему учат религия и нравственность. Только воспитанием и беспрестанным упражнением мысль обращается в действительность и их различие исчезает совсем: идеал становится действительностью, действительность – идеалом.

Обратимся назад. Длинён и тяжёк был путь знания, которым шли новые европейские народы; но они совершили великое дело и великий подвиг. Они окончательно, бесповоротно и блистательно разрешили вопрос о мышлении, его условиях, законах его деятельности и участии в жизни человека и людей. В сравнении с тем, что сделано по этому вопросу христианской Европой, все усилия и попытки древнего мира и востока кажутся ребяческими начинаниями, младенческим лепетом. Соблазнившись древом познания добра и зла и повторив историю грехопадения, христианские народы Европы разгадали загадку мышления, рассеяли его миражи, выяснили механику, которая их производит. В этом великая заслуга европейцев. Благодаря результатам, достигнутым их невероятными усилиями и тяжкими жертвами, дальнейший путь указан и облегчён. Будущие деятели и двигатели развития рода человеческого, кто бы они ни были, могут, зная то, что уже сделано и выяснено, идти далее, не смущаясь тем, что так долго и так мучительно сбивало их с толку на пути к возможному улучшению быта и деятельности человека – посреди природы и других людей» (стр. 145–147).

Чтобы познакомиться с мнением философа Канта, мы приведём сокращённый смысл его подробных рассуждений из книги «Kritik der practischen Vernunft».

По Канту, нравственность есть сама по себе цель. Исполнять этот закон должно не для того, чтобы получить счастье (всё равно, в этой или будущей жизни), но только потому, что этот закон сам

по себе хорош, разумен и соответствует истинной природе человека. Вопрос о том, для чего надо быть нравственным, бессмыслен; это высочайший долг человека и никакого другого смысла он не имеет. Искать какой-нибудь иной цели, значило бы подчинять его чему-нибудь иному, и тем отрицать безусловную высоту нравственного начала, видеть в нём лишь средство.

Но здесь возникает перед нами наиболее трудный вопрос. Счастье не может быть целью нравственной деятельности; это установлено окончательно. Но, с другой стороны, если долг и есть сам по себе высшее благо, то полная и окончательная справедливость требует, чтобы добрый человек не был несчастным. И это не есть эгоистическое желание человека, но требование самого разума, который ищет полной справедливости (стр. 133). Затруднение это состоит не столько в том, что мы видим теперь в мире несправедливое распределение счастья, но действительная, и по-видимому, неустранимая трудность вопроса состоит в том, что мы вообще не можем представить никакой связи между исполнением долга и счастьем.

Счастье и нравственность вообще могут быть связаны только трояко: или счастье и нравственность есть одно и то же, или нравственность порождает счастье, или, наконец, счастье порождает нравственность. Что счастье и нравственность не одно и то же, что правила для достижения второго иные, чем правила для достижения первого – это уже доказано: долг состоит именно в том, чтобы отрешиться от всех предметов желаний и следовать одному формальному, нравственному закону. Ещё невозможнее второе предположение, именно, что счастье есть причина нравственности. Это утверждение прямо ложно, ибо нравственность состоит не в какой-нибудь цели, но в самом нравственном действии. Что касается до третьего возможного предположения, именно, что нравственность есть причина счастья, то оно по-видимому тоже невозможно, ибо счастье обусловлено неизменными законами природы; для достижения его должно знать эти законы, уметь ими воспользоваться, одним словом, – иметь совершенно иное правило поведения, чем безусловное и формальное предписание нравственного долга (стр. 140–143).

Таково коренное противоречие деятельного разума. Он требует, с одной стороны, чтобы полное благо, т.е. соединение нравственности со счастьем, было возможно, с другой – не находит никаких оснований для этого совпадения.

Из этого противоречия, говорит Кант, есть только один исход, именно признания бытия такого Верховного Существа, которое, стоя выше как природы с её законами, так и конечных существ, привело бы в правильную связь добродетель с счастьем. Человек, как разумно действующее в мире существо, не есть творец мира и природы, поэтому и в исполняемом им нравственном законе нет ещё никакого основания для необходимого совпадения между добром и счастьем. Но так как это совпадение есть требование (постулат) его разума, без которого сама нравственность, как возможность полного блага, недостижима, то мы необходимо приходим к утверждению бытия Разумного Творца и Промыслителя, восстанавливающего мировую справедливость, т.е. Бога. Бытие Бога, признанное возможным, но непостижимым для теоретического разума, открывается теперь как действительное и необходимое нравственному сознанию. Нравственный долг открывает новый мир, мир сверхчувственный с его Главою и Промыслителем – Богом (стр. 150).

Фихте старался установить тождество бытия и мысли, существования и сознания, объекта и субъекта. В виду такой цели он рассматривает «я», как деятельность по преимуществу.

Согласно с этим, в практической части своей философии, он приходит к заключению, что истинное назначение человека не мысль, но действие, которое есть осуществлённая мысль.

«Я свободен, – говорит он. – Это откровение моего сознания. Я свободен; всё мое достоинство определяется не только моими действиями, но и свободным решением моей воли повиноваться голосу совести. Вечный мир для меня теперь светлее, и основные законы его устройства яснее раскрываются пред моим умственным взором. Моя воля, сокрытая в глубоком тайнике души моей, есть первое звено в цепи следствий, охватывающей невидимое царство дуда, точно так как в этом земном мире действие, – движение, сообщённое материи, – есть первое звено в материальной

цени причин и следствий, охватывающей этот мир. Воля есть действующая причина, живой принцип духовного мира, движение же есть принцип чувственного мира. Я стою между этих двух миров: с одной стороны – мира видимого, в котором существенно только одно действие, тогда так намерение не имеет никакого значения, с другой – мира невидимого и непостижимого, на который воздействует воля. В обоих этих мирах „я“ – действующая сила. Божественная жизнь, как её может представить себе конечный ум, самообразующаяся, самопредставляющаяся воля. Взору смертных она является облеченной в бесчисленное множество чувственных форм, она проникает меня и всю неизмеримую вселенную, пробегая по моим жилам и мышцам и сообщая жизнь деревьям, цветам, траве. Мёртвая, тяжёлая масса инертной материи, наполнявшей природу, исчезла и вместо неё течёт из своего бесконечного источника светлый, вечный поток жизни и силы.

Вечная воля есть Творец конечного разума. Кто полагает, что мир создан из инертной материи, которая всегда должна оставаться безжизненной подобно сосуду, сделанному человеческими руками, тот не знает ни мира, ни его Творца. Только воля или бесконечный разум существуют в самом себе, конечный же в нём; в нашей душе воля эта создала мир, или по крайней мере то, при посредстве чего он раскрывается пред нами. Великая, животворящая воля, невыразимая словом и необъемлемая никаким понятием, к тебе я возношусь мыслью, потому что только в тебе я могу разумно мыслить! В тебе, непостижимая воля, разгадка моего собственного существования и бытия мира; в тебе я нахожу решение всех вопросов и обретаю царство полной гармонии. Я закрываю пред тобою лицо и налагаю перста на свои уста». (Ист. филос. Льюис, т. II, стр. 290, 291).

Человек, потерявши веру в непогрешимость своих чувств, в абсолютное значение своей науки, в неограниченную силу своего разума и своих способностей, неминуемо должен сойти с своего высокомерного пьедестала тщеславного всеведения и признаться, что был на ложном пути. Он должен понять, наконец, что есть нечто Высшее, перед чем уничтожаются, стушёвываються и теряют всю свою привлекательную прелесть все те идеалы, которые с таким увлечением он преследовал раньше; он должен признать себя

совершенно несчастным и даже презренным существом, если, не откинув всю свою гордость, всё тщеславие, всю самоуверенность, не будет смотреть на себя, как на ребёнка., из которого должен со временем только выйти другой, более совершенный, человек; если он не будет желать своего полного образования, т.е. умственного и нравственного одновременно, и если он не будет уверен, что рано или поздно достигнет того, что составляло уже для него цель, и чего он здесь на земле достигнуть не мог.

Глава X.

Смерть человека.

Если смерть ещё не конец нашего существования, а только метаморфоза, если могила не более как колыбель новой лучшей и бесконечной жизни, то, умирая, не вполне ли мы походим на бабочку, которая только что выходит из своей куколки, или из своей временной могилы? Она ещё не оправилась от тех физических усилий, которые ей пришлось испытать; она скоро отдохнёт и сейчас же подыметя на воздух, станет летать и парить под облаками, чего она никак не могла сделать, бывши червячком. Это весьма наглядное изображение этой метаморфозы, которая неминуемо должна постигнуть всех нас.

Но вот вопрос, – постигнет ли эта метаморфоза всех нас одинаково? Будут ли следствия её для всех нас однообразны? Что по преимуществу должно влиять на результаты её?

Несомненно, что наше материальное тело со всеми его физическими свойствами и потребностями, наша красота и элегантность или, наоборот, наша грубость и всякого рода телесные уродства – не будут влиять на результаты роковой метаморфозы; всё это останется на земле и будет похоронено в могиле, как принадлежности никуда уже более не годного и отслужившего свою службу тяжёлого чехла или временной оболочки души.

Что же может остаться при душе, потерявшей своё земное тело и сохранившей лишь свою индивидуальность или своё земное «я». Что же останется при душе такое, что больше всего будет влиять на результаты, или лучше сказать на ощущения, сопровождающие как самый переход человека в новую жизнь, так и на самое загробное его состояние? От него главным образом будет зависеть состояние души в этом царстве бесконечного добра и милосердия? Нет сомнения, что всё состояние души, как во время перехода, так и в

течение всей загробной жизни будет зависеть всецело от тех нравственных качеств души, которые выработала она в себе в течение земной жизни, ибо только одни качества остались при ней, всё же остальное – материальное и вещественное – погребено в могилу; а потому весь вопрос сводится к следующему: человек обладает двумя главными силами и способностями своей души, это умом и нравственностью; влиять могут только результаты деятельности этих сил, присущих его существу, а потому постараемся разобрать результаты деятельности каждой из них и вывести возможность влияния каждой из них на состояние души за гробом.

Начнём с *нравственности*: разбирая свои нравственные качества, человек делает им огромное число подразделений: есть люди добрые, злые, честные, преступные и т.д. Очень много подразделений происходит от разнообразия занятия, места жительства, от образования и культуры; есть люди дикие и грубые, – вспомните первобытных людей или современных камчадалов и самоедов; есть, наоборот, и чрезвычайно образованные, чувствительные и развитые люди; есть, люди обращающие внимание и вникающие во все требования своих внутренних стремлений и потребностей; есть такие, которые отвергают и стараются заглушать, если бы что-либо подобное и проявилось в них. Несмотря на то, мы, однако, видим, что понятие о нравственности не относительно, а, напротив, нравственность имеет свой абсолютный смысл и закон. Везде считается безнравственным убивать ближнего, пользоваться чужим добром, бить слабого, быть неблагодарным, лгать, посягать на свою жизнь и т.д., из чего действительно должно заключить, что нравственность не относительна, а понимание её до некоторой степени определённо и абсолютно в самой природе нашей души, а следовательно, весьма естественно, что наша душа, преступая законы нравственности во время своей жизни, после смерти должна быть более или менее грешна, а может быть и совсем преступна. Только лица совершенно нравственные могут иметь чистую душу. Мы все должны перейти через смерть; – встретим ли мы все одно и то же в будущей нашей жизни? – Наше сознание и совесть нам говорят, что этого быть не может.

Если каждый из нас ещё при жизни на земле чувствует всегда, когда преступает законы нравственности и законы любви, то в

праве ли мы предполагать, что за гробом голос совести будет меньше преследовать нас и настаивать на своих требованиях?

Это немыслимо, – нельзя в этом случае не принять во внимание, что в течение всей земной жизни все чувства нашей души приглушены познанием ощущения нашего грубого и вещественного тела, по крайней мере из тех философов, которые признавали душу в человеке, все выражались в этом направлении, никто из них не мог допустить, чтобы тело человека хотя сколько-нибудь способствовало свободным отправлениям души. Дав человеку тело, природа совсем отняла у него многие способности качества души, а те, которые и остались, стеснены отправлениями его тела. Вот эти то только парализованные чувства души и ощущает человек, пока не умрёт, они-то и производят в нём: мучение совести, сознание пороков или вообще сознание нашей греховности. Эти мучения, конечно, не велики, ибо не могут проявиться со всей их силой; они не причиняют нам на земле физических беспокойств, или чего-либо из того, что мы называем «болью» в полном смысле этого слова; эти мучения никак не похожи ни на прижигания раскалённым железом, ни на то ощущение, которое получается при вытягивании жил из тела, или на что-либо подобное. За гробом это должно быть совершенно иначе: отправления души будут свободны, все ощущения её будут предоставлены самим себе, полному и свободному действию их, и ничто уже больше не будет стеснять их развития и их стремлений.

В природе мы видим, что чем грубей организм, тем менее впечатления производят на него нравственные страдания. Животные почти совсем не имеют их, ибо те слабые признаки совести и сознания своей вины, которые изредка мы замечаем у высших и притом только у домашних животных, могут быть всегда сведены к страху наказания. У животных в диком, или в неприручённом состоянии, мы их совершенно не видим; лишнее было бы говорить о птицах и рыбах. Чувствительность души существует только у людей, и она растёт по мере образования и развития человека. Камчадалы и самоеды имеют чувственность низшую, чем люди образованные.

Люди развитые, нервные, совершившие преступления муча-

ются укорами совести. Она причиняет им нравственные страдания. Эти страдания усиливаются от одиночества и во сне, когда отправления души свободнее, когда укоры совести не развлекаются жизнью. Преступники в ужасе вскакивают, вспоминая ужаснейшие страдания, которым они подвергались во сне; сон для них не утешение, он не облегчает их общего состояния, и их нравственный недуг дошёл бы может быть до сильных мучений, если бы этому не препятствовала бы слабость организации, – тело изнуряется, слабеет и отказывается передавать то, что чувствует душа. Наконец, организм свыкается и приспосабливается к этому положению, и скоро человек, без всяких резких ощущений, вспоминает о своём поступке и находит возможность заглушить и те слабые проявления сознания, которые изредка тревожат его.

Сильные ощущения душевных страданий мы видим только при моментальных их проявлениях: человек, вспомнив вдруг своё злодеяние, впадает в ужасное состояние, которое часто сам определить не может; но он положительно утверждает, что это что-то ужасное и непостижимое. Преступники в тюрьмах, для того чтобы заглушить приступы укоров совести, прибегали не раз к самым зверским самоистязаниям, на которые не может решиться человек добровольно, и эти истязания не способны были удовлетворить их, – они искали и желали всегда ещё больших и больших телесных мучений.

Иногда душа вызывает в мозгу настолько ясное представление лица пострадавшего или места преступления, что человек видит образы своих жертв, признавая их здесь присутствующими. Но подобное состояние тоже не может долго длиться, организация берёт перевес, силы слабеют, всё сглаживается и проходит.

Душа наша, освобождённая от тела, будет предоставлена всей силе чувств, и чем она сама совершеннее, развитей и чувствительнее, тем и ощущения её будут сильнее и резче. Нет причины им ослабевать или прекращаться, так как усталость не может быть свойством духа; за гробом нет притупления чувствительности; поэтому сильные причины должны вызывать у души резкие ощущения. Резкие же ощущения, вызванные во всём существе души, состоящей из одной чувствительности, должны бесспорно вызывать страдания действительно ужасные, такие, каких мы своим грубым

телом и представить не можем, хотя бы мы вспомнили самые ужаснейшие боли, которые только может испытать наше тело.

Итак, если человек в продолжение своего земного странствования вместо того, чтобы совершенствоваться, очищаться от страстей и недостатков, отяжелял свою совесть греховными поступками, вырабатывал в себе ненормальные привычки, а следовательно, и неестественную природу души, т.е. не соответствующую условиям загробной жизни, – то, конечно, он должен будет страдать в загробной жизни.

Необходимость этих страданий выводится весьма логично и естественно. Всякое существо – может жить удобно только в среде соответствующей её организации и чем более оно гармонирует или отвечает условиям среды, тем и удобнее его жизнь и тем устойчивее его существование в ней. На земле все твари вымирают, если изменить среду их существования и окружить их другой не свойственной их организации. Например, рыба, лишённая воды, или животное, погружённое в воду – погибают немедленно; при менее резких переходах, как все твари, так и человек чувствуют своё ненормальное состояние, они страдают; отчасти их организм имеет возможность приспособляться к этому состоянию; происходит борьба органических сил с внешними условиями, всегда очень тягостная и томительная, которая кончается или акклиматизацией, или смертью субъекта. Загробное царство мы не можем представить себе иначе, как царством добра милосердия и любви. Всё дышит в нём этими качествами всё проникнуто ими, или лучше сказать всё состоит из них и всё что не соответствует идее добра и любви, всё, что не носит в себе соответствующих оттенков и характера, не может отвечать условиям удобной и нормальной в нём жизни, ибо не может гармонировать с условиями загробной среды. Злая, преступная, завистливая душа не найдёт подходящих условий для жизни за гробом, не найдёт никаких условий, которые отвечали бы её природе. Она всегда будет чувствовать себя, как рыба, вынутая из воды и предназначенная жить в воздухе; с тою только разницей, что смерти, (понимая её в земном смысле), за гробом уже нет, а потому ей предстоит весьма тягостная акклиматизация, или лучше сказать весьма болезненное

перерождение и изменение всех своих качеств и всей своей природы на другую, окончательно не похожую на ту, которая в настоящее время у неё. Как произойдёт всё это перерождение, конечно, мы знать не можем – но логика должна подсказывать, что состояние ощущений этой души должно быть весьма болезненно и тем более болезненно, чем менее душа эта соответствовала условиям добра и любви.

Однако, не одно количество отступлений от нормальных условий загробной жизни будет причиной страдания души; это было бы немислимо. Мы можем сожалеть только о том, что мы понимаем, охватываем и произвольно отвергаем. Наша греховность может составлять для нас причину наказания только тогда, когда мы знаем её и осмысленно допускаем её. При этом только условия пороки и страсти могут быть связаны непосредственно с существом души и составлять её болезни и язвы.

Возьмём, для примера, первобытного человека, камчадала или самоеда; – уровень нравственного развития у них стоит очень низко, способности души неразвиты, она груба и маловосприимчива, – как может такая дикая душа понимать оттенки нравственности, как можем мы требовать, чтобы совесть её заговорила от тех поступков, которые у нравственно развитого человека считаются целыми преступлениями. Убивать врага считается по мнению диких народов доблестью; хоронить заживо жену при похоронах мужа – это обязанность; убивать на могиле друга раба, чтобы он отнёс на тот свет приветствие другу – есть обыкновение, сохранившееся и до сих пор в Дагомее, и т.д. Как можно осуждать их за подобные поступки, если совесть их не преследует, не подсказывает им всю худую сторону их поведения, а следовательно, они не преступны, они только несовершенны, чувства их грубы, они не в состоянии понять, охватить то, что вызвало бы у образованного человека вечные укоры совести. Предположим, что они оба умирают; могут ли одинаковые поступки в одинаковой степени произвести впечатление, а следовательно, и одинаковое болезненное ощущение в этих двух душах, имеющих совершенно разную степень развития и совершенства? Душа одного чувствительна, нежна, развита, разум свободен, мысли возвышенны, понимания полны и отчётливы, он может вполне свободно отличать

худое от хорошего. Душа другого жёстка и нечувствительна, развитие её только немногим превосходит развитие животных, разум не получил никакого образования и не имеет никакой мыслительной способности. Ясно, что подобная душа по существу своему не может ещё охватывать и понимать в достаточной степени всю порочность своего поведения. Ясно, что, имея пороки, обе души после смерти не могут блаженствовать, ибо обе ещё не очистились от грехов; но душа одного более совершенна и должна быть чувствительнее второго, а потому один и тот же грех производит в загробном состоянии первой души более сильные ощущения, чем в душе второго. Разница между этими обеими душами в том, что первой душе нужно только исправиться и очиститься от грехов, загладить свою душевную порочность и отделаться от всего, что мучит её, тогда как другой нужно ещё приобретать своё нравственное развитие и понимание истины.

Но каким же образом природа своими собственными средствами может отделить хорошее зерно от плевел? – Человек, конечно, не в состоянии отвечать на все подобные вопросы, ибо на них не может быть законов природы. По смерти своей всякий представляется на суд Пресвятой Воли Всесильного Творца. Он сотворил человека, Он Один может оценить его поступки и определить каждому из них особое состояние, которое каждый заслужил; человеку же остаётся только с покорностью принять Её, ибо Она Святая, Непогрешимая и Правосудная.

Таково роковое влияние нравственной жизни на загробное существование человека. Как оно, так всё внутреннее духовное развитие души отразится всецело на роде и степени ощущений, которые будут, сопровождать душу в течение всей бесконечной её загробной жизни, иначе человек, следуя логическим путём мышления от известных ему данных, не может себе составить представления о загробном своём существовании.

Разберём результаты деятельности *ума*:

Предмет деятельности ума человеческого состоит в познаниях вообще. Он главным образом занят изучением природы и отношений между людьми. Все остальные деятельности ума, как второстепенные, могут всегда быть подведены под одну из этих рубрик.

Но всю ли природу исследует ум и все ли отношения между

людьми? – Если вникнуть в область деятельности ума, мы увидим, что он главным образом касается того, что находится в пределах его сил и способностей, то, что для него наглядно и неоспоримо, что он может охватить и понять и ясно себе представить; на этом основании изучение природы ограничивается почти исключительно изучением одной материи, а определение отношений между людьми исчерпывается определением законных и общественных прав, ограничивающих произвол личностей, преступающих из своих личных расчётов естественные права других.

Подобная деятельность ума, ограниченная одними знаниями материи и установлением или распределением правильных отношений между людьми, не влияет на загробное состояние души. Постараемся это выяснить, указав на естественные способности каждого духа.

Духи обладают такими способностями видеть и знать природу, до которых никогда наука и дойти не может в своей компетентности. Определение правильных отношений между людьми на земле подавно не может распространяться в другие сферы жизни и должно считаться необходимым на одной земле. Начнём с разбора чувств духов:

1) Духи должны обладать всеми чувствами, которые имеем мы; это весьма естественно и иначе быть не может, ибо все способности человека составляют способности его души, а не тела. Но кроме того у духов они должны быть несравненно больше развиты, чем у нас, ибо вещественное тело человека значительно парализует их.

2) Духи должны иметь кроме этих чувств ещё другие, которых у нас нет.

Какие же это чувства у них, которых у нас нет? Это вопрос, на который, конечно, ответа получить нельзя. Попробуйте слепорожденному описать ярко-красный цвет – он вам скажет: «Да, я понял, – это так же блестит, как звук трубы». Если вы будете описывать глухорожденному звук арфы, – он вам скажет: «Я понял, – это также нежно и приятно, как зелень лугов». Итак, скажем, что понять мы их не в состоянии, а следовательно, и настаивать на этом излишне. Хотя можно с уверенностью сказать, что духи относятся к нашим материальным предметам совершенно не так, как мы, – у

них свои, особые взгляды на вещи, они имеют дело с такими силами, с такими материями, такими и разными другими факторами и законами природы, которые нам не могут быть знакомы. Царство междупланетного эфира, конечно, имеет свою географию, свои государства, свои законы, но всё это от нас так скрыто, что мы не можем составить себе никакого ровно представления, а потому обратимся к тем пяти чувствам, которые нам знакомы, а именно: зрение, обоняние, осязание, вкус и слух.

Выше мы отчасти коснулись недостаточности чувств человека; мы сказали, что даже многие животные имеют такое развитие чувств, которому мы можем только удивляться; мы укажем здесь, на некоторых людей, обладающих чувствами, значительно превышающими способности их собратий; например: развитие слуха у некоторых диких племён доходят до невероятных пределов, — они, приложив ухо к земле, слышат за 2 версты идущего человека, и кроме того, по звуку шагов и по походке угадывают враги ли это, или свой. Необыкновенное развитие слуха мы также видим у некоторых капельмейстеров, — они могут слышать фальшивую ноту в оркестре в то время, когда сотня музыкантов играет полною силой своих инструментов, и различить, какой именно инструмент взял эту ноту.

Если бы мы приписали духам только подобное развитие чувств, — мы никакого понятия о них ещё не составим. Надо предположить в действительности их способности много выше.

Мы можем составить себе понятие о развитии чувств у духов, только разобрав успехи нашей науки, которая искусственным путём сумела улучшить наши естественные чувства. Разберём, например, зрение. Конечно, до изобретения микроскопа мы не имели даже и понятия о существовании бесконечно малых существ, например, в капле воды; но видим ли мы их всех? Нет, — мы должны сознаться, что наши микроскопы слитком несовершенны, ибо есть ещё множество меньших тварей, которые нам не видны; не говоря уже о них, мы скажем, что микроскопические животные, которых еле-еле улавливают наши самые сильные микроскопы, о которых мы можем сказать только, что они существуют, не вникая в подробности и в детали их строения, которые слишком мелочны для этого, — составляют свой особый мир, свою лабораторию

жизни, совершенно такую же, как и наша организация. Духи, управляя всеми явлениями мира и самой организацией существ, должны видеть не только одно то, что живет, но и все причины жизни, начиная от самого атома и идя дальше до причин образования атома; ибо субстанция, из которой состоят сами духи, много тоньше и чище, чем все эфиры и всё носящее на себе характер материальный и временный.

Совершенно то же должно сказать и о дальних расстояниях; только изобретение телескопа открыло нам – глаза на ограниченность нашего зрения в распознавании небесных тел. Там, где Гиппократ, Птолемей ничего не видели, – Галилей, Гюйгенс, Кеплер в несколько ночей с телескопом, увеличивающим только в 28 раз, обогатили науку массой самых существенных открытий; с улучшением телескопа мы быстро подвигали свои знания; но до чего мы дошли? Не должны ли Высшие Духи, по крайней мере, видеть в миллион раз больше этого? – Конечно, должны. Если мы и видим звёзды на небе в наши телескопы, то мы не видим ни одной планеты, сопровождающей эти звёзды, или солнца своих систем. Даже самые ближайšie от нас остаются нам совершенно неизвестными; мы в наши телескопы почти совсем не видим Нептуна и Урана – планет нашей же системы; мы путём вычислений только отыскивали астероиды, отстоящие от земли не далее, чем солнце.

Высшие Духи бесспорно должны иметь зрение много выше наших телескопов, – иначе нельзя и предположить, чтобы среда их жизни могло бы быть междупланетное пространство.

Высшие Духи, имея тело из бесконечно тонкой субстанции, должны видеть все эфирные токи, все состояния эфира и все колебания его несравненно лучше, чем мы видим течение наших рек, движение наших водопадов и вообще состояние всех твёрдых и жидких тел на земле; было бы невозможно предположить, чтобы Высшие Духи, управляя явлениями природы, не были бы полновластными распорядителями всех электрических и магнетических токов, звуков, световых, тепловых, колебания эфира, – они все должны быть им вполне ясны и доступны.

Нечего и говорить насколько возвысились бы наши понятия, если бы мы обладали такою способностью зрения, – какой огромный скачок сделала бы наша земная наука! Насколько упростились

бы методы наших исследований!

Какое громадное упрощение в химии, если бы простой глаз мог проникать во внутренность тел, мог прямо видеть самые молекулы и судить относительно их веса, относительно их кристаллизации, их формы, и прямо видеть движение атомов. Достаточно было бы одного взгляда, чтобы узнать весь внутренний состав тела; можно было бы одним взглядом делать все химические анализы в самые запутанные комбинации.

Физика также не имела бы от нас секретов, – мы могли бы простым глазом видеть то, о чём мы теперь догадываемся, над чем трудимся и стараемся разрешить. Мы простым глазом видели бы, как нагреваются тела и как они наэлектризовываются. Мы видели бы, что такое теплород, и что такое свет; мы видели бы объяснение всех законов математики, объяснение всех физических сил, света, магнетизма. Такой глаз был бы совершенно достаточен для разрешения физических, механических задач, над которыми остановились гениальные умы Ньютона, Ампера и Гей-Люссака.

Мы могли бы повторить подобное рассуждение и для остальных четырёх чувств, но нам кажется достаточным дать понятие о том совершенстве, до которого доведены у Высших Духов те чувства, которые находятся у нас, можно сказать, в зачаточном состоянии.

Но человек лишён этого: такие способности и качества будут ему даны только тогда, когда он нравственно чистый переселится на тот свет, приобретя на земле достаточные умственные развития; если же он не приобретёт их, то те ничтожные знания законов материи, которыми он владел на земле, не улучшат его загробного состояния.

Говоря, что знания законов материи не могут улучшить загробного состояния души, мы решительно не хотим оспаривать значение наук и знаний вообще. Наука может не играть, прямой роли в нашем загробном состоянии, тем не менее она может быть полезна в других отношениях. Не надо, забывая, что через успех наук улучшаются условия жизни на земле. Облегчая жизнь людей, подготавливается возможность более чуткого, тонкого и отчётливого развития нравственности; следовательно, если наука и не прямо способствует улучшению нашей загробной жизни, то, по

крайней мере, косвенно, через своё влияние, она содействует общему ходу мирового прогресса, который с своей стороны непосредственно способствует улучшению условий жизни, а потому смягчает нравы, укореняет добродетели и делает человека лучше.

И так, если знания не могут принести пользы человеку в загробном его существовании, должен ли он возводить приобретения их на степень главной цели своей жизни? может ли он думать, что он действует здраво и благоразумно, занимаясь всю жизнь единственно обогащением своих познаний и извлекая из земной жизни максимум той пользы, которая ему нужна для его личного счастья и блаженства? – Конечно, нет. Земные знания во всяком случае не могут быть целью жизни человека, хотя они бесспорно служат лучшим средством, через которое человек может достигнуть своего высшего назначения.

Никто не может так разумно и сознательно делать добро и способствовать благу своих ближних, как умственно развитой и всесторонне образованный человек.

Мы видим, что многие глупые и совершенно неразвитые люди делают тоже добро, что, конечно, похвально и заслуживает поощрения, ибо их добро всегда останется добром, в какой бы форме оно ни проявлялось и какие бы мотивы ни заставляли человека так поступать, но ведь добро это, делаемое ими по влечению их сердца безотчётно и как бы невольно, совершается ими без работы над собой и над своими противоположными качествами и стремлениями, без всяких принуждений себя к своему внутреннему улучшению, а потому мало способствует нравственному возвышению человека в его развитии. Добро, делаемое по влечению сердца, может быть рассматриваемо, как естественное проявление или потребность по природе своей доброй души человека; во всяком случае, факт подобного бессознательного добра не может заключать в себе понятие о преуспевании в добре или прогрессе на почве добродетелей, составляя лишь следствие добрых качеств, которыми владела душа человека раньше, может быть, ещё от самого рождения его.

Несравненно большую заслугу имеет добро, делаемое разумно, здраво и обдуманно, при котором человек взвешивает ту пользу, которую он делает и отчётливо знает те лишения, которым

она себя подвергает, делая его, принуждая себя внутренне, душой своей, участвовать в нём и видеть в самом делаемом им добре и заслугу. Одним словом, – никто не может так целесообразно прогрессировать на пути нравственного развития, как умственно развитой человек; но в этом случае нельзя не заметить, что знания и умственное развитие составляют не цель, к которой должен стремиться человек, но лишь средства к нравственному его развитию, которое одно в состоянии дать ему высшее счастье и блаженство на том свете и вместе с тем значительно облегчить его труды по приобретению знаний на этом свете.

Трудно себе представить, до какой степени в каждом, даже самом мелочном, нашем поступке нравственные и духовные принципы облегчают и упрощают задачу жизни даже у нас на земле. То, над чем человек может умом работать целые тысячелетия, составлять тысячи систем и теорий, может написать миллионы томов, всё это оказалось бы сущим вздором перед тем, что может дать человеку нравственное мировоззрение, установившееся в нём, как основа его знаний жизни и поступков.

Приведём, для примера, все социальные науки, имеющие целью улучшить положение человека на земле и выработать наилучший строй его жизни. Литература этих наук громадна, она по объёму своему может поспорить с литературой любой другой отрасли знаний, ибо ни о чём так не хлопочет человек, как о том, чтобы облегчить свою жизнь, создать себе счастье на земле и обеспечить как своё положение, так и положение своего потомства. Но кого имела в виду вся эта громадная литература? Не одно ли порочное деморализованное человечество, не имеющее понятия о своей нравственной и духовной силе? Чему может она научить и что может она дать человеку с действительно развитой душой, с возвышенными чувствами, проникнутому Евангельскими добродетелями, преисполненному любовью к ближнему и отдающему всё своё на пользу человечества? Перед его поступками бледнели бы все социальные системы и теории, ибо ни одна из них не требует и сотой доли того, что добровольно сам отдавал бы этот человек, и для него все миллионы томов, наполненных социальными выводами, превращаются в жалкий и бесцельный лепет.

Если какое-либо общество приняло бы принципом своей

жизни любить друг друга, положить весь свой труд и всю свою деятельность на пользу человечества, причём каждый был бы слугой своего ближнего, – кому из них нужны были бы все науки, устанавливающие правильные отношения между людьми, науки, вырабатывающие имущественные и личные права, т.е. все юридические и полицейские науки, все уложения о наказаниях, когда некого было бы наказывать; все римские, гражданские и уголовные права, когда всё имущество составляло бы собственность того, кто в нём действительно нуждается, и никто себе лишнего не оставлял бы; все полицейские права, когда порядок мог бы восстановить каждый, напомнив лишь о Христе и Его Святом учении? Для такого общества одна притча Христова о блудном сыне заменила бы миллионы учёных книг, написанных во все времена существования человечества.

Одним словом, – надо признать, что порочному и нравственно неразвитому человеку нужно внушать науку о жизни и о необходимых отношениях между людьми; нравственно же развитый без всякой науки сделает во сто раз больше и лучше, чем могут ему указать все научные теории, основанные на доводах ума и на какой-то фиктивной человеческой справедливости.

Конечно, пока на земле так много порочных, неразвитых и безнравственных, нужна грубая физическая сила, могущая сдерживать всякого преступающего чужие права, не исполняющего свои обязанности, нужна наука жизни, силой удерживающая каждого в своих границах, чтобы сначала, хотя одними наружными приёмами, приучить человека к порядочности и развить в нём хотя отчасти желание добра. Поэтому все науки жизни, все работы и труды человека на этом пути умственного вразумления будут признаны крайне полезными и целесообразными, пока есть порочные люди на земле.

Но нельзя оспаривать, что более целесообразен и радикален труд того, кто тем или другим путём стремится развить в человеке нравственность, непосредственно действует на причину неправильных отношений между людьми, а следовательно, и стремится уничтожить зло в корне и зачатке его.

Высокое нравственное развитие заставляет человека забывать

свои личные потребности, свой личный интерес, требования и капризы своей грубой материальной природы в пользу других; он не только охотно уступает своё благосостояние, свой покой, свои выгоды, но не ищет даже своего счастья и блаженства за гробом, ибо в этом есть доля эгоизма. Он всем существом своим отдаётся на служение личности, человечеству, обществу и государству, и вот, именно, когда должна высказаться вся сила и мощь его знаний и его учёности, ибо он будет уметь разумно ставить людей в такие обстоятельства, при которых они увидят для себя пользу отвыкать от греха и работать над своим нравственным улучшением. Только подобная задача и может составить цель жизни и идеал счастья нравственно развитого человека, который, отдавшись вполне этой великой идее, будет работать над укоренением между людьми чистой нравственности и добиваться, чтобы она привилась до такой степени, чтобы составляла потребность человека, и только в этом может он видеть венец своих желаний, стремлений и ту «*pia desideria*», которую можно только мечтать достигнуть человеку, но которую в сущности человек никогда не достигает, ибо постепенно увеличивающийся кругозор будет открывать ему всё новые, более светлые области, увлекающие его в бесконечность. Идея чистой нравственности не может иметь предела; она также бесконечна, как Сам Бог, а потому это одно увлечение чистой нравственной идеей именно и должно составлять высшее познание человека, ибо одно это знание реально, чисто и свято.

Некоторые условия жизни духов.

Чтобы составить себе хотя отчасти картину загробной жизни, постараемся вникнуть в условия жизни духов и спросим себя:

Чем поддерживают духи питание своего тела? Нужна ли им пища для поддержания расхода жизненной силы? – На это надо ответить: что мучительная обязанность, возложенная на человека и на животных, и тем более в такой грубой форме, как она у нас, конечно, не существует. Их тело, какое бы оно ни было, эфирное или ещё гораздо реже и тоньше как всякое тело может быть и должно поддерживаться чем-нибудь, каким-нибудь возобновле-

нием; но это возобновление должно ограничиваться одним произвольным актом-вдыханием того же эфира, который их окружает.

Вопрос о питании существ на земле занимает большую часть жизни их. Многие животные, в особенности рыбы, должны питаться постоянно, целый день, иначе они умрут от истощения. С повышением в иерархии земных существ уменьшается и необходимость такого частого принятия пищи, и акт питания много облегчается дыханием.

Для высших Духов достаточно одного дыхания для поддержания их эфирного тела, и акт этот, произвольный для них, и совершается без особого, для того приспособленного, органа, эфирным телом; это, так сказать, свойство их тела. Мы видим в природе такой способ в применении к телам материальным; у некоторых лягушкообразных гадов и устриц, и у других простейших животных, дыхание производится через посредство кожи, которая с виду имеет совершенно гладкий вид.

Отсутствие всякой заботы о насущном хлебе, занимающей нас так упорно в течение всей жизни, есть огромное их преимущество. Все земные существа обязаны всю жизнь и постоянно для поддержания своего общественного существования подстерегать других существ, ловить их, бороться с ними; из этой борьбы за существование, из соревнования в добывании себе пропитания и других потребностей жизни являются страсти, ссоры, физические боли, насилия всякого рода и, как следствие всего этого – ненависть друг к другу, страх и опасения за безопасность своего собственного существования. Положение человека в этом отношении решительно не лучше всех других существ земли, а во многих отношениях гораздо хуже, потребности его значительно больше, чем животных, организм его хуже приспособлен к борьбе с условиями жизни, вкусы избалованы, он предпочитает общество себе подобных, несмотря на то, что это ещё более усложняет и утяжеляет вопрос его довольства.

В самом деле, вообразите себе род людской, если бы ему не надо было с таким трудом доставать своё пропитание, и если бы все потребности его сводились бы к произвольному акту дыхания? – Это одно произвело бы уже большой переворот. Тогда не

было бы войн, сословий, народов, государств, не было бы соревнования, ненависти и страстей. Это был бы настоящий рай, воспетый поэтами, это были бы последствия счастливо созданного организма. Это благодеяние природы достигается только высшими нравственными качествами человека после перехода его в загробное состояние.

Отсюда надо заключить, что дурные склонности, не имея причины возродиться, не могут быть известны духам; избавленный от хлопот отыскивать себе пропитание, возобновляя свои силы единственно произвольным актом вдыхания, — житель эфира должен предаваться исключительно впечатлениям своего счастья и спокойствию без конца.

Поработав немного, мы устаём, наши силы истощаются. Что бы передвинуться с одного места на другое, мы должны тащить своё тяжёлое тело, мы поднимаемся в гору, мы спускаемся, — причём расходуем большой запас наших жизненных сил и скоро совсем останавливаемся от усталости, мы должны отдохнуть и возобновить весь запас израсходованной жизненной энергии.

Наша мысль также слаба; она уничтожает также запасы, собираемые нашим телом. После более или менее продолжительного времени, внимание наше рассеивается, рассудок ослабевает, и мы принуждены бросать или переменить нашу работу. Всё наше тело непрочное, вялое, часто расстраивается, и мы хвораем. Болезни наши есть ужаснейший бич человечества; всякое нездоровье растёт и накапливается, со временем, под старость, человек делается положительно складом разных болезненных ощущений.

Жители эфира не знают ни усталости, ни болезней. Не зная усталости, они не требуют отдохновений, как мы, после труда.

Духи должны иметь необыкновенную быстроту в своих перемещениях. В очень короткое время они должны облетать необыкновенные пространства. Если наша мысль уничтожает расстояние и переходит в одно мгновение с одного конца света на другой, — можно утверждать, что если не все, то, по крайней мере, Высшие Духи с такой же скоростью сами переносятся по междупланетному эфиру, иначе они не могли бы управлять Вселенной. Быстрота электричества и света не могут дать нам даже и слабого понятия о подобных скоростях. Высшие Духи должны перемещаться гораздо

скорей. Мы, жители земли, имеем мало понятия о скоростях вообще, существующих в междупланетном пространстве; эти скорости не имеют себе подобных на земле. Самое скорое передвижение, которому может подвергнуться человек, – это на поезде железной дороги; наши экстренные поезда редко двигаются скорее 100 вёрст в час; были редкие примеры передвижения одним паровозом в 200 и однажды даже в 250 вёрст в час, и в этом уже случае человек должен был защищать и приспособлять своё тело, так как быстрота движения воздуха захватывала его дыхание; это наглядно доказывает, что эта быстрота не свойственна его организму. Самое быстрое передвижение твёрдых тел по поверхности земли мы находим при движении артиллерийских снарядов; они достигают скорости 2 000 вёрст в час; наши чувства уже отстают от этой быстроты, и мы не можем сделать себе ясного представления о таких быстротах; глаз совершенно не видит ядра, а потому даже сравнить нашими чувствами относительности полета двух снарядов мы не в состоянии. Но что значат все эти скорости в сравнении со скоростями движения планет: вспомним, что каждая точка, находящаяся на поверхности земли, пробегает до 150 000 вёрст в час; но есть планеты, которые двигаются ещё скорей, например, Марс имеет скорость на поверхности своей более 200 000 вёрст в час; вся солнечная система, с тех пор, как она существует, не прошла ни разу по одному и тому же месту. Есть скорости ещё гораздо большие, так: конец хвоста кометы 1864 года, огибая солнце, делал в час 500 000 000 вёрст; жители эфира должны неминуемо иметь невероятные быстроты своих передвижений, чтобы сообщаться с землей и с другими планетами. Это ясно; скорость электричества и света 300 000 вёрст в секунду; состоя из эфира и командуя эфиром не должны ли загробные жители двигаться скорее его?

Сон у человека отнимает одну треть жизни, у животных ещё более. Мы нуждаемся в сне, чтобы запастись истощающимися силами нашего слабого организма. – Духи совершенно не нуждаются в нём; силы их не могут ослабевать; впрочем, и ночи для них нет. Ночь и день происходят у нас попеременно, вследствие поворота земли кругом своей оси; следовательно, дальше пределов нашей

атмосферы и вообще в междупланетном эфире дня и ночи не может существовать.

У духов нет полового различия. Взаимные привязанности и уважение, царствующие у счастливых обитателей эфира, – не могут допускать ничего грубого и исключительного по отношению себе подобных существ; любовь к одному существу есть такое несовершенство, как многие другие, которые мы встречаем в человеке и которых у Высших духов быть не может.

Взаимные привязанности и уважение друг к другу возрастают и заменяют место любви у всех существ земли, вместе с тем, как они занимают высшее место в иерархии земных существ. Животным почти незнакомо чувство дружбы. Чувство привязанности, которое иногда проявляется у животных, сводится всегда лишь к материнскому чувству. Материнское чувство у них иногда проявляется очень ясно и искренно, но никогда не длится долго. Мать ласкает своего ребёнка и очень внимательно ухаживает за ним до тех пор, пока маленький нуждается в этих ласках вследствие своей слабости, но как только детёныш подрастёт и может сам себя прокормить, – мать бросает его и не узнаёт при всех с ним встречах до самого конца своей жизни. Постоянство замечается лишь в любви, которая истекает из разницы полов.

У человека есть уже чувства уважения и привязанности, и они часто бывают совершенно чисты. Мы любим наших сыновей, матерей и родственников одинаково в продолжении всей своей жизни, и в этой любви иногда нельзя уловить оттенка чего-либо фальшивого; эта любовь имеет корни во всём существе нашем. Часто бескорыстная любовь существует между людьми совершенно посторонними. В этом отношении человек стоит несравненно выше животных. Если мы сделаем один шаг дальше и перейдём к соответствующему чувству у духов, то мы необходимо должны будем приписать им высшую степень наших качеств, а именно: дружбу, освобожденную от всяких нечистых побуждений. В счастливой жизни их совершенно не нужно половое различие для того, чтобы любить друг друга; привязанность их есть результат ясных отношений, бесконечной доброты и симпатии, происходящей от обоюдного совершенства.

Там будет царство любви и дружбы; ни человеческие страсти,

ни чувственность и ничто нечистое не будет заглушать этой беспредельной любви, дружбы, чувства полного участия и живейшего желания добра всему окружающему. Это идеальное чувство полного счастья и полного довольства собой будет всё увеличиваться и займёт всецело его существо, которое вдохновлено и увлечено высокими стремлениями и самой искренней симпатией ко всему, сотворённому Богом. Полное милосердие их будет увенчано постоянным высоким почитанием и восхвалением Творца Вселенной.

Но если это так, то каким образом производится размножение? Каким образом поддерживается и увеличивается их раса? Нет никакой необходимости в непосредственном размножении и поддержании расы самими духами. Это производится низшими мирами, т.е. землёй и другими планетами. Таков удел, положенный природой. Размножение бесполезно и неизвестно счастливым обитателям эфира; они получают с земли и других планет целые массы новых вполне достойных существ для пополнения выбывающих в высшие степени той же бесконечной иерархии.

Из всего вышеизложенного мы должны заключить, что вся материальная забота, возложенная на нас, людей, занимающая всю нашу жизнь, всегда наполняющая нас заботами и попечениями о себе, не существует у духов; они должны быть всецело поглощены ощущениями своих чувств, своих нравственных вкусов и своей духовной природы.

Пушэ, директор Руанского музея естественной истории, в своём сочинении «Природа», приводит слова немецкого натуралиста Бремзена, который доказывает, что у человека физиологических отправлений столько же, сколько и духовных, т.е. что человека можно назвать состоящим по материи и по духу из двух равных частей. Он основывает это положение на том, что у человека, временами, дух господствует и распоряжается над телом, а иногда тело над духом». Мы не можем, говорит он, рассматривать человека, как чистого духа, но как духа, ограниченного материей. Одним словом, — человек не дух, но в его теле есть дух, который, несмотря на всю прочную связь с телом, довольно свободен, и часто можно видеть, что им управляет существо выше, чем сам человек.

Надо думать, что будут когда-нибудь существа много совершеннее человека. Духовная сторона в человеке, к его материальной стороне относится как 50 к 50 с маленькими колебаниями, ибо иногда дух господствует, иногда тело. В последующих творениях, если человек не составляет венца природы, – были бы существа, которых дух мог бы быть свободнее и достигать, может быть, пропорции, как 75 к 25. Надо заключить, что человек был сотворён в первые времена существования земли и не составляет даже средней пропорциональной величины между животным и Ангелом. Он силится узнавать всё возвышенное, но не может, хотя многие современные философы и утверждают противоположное. Человек хочет познать причину всех вещей, всего живущего, чего он достигнуть не может. С меньшими духовными способностями он не желал бы этого достигнуть; при больших же, они не были бы ему нужны, ибо они были бы ему ясны». (L'Univers p. 750, 3-e ed. Paris 1872).

Пушэ желает видеть на земле то, что Богом определено для человека на небе; он логическим путём дошёл до возможности лучшего состояния, при том непременно условии, чтобы дух его преобладал и господствовал бы над его материей; он вполне прав в основном выводе своей мысли, но ошибся только местом и временем.

И в самом деле, какие несомненные преимущества имели бы мы, если бы нравственные силы наши могли бы выказываться и проявляться с большей отчётливостью и с большей силой, – какая должна быть мощная сила во всех стремлениях, во всех проявлениях их воли.

Одна из главных причин малого развития чувств человека и вообще всех способностей его, – есть кратковременность его жизни. Вспомним, как коротка жизнь наша в сравнении с существованием всего мироздания или нашей земли, а в такое ограниченное время и развитие способностей души не может дойти до высоких степеней. Если бы мысль наша развилась в это время, мы решительно не имели бы времени для соответствующего её употребления. В высшем свете всё имеет время развиться и усовершенствоваться, ибо всё подготовлено нашею земной жизнью, и кроме того развитие имеет все необходимые к тому условия.

Внимание, мысль, разум, воля, рассудительность должны достигать у Высших Духов необыкновенных размеров. Ла-Брюиер сказал, что он не знает ничего более редкого на этом свете, как здравый смысл. Не надо быть большим мизантропом, чтобы вполне согласиться с ним и сказать, что на 100 человек мы едва найдём одного с здравым смыслом. У большинства предрассудки, страсти и привычки берут верх над разумом. У Высших Духов – здравый смысл, логика и догадливость должны доходить до размеров, конечно, нам непонятных.

Усиливая ту логичность, которой иногда обладает человек, предполагая её гораздо могущественнее и целесообразнее, мы можем себе вообразить, что должны быть существа, у которых логика может дойти до таких степеней развития, что мы будем принуждены изменить её название и признать её за чистое пророчество, как более подходящее к нашим пониманиям.

Одно из самых драгоценных и высоких качеств, от которого зависит вся возможность установить свои понятия или сравнение, это память. Она чрезвычайно несовершенна у человека, не говоря уже о том, что мы ничего не помним о первых годах нашей жизни, о периоде утробной жизни, о рождении и т.д. Память развивается только около первого года нашей жизни, даже в момент её полного развития, она подвергается тысяче случайностей как от болезней, так и от неправильного её употребления. Это качество находится в нас в очень малой степени развития. У Высших же Духов она должна быть развита невероятно.

Оставляя жизнь, Высший Дух должен немедленно получить новый запас знаний и впечатлений, благодаря новому зрелищу, открывающемуся перед ним, и новым познаниям, являющимся ему от совершенства чувств. Он должен будет удержать в памяти всю новую географию с необыкновенным количеством новых мест, он должен будет знать и видеть все обращения планет, все народы, живущие на них, все условия жизни во всех этих планетах и во всех их странах. Он будет знать всё, что заключается в планетах и в их спутниках, когда он сам их посещает. Совершенно так же, как ездим мы в Америку, Азию, Австралию для своего развития, так и Высшие Духи будут на Марсе, на Венере, и их память должна бу-

дет удержать весь громадный запас ими почерпнутых новых сведений. Какое могущество может дать уму такая память, которая может всегда вовремя вызвать все подробности всего виденного, хотя бы за тысячу лет тому назад.

Язык – это только выражение наших идей. Кондорсе сказал, что наука и образованность – в прямом отношении к языку. Язык Высших Духов должен быть совершенен, ибо понятия их совершенны и обширны. Чем ум выше, тем и язык его определённое, а следовательно, язык их должен быть очень выразителен и краток.

Алгебру может читать одновременно и француз, и немец так же, как и китаец и австралиец, ибо знаки употребления просты и определённы. Язык математиков, который действительно совершенен и может войти во всеобщее понимание, должен нам дать некоторое слабое понятие о способе выражения или передачи мыслей между обитателями межпланетного эфира, ибо он может служить всем без различия народностей и наречий.

Благодаря своим громадным способностям и совершенству языка, Высшие Духи обладают невообразимой логикой, силой речи и уверенностью в своих суждениях, что вместе с запасом знаний и фактов, дающихся памятью, делают их соучастниками всемирной науки.

Вопросы, которые останавливают бессильного человека, и которые сводят его с ума, если он думает осилить их, должны быть совершенно просты и доступны Высшим Духам.

Все, кого человечество почитает за гениальные умы: Гомера, Аристотеля, Гиппократ, Кеплера, Ньютона и других, – все были бы ничто в сравнении с Высшими Духами. Нет в природе науки, которая не была бы им понятна. Они постигли это великое «зачем» природы: они знают, зачем живёт человек и зачем они сами живут; они знают, откуда они идут и куда. Там, где мы видим один беспорядок, они видят гармонию, ибо им видна цель, и они понимают способы к достижению этой цели. То, что нам подчас кажется несправедливым, дурным и жестоким со стороны Провидения, – они, понимая глубже, видят в том одну только пользу, справедливость и тот глубокий смысл, который должен бы был вызвать у нас одни горячие слёзы благодарности. Им известны Святые предначертания Божьи, судьбы народов и существ; чем более они познают всю

Премудрость Божью, тем более они убеждаются в бесконечных Его качествах и утверждают в уверенности своей, что никакому конечному существу никогда не дано будет постигнуть Бесконечного; восторг их при виде дел Божиих возрастает по мере их познания, и они, проникнутые высшим чувством покорности и восторга, не могут вечно не преклоняться, не славословить, не восхвалять всю Премудрость дел Его, сознавая своё собственное ничтожество и бессилие.

Время не должно существовать у Высшего Духа; они одинаково, без нетерпения и без всяких тревожных ожиданий, наслаждаются настоящим счастьем, не заботясь о будущем и всегда пребывая неизменно, спокойно и величественно пред лицезрением Бога и всего Его Творения.

Всё в мире прогрессирует, всё стремится к своему высшему назначению, к своему блаженству чрез борьбу, стремления, старания и труды. Все достигнут рано или поздно, того, что уже удалось достигнуть другим; ибо эти другие видят своё дальнейшее возвышение в добре и благе тех, которых труды и старания ещё не увенчались таким блестящим успехом. Эта общая цель бесконечной связи всего блаженного в мире прекрасно очерчивается швейцарским натурфилософом Шарлем Бонне, в его «*Polingenesie philosophique Geneve. (стр. 427)*». Он говорит: «Если Высший Разум так разнообразит своё Творение, если Он не создал ничего тождественного в природе; если такая прогрессивная гармония царствует между всеми существами на земле, заключая в одну непрерывную цепь всё живущее, то как вероятно, что эта непрерывная цепь творений не ограничивается одной нашей землёй, а захватывает все миры и все планеты. В настоящее время из этой общей цепи творений мы не можем уловить нескольких звеньев; мы даже не знаем об их существовании; но пробелы эти меньше той части общей цепи, которая нам известна.

Когда нам будет доступна эта цепь так же, как и Высшему Разуму, для которого именно и создан мир, когда мы будем в состоянии видеть продолжение этой цепи в мире невидимом, — тогда только мы узнаем всю зависимость, отношения и ближайшую причину между каждым звеном её, и сами мы, повышаясь в нашем совершенстве, дойдём до самых поразительных истин.

Какими чувствами будет тогда переполнена наша душа, когда мы, основательно изучив экономическое значение одного света, перелетим на другой, и будем в состоянии сравнить оба, хотя бы в том же экономическом отношении! Какое будет тогда совершенство наших речей и выражений; какое обобщение и плодородность наших пониманий; какая связь, обилие и правильность наших выводов и заключений; какой новый свет познаний проявится на сколько новых отраслей всемирной науки, и на наши: физику, геометрию, астрономию, философские науки и в особенности на Божественную нашу науку.

Все правды между собой связаны и, несмотря на их видимую отдельность, присоединены к общим узлам, которые от нас скрыты; сущность и заключается в понимании и в улавливании этих узлов. Ньютон сам собою восхищался, отыскав связь между падением яблока и движением планет; перерождённый, теперь он, наверное, смеясь смотрит на эту детскую забаву, ибо прежние его, будто бы, большие знания геометрии кажутся ему теперь первыми шагами в другой бесконечной науке.

Но ум человеческий идёт дальше, за область понимания планет, он стремится к небу, в Божественную обитель. Ум человеческий, возвышаясь, любит Престолом Всевышнего и видит, как миры двигаются у Его ног и послушны мановению руки Его; ум человеческий слышит восхищение и славословие Высшего Разума, окружающего Престол Его, и присоединяется к поклонению и восхвалению Его в величественном и грандиозном хоре существ этой иерархии; он взывает, глубоко чувствуя всё своё ничтожество: Свят, Свят, Свят, Господь Бог Саваоф! – и просит милосердия для людей. О, обилие неисчерпаемой доброты! которая высказалась таким множеством самых разнообразных и самых благотворных проявлений; она ещё доведёт нас до блаженных обителей и до блаженства. Обителей много в доме Отца Нашего, это так, в этом мы не сомневаемся, ибо это было нам сказано Сыном Его; Он нам сказал, что идёт приготовить нам место... что придёт за нами и возьмёт нас туда... где Он Сам; не в преддверие рая, не в небеса, не в святилище и не в храм всемирных существ, но в Святую Святых, туда, где Он Сам будет; где обитает Царь Ангелов и человека, Посредник нового единения, Причина всех вер, Тот, Кто стяжал

нам смертью путь к новой жизни... Только в этом жилище вечном, в царстве добра, света, совершенства и блаженства, мы прочтём общую мировую историю и частную историю Самого Провидения, как причастники Его управления мирами, Его закона и Его предназначения; мы увидим и с восторгом и с полным благоговением поймём секретную пока для нас причину стольких частных и общих событий, которые теперь нас так удивляют, путают и заставляют сомневаться, на которые ни наука, ни философия никакого ответа дать не может, и отчасти лишь помогает одна вера.

Мы будем думать и размышлять над большой книгой судьбы миров. Мы будем останавливаться на той странице её, которая говорит об одной из самых малых планет мироздания, но для нас самой дорогой, которая служила колыбелью нашего детства и первым доказательством безграничной любви Создателя и Его отеческих попечений о человеке. Мы с величайшим удивлением откроем в ней историю разных переворотов земли, происшедших с ней до того времени, как она приобрела настоящий свой вид, – и будем глазом следить за всем тем, что будет с ней происходить в течение последующих веков. Пределом нашей благодарности и благоговения будут тайны нашего искупления, которые заключают ещё много чудес выше ограниченного понимания не только нас, но и пророков наших. Одно слово этой страницы откроет нам историю всего человечества и разовьёт взгляд великого значения: „зачем“ и „почему“, всех бедствий, испытаний, мук, лишений, посылаемых терпеливому праведнику для очищения души, – лишений, возвышающих добродетель, потрясающих и раздирающих слабых.

Достигнув такого высокого понимания, мы не будем затрудняться происхождением добра и зла, мы увидим как их источник, так и самые отдалённые следствия их, и мы будем вполне сознавать, что всё, что сотворил Бог – безупречно.

Теперь мы видим одни следствия, и видим их с одной поверхностной стороны; все причины скрыты от нас. Потом мы увидим действия в их причине, следствия в их зачатке, историю существа в его расе, историю расы в истории планеты, историю планеты – в истории всего мира и т.д.

И как эта высшая наука самая обширная, самая важная из всех,

или, скорее сказать, единственная всемирная наука будет совершенна, полна, от близкого отношения с Вечным Источником Идеального Совершенства».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

<p>ГЛАВА 1.</p> <p>Отвлечённый элемент человека.....</p> <p>Чтобы иметь возможность жить на земле человек должен иметь материальное тело – 3. Заблуждение людей, признающих за гробом своё уничтожение – 4. Люди мало дают себе отчёт в сознаваемых ими впечатлениях – 5. Сознание впечатлений более сильных заслоняет сознание слабейших – 7. Уверенность во внутренней и духовной жизни принимается разное – 8. Из всех организмов самый совершенный, а потому и самый трудный к изучению, есть организм человека – 11. Сверхчувственные ощущения – 12. Свидетельства о них: Ф.М. Достоевского – 15. Линнея, Гёте – 16. Эммануила Канта – 17. А. Шопенгауэра, Н.И. Лобачевского – 18. Н.П. Гилярова-Платонова – 19. А.Р. Уоллеса – 20. Виктора Гюго – 21. Шеллинга – 23. А.М. Бутлерова, Д.И. Менделеева – 24. Вильгельма Вундта, Эдуарда фон Гартмана – 25. Карпентер, Дассье и спириты – 28. Взгляд на слово «чудо» – 30. Общество с его модами и принципами – 31.</p>	<p>Стр.</p> <p>1-34</p>
<p>ГЛАВА II.</p> <p>Явления из загробной Жизни.....</p> <p>Видение митрополита Платова – 36. Видение императора Павла – 37. Видение императрицы Анны Иоанновны – 38. Графиня Штейбок у гроба королевы Ульрики – 40. Белая дама – 41. Видение Карла XI – 44. Ещё некоторые видения – 46.</p>	<p>35 – 53</p>
<p>ГЛАВА III.</p> <p>Душа материалистов и позитивистов. ....</p> <p>Душа по М. Литтре – 54. Мнения, что все отправления интеллектуальные и нравственные зависят от организма: Карла Фогта, Кабаниса, Тана, Моллешота – 55. Возражение – 56. Мнения о сём же Уоллеса, Тиндаля, Милля, Оль-</p>	<p>54 – 60</p>

мани – 57. Тэта, Гертли, Льюиса, Гекели – 58. Довод Батуса; – мнение Декарта – 59.

ГЛАВА IV.

Душа спиритуалистов..... 61–78

Душа по учению Сталя и Аристотеля – 63. Душа по учению Бартеза и Лорда – 69. Душа по учению Бишà – 72. Заключение – 77.

ГЛАВА V.

Три элемента человеческого существа. 79–91

Жизненное начало – 79. Признание его: Клод-Бернардом, Вирховом, Бальфуром, Стевардом, Тэтом – 81. Бернардом – 82. Либихом – 83. Выяснения функции жизненного начала – 84. Духовное и разумное начало – 88.

ГЛАВА VI.

Поиски четвёртого элемента..... 92–96

Душа теософов-окультистов – 92. Душа по понятиям египтян – 93. Душа по древнееврейскому учению – 94. Душа по учению спиритов – 94. Необходимость признания четвёртого элемента – 95.

ГЛАВА VII.

Учение физики о материи..... 97 – 172

Неполнота знания материи – 97. Непризнание эфира – 103. Строение материи – 107. Каковы свойства вещества? – 115. Что такое: сила, свет, теплота, электричество и магнетизм? – 116. Что такое эфир? Вещественны ли атомы эфира? – 117. Имеет ли эфир вес? Упруг ли атом эфира? – 118. Каково расстояние между частицами тел? – 119. Что такое частицы материального тела? – 120. Какова сущность притягательной силы? – 131. Что такое сила частичного сцепления? – 141. Что такое химическое сродство? – 142. Протест позитивистов и научный спор – 145. Заключение – 147. Органическая клеточка – 149. Обмен органической ткани – 151. Форма тела существеннее материи – 154. Эфирные тела – 155. Эфирный элемент в строении человеческого тела – 159. Мнение, что не нервы передают ощущения, высказывали: Ньютон, Гэртли, Боннэ, Дарвин – 161. Креббс – 163. Мольдер смеётся над жизненной силой – 163. Сравнение строения тела с организацией полка – 164. Вывод наш находит себе подтверждение в учениях: Аристотеля – 165. Теофраста, стоиков, Эпикура, неоплатоников, Ям-

блиха, Порфирия, Прокла, барона дю-Прель – 166. Лейбница, Парацельса – 169. Этингера, Боодера – 170. Фихте младший – 171.

ГЛАВА VIII.

Полуматериальная оболочка ..... 173 – 194

Различие между душой и Духом – 173. Всякое тело есть динамический тормоз – 174. Теософы об астральных телах – 175. Сущность вещества – 177. Сферы Высших жизней – 183. Обитаемость вселенной – 191. Связь души с телом – 193.

ГЛАВА IX.

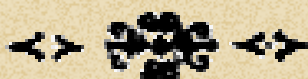
Жизнь человека ..... 195 – 223

Кратковременность жизни – 195. Человек – настоящий мученик – 197. Астрономическое место земли – 198. Соображения астрономической физиологии – 201. Количество пищи, необходимой человеку – 204. Мы можем себе представить ещё более трудные условия – 206. Полнота чувств человека – 206. Что такое звук, свет и теплота? – 207. В мире существуют звуки, которых человек не слышит – 209. Животные видят иногда то, чего человек не в состоянии видеть – 210. Человек – не последнее звено творения – 215. Мнение К.Д. Кавелина – 217. Канта – 220. Фихте – 221.

ГЛАВА X.

Смерть человека ..... 224 – 248

Смерть есть только метаморфоза – 224. Нравственные качества человека – 225. Совесть – 226. Необходимость страданий за гробом – 228. Результаты деятельности ума – 230. Соображения относительно силы чувства у загробных жителей – 231. Через успехи наук улучшаются условия жизни на земле – 234. Значение нравственного мировоззрения – 235. Некоторые условия жизни Духов – 237. Условия питания – 238. Быстрота передвижения – 239. Сон – 240. Дружба и любовь – 241. Мнение Бремзена о духе и плоти – 242. Мнение Ла-Брюиера о здравом смысле – 243. Память и язык у Духов – 244. Способности Высших Духов – 245. Мнение Шарля Бонне о будущности человека – 246.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I. ОТВЛЕЧЁННЫЙ ЭЛЕМЕНТ ЧЕЛОВЕКА.....	3
ГЛАВА II. ЯВЛЕНИЯ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА.	37
Видение Митрополиту Платону.	38
Видение Императора Павла.	39
Видение Императрицы Анны Иоанновны.	40
Графиня Штейнбок у гроба королевы Ульрики.	42
Белая Дама.	43
Видение Карла XI.....	46
Ещё некоторые видения.	49
ГЛАВА III. ДУША.	56
Душа материалистов и позитивистов.	56
ГЛАВА IV. ДУША СПИРИТУАЛИСТОВ.	63
Душа по учению Сталя и Аристотеля.	65
Душа по учению Бартеза и Лорда.	72
Душа по учению Бишэ.	75
ГЛАВА V. ТРИ ЭЛЕМЕНТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВА.....	82
Жизненное начало.....	82
Духовное и разумное начало.....	92
ГЛАВА VI. ПОИСКИ ЧЕТВЁРТОГО ЭЛЕМЕНТА.	96
Необходимость признания четвёртого элемента.....	99
ГЛАВА VII. УЧЕНИЕ ФИЗИКИ О МАТЕРИИ.	101
Неполнота знания материи.	101
Непризнание наукой эфира.	108
Строение материи.	112
Каковы свойства вещества?.....	121
Органическая клеточка.	156
Эфирные тела.	163
Эфирный элемент в строении человеческого тела.....	166
ГЛАВА VIII. ПОЛУМАТЕРИАЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА.....	182
Сущность вещества.	186
Сферы высших жизней.	193
Связь души с телом.....	203
ГЛАВА IX. ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА.	205
ГЛАВА X. СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА.	236
Некоторые условия жизни духов.	250